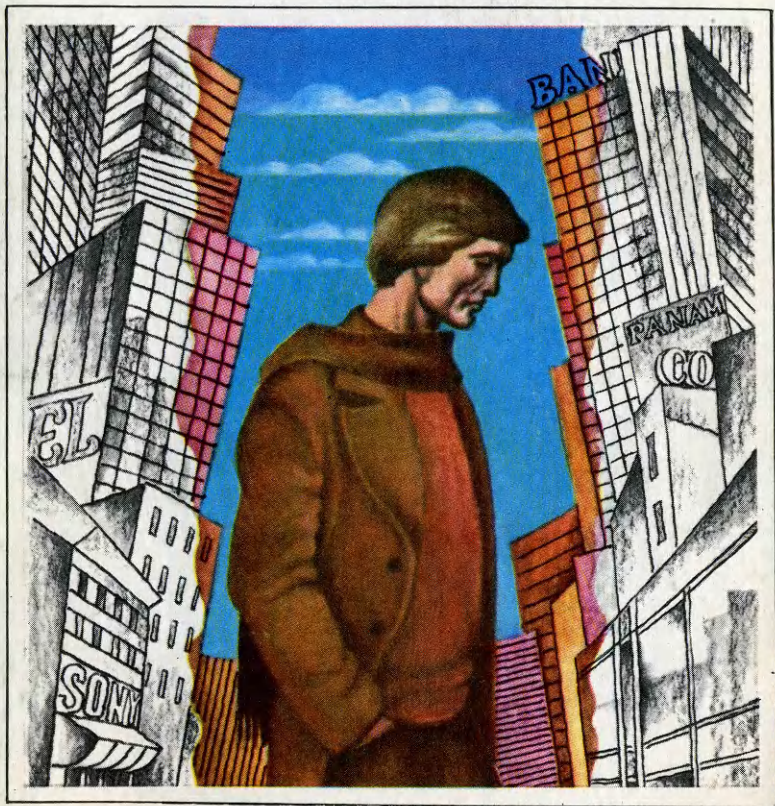

ИГОРЬ ПОДКОЛЗИН
КОГДА
ЗАСМЕЕТСЯ СФИНКС

ОБ АВТОРЕ

Игорь Подколзин родился в Забайкалье, в городе Чите. В пятнадцать лет поступил в специальную военно-морскую школу.

После окончания Высшего военно-морского ордена Ленина Краснознаменного училища имени Фрунзе служил офицером на Тихоокеанском и Балтийском флотах.

Уволившись в запас, окончил факультет журналистики МГУ имени Ломоносова.

Его перу принадлежит более трехсот рассказов, очерков, статей, репортажей, корреспонденций, телесценариев. Игорь Подколзин — автор повестей «Всю жизнь с морем», «Трагедия у Итурупа», «Один на борту», «Свет над горизонтом», «Тайна острова Варудзима».

ИГОРЬ ПОДКОЛЗИН

**КОГДА
ЗАСМЕЕТСЯ
СФИНКС**

Приключенческо-фантастический роман

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1983

84Р7
П 44

П $\frac{4702010200-157}{078 (02)-83}$ 148—83

© Издательство «Молодая гвардия», 1983 г.

БАР «ГОНОЛУЛУ»

Столик из белого пластика стоял в углу. Сквозь большое, во всю стену, окно — оно выходило на тихую улочку, которая вливалась в широкий прямой как стрела проспект, пересекающий город с севера на юг, — были видны двух- и трехэтажные дома, узкий, запыленный, покрытый клочками бумаги тротуар. Парило. Лучи солнца падали почти отвесно, и в вязком асфальте оставались слабые отпечатки каблучков. Пахло нефтью и пылью.

За столиком спиной к матовому с разводами стеклу, промытому до зеркального блеска, сидел человек. Неподвижный взгляд его был обращен на рекламный плакат компании туристских путешествий, призывавший посетить жемчужину Тихого океана — Гонолулу. Шоколадного цвета девушка с чуть-чуть раскосыми глазами на круглом лице, в обрамлении глянцевого-черных волос, в бикини из золотистой парчовой ткани держала в одной, изящно поднятой вверх руке гроздь бананов и ананасов, а в другой — билет на изображенный здесь же многопалубный лайнер. Позади нее ослепительно синели небо и море, зеленели перистые пальмы с лимонными, стройными и колючими стволами. Из красных полукруглых губ креолки, сначала тоненьким языком, затем бесплотным, словно дыхание на морозе, клубом поднималось светлое облачко, надпись на нем сулила людям все экзотические блага и земного и небесного рая за время путешествия на борту сверхсовременного

красавца теплохода. Справа налево по диагонали шла светло-голубая полоса, на которой цифра 3900 обозначала расстояние от города до порта Гонолулу на далеком острове Оаху. По нежно-лиловому полю рекламы там и сям парили, распластав длинные могучие крылья, серебристые альбатросы. При взгляде на плакат казалось, что от него струится пряный аромат тропических цветов и растений и еле уловимый запах нагретой солнцем загорелой кожи девушки.

В это послеобеденное время бар почти пуст — так, пять-шесть человек, забежавших выпить чашку кофе, пива или наскоро перехватить рюмочку.

Человек глубоко вздохнул, оторвался от созерцания флоры и фауны Гавайских островов и посмотрел на высокую кружку из пузырчатого стекла. Брови его поползли вверх, словно он удивился, что она пуста. Над его головой вскинулась рука с оттопыренным большим пальцем. Почти тотчас молоденькая грациозная официантка ловко заменила пустую кружку на полную янтарным, с шапкой пены пивом.

— Спасибо, Моника.— Слегка одутловатое лицо посетителя осветилось доброй улыбкой.— Благодарю вас. Вы не обидитесь, если я задам несколько нескромный вопрос? — спросил он, приподняв голову.

— Пожалуйста, мистер Грег.— Девушка слегка присела в книксене.

— Мне известно — я прочел на объявлении у входа, — вы вечером выступаете здесь на эстраде со стриптизом.— Он немного помолчал.— А вам не бывает, извините меня ради бога, стыдно выставлять свое юное тело на обозрение ораве зажавшихся и пьяных шалопаев?

— Я уже привыкла, мистер Грег.— Официантка вспыхнула, опустила ресницы и потупила глаза.— Правда, сначала было страшно, я стеснялась до слез, даже плакала за кулисами. Но это, конечно, не самое главное. Дело совершенно в другом.

— В чем же, Моника?

— В том,— она вскинула ресницы, и глаза ее сделались колючими,— что мне необходимо кормить больную мать и заботиться о маленьких сестренках, которых я очень люблю. У нас нет отца, он был летчиком и разбился, совершая обычный рейс, а компания отказалась выплачивать пенсию. Мне думается, то, что делаю я, лучше, чем некоторые вещи, которые позволяют себе другие мои сверстницы,— я не виню их, нет, просто из возможных зол выбирают меньшее, но уж, во всяком случае, не ради собственного удовольствия днем я вылезаю из кожи, чтобы обслужить клиентов, а ночью под звуки джаза сбрасываю платье и танцую обнаженной. Что поделаешь — человек слаб, как тростинка, и любой ветер может его сломать.

— Вы, очевидно, не догадываетесь, Моника, что сейчас процитировали первую часть высказывания французского философа Блеза Паскаля. Далее он говорит: «Да, тростинка, но тростинка... думающая». Значит, как я понял, теперь вы привыкли и не чураетесь своего занятия, добывая в поте лица хлеб насущный.

— К этому нельзя привыкнуть окончательно, и я до сих пор краснею, когда появляюсь на сцене, но простите, мистер Грег, те, кто любит за день-ги этим зрелищем, им не стыдно смотреть на голых женщин?

— Думаю, стыдно. Потому-то для подобного аттракциона и выбирают время потемнее и прочие ухищрения в виде различных световых эффектов. И пытаются алкоголем притупить голос совести, заглушить протест против свинского глумления над красотой человеческого тела, над одним из величайших творений природы.

— Может быть, вы и правы, я никогда не задумывалась над этим. Кроме того, мне не дано право осуждать людей и их поступки.

— Вы умница и философ, Моника, и мыслите трезво, если это слово применимо в данной ситуации. Вы окончили колледж?

— Да. Собиралась в университет, изучать медицину, но там необходимо платить, а у нас не было денег даже на еду. Извините, мне нужно работать, уже зовут.— Она снова присела в книксене.

— Это вы простите меня. Желаю вам счастья.

Бар постепенно наполнялся посетителями.

Девушка улыбнулась и, будто растаяв, скрылась за блестящей никелем стойкой, над которой, как трубки органа, стояли ряды бутылок с самыми замысловатыми наклейками.

«Бедная и мужественная девчонка,— думал мужчина.— Она барахтается в грязи, обнажается перед ско-тами, чтобы заработать жалкие гроши и прокормить семью. И странное дело — ухитряется оставаться девственно чистой и незапятнанной, как озерная лилия».

На потолке широкие опахала, словно стрелчатые листья пальм, перемешивали напоенный запахом пива, духов и табачного дыма воздух.

Человек поднял бокал, в нем искрилась пена, сделал несколько больших глотков и опять уставился на кофейную креолку.

На вид ему было лет тридцать — тридцать пять. Светло-каштановые в крупных завитках волосы взлохмачены и давно не стрижены, бледное лицо, на котором резко обозначались глубокие складки, пересекала наискось черная кожаная лента с таким же кожаным кружком, плотно закрывающим правый глаз. Левый, серый с небольшим отечным мешочком под ним, скептически прищурен, точно человек в чем-то все время сомневался, губы кривились в иронической улыбке. Волевой подбородок разделяла еле заметная ложбинка. Одет он был в серый, из хорошей ткани, летний пиджак, явно купленный в магазине готового платья, а не сшитый на заказ. Рубашка в оранжево-фиолетовую полоску с расстегнутым воротом была мятой. Из потертого и слегка обтрепанного, с висевшей на размочаленной нитке пуговицей левого рукава торчал двойной блестящий метал-

лический крючок, загнутый в кольцо, как у каминных щипцов.

Человек опустил голову и начал медленно водить крючком по мокрым озерцам пива на пластике столешницы, соединяя их в каналы, приделывая лучи, как солнцу, завивая в замысловатые спирали. Затем он потряс головой, провел ладонью по лицу сверху вниз и снова поднял большой палец.

На его жест вместо девушки подошел седой и немного тучный старик — хозяин бара. В его черных, как маслины, глазах под кустистыми бровями было спиходительное, но сдержанное осуждение.

— Не достаточно ли, мистер Грег? — Хозяин указал толстым пальцем с плоским сиреневатым ногтем на стопку разноцветных картонных кружков на краю стола. — Это уже четвертая. Может быть, хватит, ведь до вечера еще далеко?

— Не хватит, Джекки. Или я не имею права доставить себе удовольствие и выпить в этом сволочном мире? Или вы думаете, что я пьян?

— Ну зачем же так, мистер Грег, пожалуйста. Я всегда пытаюсь избежать неприятностей. Мне показалось, что вы уже хлебнули изрядно. Не было бы недоразумений с полицией.

— Мне нет дела до вашей сволочной полиции, — он пристально взглянул единственным глазом на хозяина, — до ваших сволочных законов и... вашего сволочного Гонолулу. — Он неожиданно выбросил вперед руку и ткнул крючком в красочный плакат на стене. — Я хочу пива, обыкновенного холодного пива, по пятьдесят центов за пинту.

— Извините, мистер Грег, я сейчас распоряжусь, одну секундочку. — Хозяин поклонился и все так же, как монумент, будто не шагал, а к подметкам ботинок были приделаны колесики, двинулся к стойке.

— Вот так-то лучше. Подумаешь, велика потребность, — еле шевеля губами, произнес мужчина, лоб его

опустился на раскрытую ладонь согнутой в локте руки.— Это же так ничтожно мало — пива и покоя, господи.

Девушка поставила перед ним кружку.

— Спасибо, Моника, вы молодец, дай вам бог удачи.— Из верхнего кармана пиджака он вынул сигарету, размял ее, взял со стола спички и очень ловко прикурил. Струя дыма потянулась в сторону плаката.— Простите, что побеспокоил.

— Пожалуйста, всегда рада услужить вам, мистер Грег.— Она взяла пустую кружку и отошла.

На тротуаре у окна бара остановился прохожий в белом чесучовом костюме. Пристально посмотрел на одноглазого. Постоял. Пошарил взглядом по залу, словно кого-то отыскивая.

Неторопливой походкой, держа сигарету в отставленной в сторону руке с оттопыренным мизинцем, украшенным широким золотым кольцом, к стойке приблизился щеголеватый молодой человек в клетчатом пиджаке, он поставил ногу в изящном лакированном с плоским носком ботинке на подставку внизу у пола и попросил коньяку. Румяному и по-детски круглому лицу он пытался придать надменное выражение. Губы презрительно кривились. Он, очевидно, изнывая в безделье, наблюдал сцену разговора мужчины с официанткой и хозяином. Переложив сигарету в другую руку, он двумя пальцами поднял рюмку за тонкую ножку и, сощурившись, посмотрел напиток на свет. На тыльной стороне ладони синезеленым пауком расплылась татуировка. Все на нем было новое, с иголочки: и костюм, и обувь, и цветной, в радужных завитушках, широкий и модный галстук. От фигуры веяло парикмахерской и довольством.

Отпивая маленькими глотками коньяк, повернулся к хозяину, еще брезгливее скривил губы и, растягивая слова, словно жуя их, назидательно произнес:

— Почему вы пускаете в свое заведение разный сброд, который изводит девушек непотребными, похабными расспросами? Здесь приличное место, и нечего

шляться всяким прощелыгам и подонкам, им давно пора в богадельню.

Одноглазый приподнял голову с ладони и недоуменно, будто еще не полностью отрешился от затаенных личных мыслей, уставился на говорившего.

— Об этом я спрашиваю вас, хозяин! — продолжал, повысив голос, молодой человек. — И прошу ответить. Да, да, прошу!

Бармен вскинул на него глаза, нахмурился, но тут же словно через силу улыбнулся и миролюбиво произнес:

— Слава богу, мистер, мы живем в свободной демократической стране, и любой может посещать то, что ему вздумается, если он, конечно, не безобразничает, ведет себя благопристойно, не нарушает порядок. А насчет подонка, то я извиняюсь, но честнее и благороднее человека, чем мистер Грег, он, кстати, когда-то был полицейским, мне не приходилось встречать, и это не только мое мнение.

— Вы думаете? — протянул молодой человек. — Однако запоете по-другому, когда это кривое чучело распугает клиентов. Вы правильно извоили заметить, мы живем в свободном мире и вольны ходить туда, куда заблагорассудится, где не появляется всякое отребье и не пристаёт с пошлыми предложениями к юным девицам. А если это извращенный тип, таких сейчас хоть пруд пруди?

— Но он не приставал ни с какими предложениями.

— А я заявляю, приставал, и он, несомненно, маньяк.

— Мистер Грег порядочный и образованный человек. Тем более вы же видите, он инвалид, без руки и глаза, будьте милосердны, — пробубнил хозяин.

— Вот именно, — отрезал клетчатый. — Пусть отправляется со своими горестями и дурацкими расспросами в церковь или молеальный дом каких-нибудь мормонов, а не действует на нервы культурным людям, не отравляет настроение тем, кто хочет развлекаться за свои денежки, приобретенные, может быть, ценою здоровья и жизни.

Приходится лишь удивляться, куда смотрят наши блюстители порядка. Мы их содержим — платим жалованье не за то, надеюсь, чтобы разное образованное нищее хамье портило нам жизнь, а вам репутацию заведения.— Он обратил лицо к посетителям, будто призывал их в свидетели.

Многие сочувственно закивали.

— Эдак вы еще и вонючих ниггеров сюда напустите, чтобы они, изображая обезьян, лазали по люстрам? — Он громко захохотал.

— Ну что вы? — засуетился бармен.— Он скоро уйдет. Успокойтесь, пожалуйста, он не засиживается до поздна.

— Правильно, уйдет. И я уйду. И никогда больше не появлюсь здесь, где могут оскорбить и унижить, да и посоветую сделать то же друзьям, а у меня их немало, особенно среди морских пехотинцев.— Он фыркнул, стряхнул пепел в опустевшую рюмку и высокомерно посмотрел на хозяина.— Вот так, учтите это, милейший.

Деньги звякнули о стойку. Не дожидаясь сдачи, он выпятил грудь и, смотря прямо перед собой, проследовал прочь. У выхода обернулся и погрозил хозяину пальцем.

Бармен с досадой смахнул ладонью монеты в открытый ящик и направился к столику в углу.

— Помолчите, Джекки,— тот, кого называли Грегом, встал,— у меня нет одного глаза, но есть оба уха. Я все слышал, понимаю, старина, и не обижаюсь. Кстати, вы не видели кинофильм «Каждый умирает в одиночку»?

— Нет, мистер Грег. Я не хожу в кино, предпочитаю телевизор. Но вы меня не так поняли,— заканючил он.— Приходите, когда пожелаете, я очень уважаю вас, поверьте. Мало ли что наболтал этот хлыст. И откуда они берутся? То хиппи, то йиппи, то черт их знает кто. И теперь эти, с виду похожи на людей, а за душой одна спесь. Хапанул несколько тысчонок в каком-нибудь ле-

гионе наемников, остался в живых и строит не бог весть что.

— Не надо, Джекки. Не надо. А фильм этот обязательно посмотрите, советую, поучительная и жизненная история. Я ухажу. Пусть эти сволочные пижоны не портят свои сволочные нервы. Они всегда помнят, что живут в свободной стране, даже тогда, когда лишают других не только свободы, но и жизни. Так-то, Джекки. Прощайте. Этот юнец — кто он там, коммивояжер или недобитый вояка, вероятно, прав, мне действительно пора на свалку, в этом сволочном мире я задержался слишком долго, здесь больше нечего делать. Поеду в Гонолулу, к этой коричневой деве. — Он указал крючком на проспект. — Лопать бананы, бататы, маниоку и вкушать прелести духовные. Точка, Джекки, счастливо оставаться, старина, не поминайте лихом.

— Полноте, мистер Грег. — Хозяин слегка придержал его за рукав. — Не обращайтесь внимание, приходите, когда пожелаете, всегда рады, мы столько лет относились к вам с уважением, а этот лоботряс, чтоб ему провалиться, вел себя нагло и оскорбительно, и хорошо, что его ноги здесь больше не будут.

— А ты, Билли Бонс, плюнь на этого подонка, — заметил, проходя мимо, бородатый парень в техасах и рубашке, завязанной на голом пузе концами. — Плюнь, старик, и разотри ножкой. — Он шаркнул, показывая, как это сделать.

Человек осторожно отстранил руку бармена и, слегка шаркая подошвами стоптанных расхлестанных желтых туфель, направился к двери. На пороге он лукаво подмигнул официантке и, как могло показаться со стороны, весело помахал над головой рукой.

— Бедный мистер Грег, — прошептала девушка. — Как мне его жалко, он такой тактичный, добрый, умный и несчастный.

— Больше всего ему самому жалко себя, — задумчиво произнес хозяин. — Он горд, и считайте, Моника,

сегодня вы видели в последний раз одного из достойнейших людей.

— Вы думаете, он больше не придет? — Официантка подняла полукруглые тонкие, как черные нитки, брови.— Куда же он денется, одинокий калека? Боже мой, и почему так не везет хорошим людям?

— Вы же слышали: уедет в Гонолулу,— горько усмехнулся бармен.— Мы живем в свободном мире, и каждый волен распоряжаться собой по своему усмотрению, с самого утра сегодня все как сговорились, твердят одно и то же о нашей демократии, поворачивая ее так и сяк.

«Может быть, и хорошо, что он слышал разговор и, конечно, больше не явится. Что ж, каждый не только умирает в одиночку, но и живет так же. Человек он, конечно, достойный, но лучше, если его больше здесь не увидят. В конце концов заведению это на руку,— думал хозяин.— Отказ получен не от меня, а бизнес есть бизнес, и от этого никуда не уйдешь — ведь надо же как-то жить. Надо».

Бармен окинул взглядом зал и, увидев в дальнем конце поднятый палец, легонько подтолкнул девушку, указав глазами на требующего пива посетителя.

В углу у окна на опустевшем столике медленно подсыхали соединенные в каналы, завитые в спирали и расходящиеся лучами лужицы пива. Вверху под потолком все так же почти неслышно вращались, точно отсчитывая тягучее время, лопасти вентиляторов. На стекле окна, поджимая полосатое черно-желтое брюшко, поводя усиками, ползала суетливая оса.

На душе у Грега было муторно и тоскливо.

— Извините, пожалуйста.— Перед ним словно из-под земли возник полноватый господин. На воротник белого костюма падала львиная грива густых каштановых волос. Кончики усов меланхолично опущены к подбородку.

— Доктор! — Грег радостно вскинул брови.

— Да, это я. У вас отменная память. Чего, пожалуй, не скажешь о вашем виде. Что — плохо? — Он легонько тронул его за локоть. — Если не спешите, пойдемте посидим где-нибудь?

— Торопиться мне некуда. А кроме того, хотите верить, хотите нет, но всего каких-то полчаса назад я вспоминал вас и даже собирался разыскать. Дело в том, что у меня внезапно родилась сногшибательная идея, и подумалось, не поделиться ли ей с вами.

— Зайдем? — Доктор указал на небольшое кафе. — Что-нибудь выпьем, поговорим.

Они вошли и сели за столик.

— Что будете пить? Не стесняйтесь, я при деньгах.

— Только кофе.

Официантка быстро принесла две маленькие чашечки.

Несколько минут они молчали, помешивая ложечками напиток.

Разговор начал Грег:

— Ваше имя, если не ошибаюсь, Макс Эдерс?

— Совершенно верно.

— Мне бы хотелось еще раз поблагодарить вас за то, что помогли мне тогда выкарабкаться с того света.

— Бросьте. — Доктор махнул рукой. — Я же говорил — вы мне симпатичны. Все остальное — обычный долг врача. А из той клиники я ушел. Теперь отдыхаю, пока не кончатся деньги. Правда, их, положа руку на сердце, не так уж и много, скорее наоборот.

— Вы хотите сказать, что сейчас вроде бы не у дел?

— Можно и так.

— Это замечательно, — воскликнул Грег.

— Станный вывод, — недоуменно протянул Эдерс. — Чего уж тут замечательного? Не очень-то легко снова устроиться.

— Я не так выразился, доктор. Просто это как нель-

зя лучше соответствует планам, которые я обдумывал, сидя в пивном баре.

— Лучше для кого? — Эдерс прищурился. — Для вас?

— Для нас обоих. Я же говорил, последние дни мне не дает покоя одна мысль. Она засела в голозе, как гвоздь, и постоянно нудит. Можете уделить минут десять и выслушать?

— Хоть двадцать.

— Скажите, доктор, только откровенно, я похож на сумасшедшего? — Он взглянул исподлобья.

— Оригинальное начало. — Эдерс хмыкнул. — Значит, навязчивая идея? Или просто параноидальный психоз? Не злоупотребляете алкоголем, не было ли в роду сифилитиков?

— Мне необходимо знать: именно вы считаете меня помешанным или нет?

— Пока нет. Вы же знаете, я не психиатр, а хирург, тем не менее, мне кажется, вы вполне нормальны или, как говорят медики, практически здоровы и, разумеется, вменяемы. Во всяком случае, с тех пор как мы с вами расстались, а прошло не так много времени, вы не деградировали в худшую сторону.

— С тех пор прошла целая вечность, но дело не в том. Мне стала известна великая тайна. Даже величайшая. В научном отношении не имеющая себе равных. — Он поднял указательный палец.

— О-о-о! Сдается мне, я излишне поторопился с диагнозом. Подобные откровения приходилось встречать в больнице, когда я проходил практику. — Доктор откинулся на спинку стула и зашелся смехом.

— Все это очень серьезно. — Грег не обратил внимания на смех. — Я действительно обладатель выдающихся научных открытий. Таких, о которых ученые всех времен и народов могли лишь мечтать, да и то если обладали дерзкой фантазией. Проектов, поистине совершающих грандиозный переворот в науке и технике, сулящих лю-

дям дотоле невиданные блага. Они принесут человечеству и свет, и тепло, и пищу, и здоровье тем, кто неизлечимо болен.

— Вы сегодня уже пили? — участливо осведомился доктор.

— Да, но только пиво, и сейчас я абсолютно трезв.

— Хотите еще кофе?

— Вот что, Макс Эдерс. Или вы перестанете иронизировать, поверите, что я в своем уме и говорю здравые вещи, или я повернусь и уйду. Дело исключительное и требует полного доверия. — Он сделал попытку подняться.

— Сидите. Что вы такой обидчивый? — Доктор положил ему руку на плечо. — Извините меня. Вы же понимаете, чаще всего умалишенные или выдают себя за великих людей, или становятся обладателями каких-то секретов. Поневоле напросилась аналогия. Я прошу прощения, продолжайте, пожалуйста.

— По стечению обстоятельств или, если вам больше нравится, судьбы мне пришлось столкнуться с ученым. Даже не так — с гением. Да, да, самым настоящим, во всяком случае, в моем понимании. Я, так же как и вы теперь, сначала не поверил ему, потом начал сомневаться, а когда увидел некоторые вещи собственными глазами — их у меня тогда было два, а мы, криминалисты, доверяем лишь фактам, — понял: он говорил правду, как и я сейчас.

— А в чем суть изобретения или, как его там, открытия?

— Вам не стоит объяснять, что основа всего живого — энергия. Если бы ее было достаточно, люди жили бы в несколько раз лучше.

— Аксиома, — кивнул доктор.

— Того гения нет в живых, и я единственный человек на земле, который знает, как сделать, чтобы энергии было не только в достатке, но и в избытке, с минимальными материальными затратами, смехотворно минималь-

ными, такими, о которых вы и не мыслите. Как если бы, допустим, все наши моря до краев наполнились нефтью.

— Это было бы ужасно! — Доктор поморщился. — Если приснится, станешь запкой.

— Да. Но я привел пример для сравнения — теперь принято все мерить на нефть. Мне известно, как ликвидировать энергетический кризис и стать обладателем неисчерпаемого источника энергии. Притом она очень дешева. Не нужны нефть, газ, уголь, гидро-, атомно- и термоядерные электростанции. Это решит массу проблем. Можно будет растапливать льды Антарктиды и Арктики, осушать моря, поворачивать реки, обводнять пустыни, сдвигать горы, менять климат и многое другое. Осуществлять все, на что способно людское воображение, вплоть до полетов в иные галактики.

— Многое мы уже натворили и, спохватившись, не знаем, как избавиться от бездушных деяний рук человеческих, — вставил доктор.

— Вы правы. Мы вторглись в природу, не познав и тысячной доли ее тайн. И жестоко поплатились за самоуверенность и снобизм. Слабый не может управлять сильным. Мы не могли стать не только ее господинами, как говорили некоторые, а даже союзниками. Вмешиваться в эволюцию, подчинять и обуздывать стихии мы не имели права, так как не располагали источником энергии природы. У нее он есть — солнце, а у нас нет.

— Но сейчас сплошь и рядом слышишь: люди накопили столько атомного, водородного и прочего оружия, что можно все живое уничтожить тридцать раз, разве это не могущество? — Доктор прикрыл глаза.

— Правильно. Уничтожить, но не создать. Вспомните, во сколько человечеству обходится гонка вооружений. Становится страшно. А у меня такой источник есть. Это не мое открытие. Я всего лишь душеприказчик чужого наследства. Притом такого огромного, что цены ему нет. В моих руках то, что избавит человечество от тяжелого труда, накормит и напоят, оденет и обует, снабдит но-

вым, не загрязняющим окружающую среду и быстрым видом транспорта, откроет пути в другие цивилизации, даст блага материальные и нравственные, приведет к небывалому развитию науки, техники, культуры и искусства. Возвысит морально, а следовательно, избавит от самого гнусного — от войн. Наконец, с помощью открытого гением Т-поля люди избавятся от ранее неизлечимых недугов, смогут вторгаться в святая святых всего живого — наследственность, а продолжительность жизни станет в четыре-пять раз больше, чем теперь.

— Однако, судя по вашему облику, не подумаешь, что вы такой богатей, а? — усмехнулся Эдерс. — Я материалист и, как вы, верю фактам. Но слушать было занятно. Правда, о чем-то подобном я читал в детстве у некоторых фантастов. Может, лет через двести так и будет. Пока же, увы и ах.

— Было бы странным, если бы вы сразу мне поверили. Тогда бы уже я засомневался в ваших умственных способностях, хотя то, что вы слышали, истинная правда, клянусь вам. Но дело совершенно не в этом.

— А в чем же? Какая, собственно, роль уготована мне — невозражающего наивного и терпеливого слушателя? Считайте, вам повезло: внимал я серьезно и даже поддакивал иногда. Но я скромный эскулап, и мало толку, верю вам или нет. Что вы-то хотите от меня?

— Предлагаю быть компаньоном.

— Господи! Вот уж не ожидал. Уж не намерены ли выпустить дутые акции? Что-то вроде продажи участков на Луне или мест в раю? Облапошить простаков и, прихватив их деньги, исчезнуть за рубеж? Непохоже на вас, нет. Не такого склада вы человек. Тогда что же? Чем в конце концов могу быть полезен я, в каком качестве и деле? Да и капитала у меня нет.

— Мне нужен прежде всего друг и соратник. Один у меня есть. Честный и верный. Необходим другой. Мне кажется, вы подойдете. Кроме того, понадобятся ваши медицинские познания. Открытие касается не только ма-

тематики, физики, механики, химии, но и биологии, медицины и других наук. Впоследствии придется привлечь специалистов многих направлений. Но это лишь тогда, когда все расчеты, формулы, дневники и описания приборов будут уже у нас.

— Так, значит, у вас их нет? — недоуменно спросил доктор.

— Сейчас нет, но я знаю, где они. Лишь я один и ни душа больше. Все у меня в голове, даже не существует записей или карт.

— И далеко этот тайник или, как там, клад?

— К сожалению, да. Придется отправиться в экспедицию миль эдак тысячи за четыре-пять.

— Далековато. Ну а деньги? Ведь на подобный вояж нужны немалые средства?

— Я упоминал, у меня есть хороший друг, у него в банке лежат кое-какие сбережения. Он их отдаст, на первый раз хватит, во всяком случае, чтобы добраться до места и достать документы. Он тоже поедет с нами. Надо решаться, иначе будет поздно — все мы, как говорят, под богом ходим.

— Это капля в море, необходим большой капитал. С парой-другой тысяч ничего не получится, только потеряете последние гроши. Сейчас бедные становятся нищими и лишь богатые крезами. Почему вы не хотите обратиться с предложением в какой-либо заинтересованный концерн?

— Потому что тогда открытия гения пойдут не на благо людям, а на обогащение магнатов. Больше того — могут быть использованы во вред всему человечеству, если станут достоянием помешанных на войне и мировом господстве.

— Вы были со мной откровенны, — начал Эдерс, — постараюсь отплатить тем же. Меня удивляет ваш альтруизм. Неужели жизнь вас ничему так и не научила? То, что вы хотите осуществить, — утопия и напоминает стремление, извините, козявки вскарабкаться на вершину

Эвереста. Со своего козявочного росточка она, бедненькая, и не помышляет, сколь это грандиозно, огромно и непостижимо. Я флегматик и скептик. Мой удел лечить людей, зарабатывая себе на жизнь, а не ломать голову над их социальными проблемами. Простите, но я пас. Мне думается, у вас ничегошеньки не выйдет, слишком велика ставка, чтобы ее упустили промышленные концерны и фирмы, а заодно и мафия. Всей этой братии гуманизм чужд. Идол один — золото. Заполучив расчеты и формулы вашего свихнувшегося гения, они его душеприказчика, то есть вас, в лучшем случае упрячут в психичку, а то просто — хлопот меньше — ухлопают. И получится, хотите ли вы того или нет, — командовать парадом будут они, весь этот гнусный симбиоз дельцов и бандитов. И мне думается, парад этот будет страшен, а столь любезное вашей душе человечество получит еще одну беду. Удивляюсь, как вы, юрист, не понимаете этого.

— Я понял. Вы отвергаете предложение?

— Да, Грег. Это не для меня. Не обижайтесь. — Он чуть помедлил — И знаете еще что?

— Что? — Фрэнк поднял голову.

— Я никогда не лезу с советами, если меня не просят, но в данных обстоятельствах хотел бы изменить своей привычке.

— И что же вы хотите мне посоветовать? — Грег скептически усмехнулся.

— Выкиньте все это из головы, во-первых, а во-вторых, никогда в тяжкую минуту не прибегайте к спиртному. Мне до боли в душе грустно видеть, как порой в считанные полчаса-час умница превращается в мутноглазого идиота, юная скромница — в развязную потаскуху, а джентльмен — в омерзительное животное.

— Вы считаете, что то, что я вам сказал, алкогольный бред, и не поверили мне?

— Отнюдь нет. К счастью, вы еще не в той стадии, когда начинают проявляться навязчивые идеи. Я сказал к слову. Вы мне нравитесь, больше того, меня восхищает

ваше стремление помочь людям, и поэтому не ваш удел кончать жизнь под забором, вы достойны лучшей участи. Во всяком случае, желаю вам всего самого доброго. Прощайте и не сердитесь на меня.— Доктор положил на столик мелочь и встал.

— Прощайте Эдерс. Считайте, что никакого разговора не было. Я провожу вас немного.— Фрэнк тоже поднялся.

ГЛАВА II

НОЕВ КОВЧЕГ

Он родился весной, в тот день, когда все человечество праздновало победу над фашизмом. С лязгом и скрежетом, эхом, разнесшимся по всей планете, рухнула огромная, настроенная на перемалывание людей машина. Рожденная на крови, она и при кончине погребла миллионы жизней под обломками. И вот теперь наступил мир. Правда, в семье торжество было омрачено — накануне они лишились отца, он командовал отделением десантников при высадке в Европу. Его товарищи сообщили в письме: подорвался на mine, да так, что и хоронить-то вроде бы было нечего. Это случилось в ту войну, которая, как теперь казалось, отгремела давным-давно. Так давно, что и воспоминания о ней почти стерлись в памяти.

Получив извещение о смерти мужа, мать, служившая секретаршей в солидном финансовом офисе, перебралась на юг, где располагался филиал учреждения.

Когда Фрэнк заканчивал школу, она, в то время еще молодая и привлекательная женщина, вышла замуж за процветающего букмекера — он-то и стал первым и духовным и деловым наставником пасынка. Мальчишка рано познал тот мир, где можно было, не затрачивая особенно ни физических, ни моральных сил, действуя

хитро и ловко, загребать солидные куши, где обман и махинации вызывали не только одобрение, но и возводи-лись в принцип. Учиться у опекуна-отчима было чему. В результате такой опеки пасынок едва не угодил в тюрьму, выполняя одно из его поручений. На этой почве произошел крупный разговор с отчимом. Захватив немудреные пожитки, Фрэнк покинул семью и перебрался в портовый город. Правда, еще не успев оглядеться на новом месте, пришлось вернуться. Мать и отчим погибли во время наводнения. Мальчишка, забыв об обидах, поспешил домой, вернее, туда, где когда-то стоял дом, а теперь вся улица, сбегающая к уже спокойной реке, наполнила огромную свалку залившегося мусора с вкривь и вкось торчащими стропилами, обвалившимися подмы-тыми стенами, придавленными крышами, грудями битого кирпича, стекла, поваленными изгородями, с корнем вырванными тунговыми деревьями. Среди этого хаоса копошились, как муравьи, люди, извлекая из-под развалин то, что еще могло пригодиться в хозяйстве.

Родных похоронили городские власти, наследства от них никакого не осталось, и делать тут ему было нечего.

Фрэнк возвратился в город. Несколько недель он как неприкаянный слонялся в поисках хотя бы какой-нибудь работы, но везде получал отказ. Ночуя на чердаках, в сараях, а то и под открытым небом на скамейке сквера, с первыми лучами солнца он, дрожа от утренне-го холода, снова пускался в путь. Таяли деньги, таяли и надежды. Как-то в порту, когда давно уже кончились последние медяки и два дня у него не было ни крошки во рту, к нему подошел невысокого роста худощавый парень, стриженный под бокс, темноглазый, одетый в линялые джинсы и белую трикотажную рубашку с короткими рукавами, на спине и груди которой были нама-леваны сценки из «Микки Мауса». Уперев руки в бока, склонив голову набок, он стоял против Фрэнка, рассмат-ривая его в упор, перекатывая во рту жевательную ре-зинку.

г

Оба молчали.

Наконец незнакомец выплюнул жвачку и доброжелательно спросил:

— Жрать хочешь?

— Очень,— простодушно признался Фрэнк.

— Пойдем,— коротко бросил паренек, сплюнул и повел его в самый дальний конец гавани, за заброшенные склады, где на отшибе стоял старый пароход с длинной трубой, очевидно, давно списанный в металлолом, обшарпанный, в разводах ржавчины, с вмятинами на бортах. От всей этой груды железа среди маслянистой воды веяло запустением и безысходной тоской.

Когда они подошли к судну, то оказалось — хода с причала на него нет. Пароход сидел на мели, правда, с него были отданы якоря, а вытравленные с кормы на пирс два толстых стальных троса закреплены за швартовые береговые битенги.

Юнец прыгнул в небольшую, заляпанную смолой лодчонку, в которой лежало короткое весло и пустое брезентовое ведро с веревкой. Он взял весло, устроился на кормовом сиденье и крикнул:

— Садись, поедем!

Над пароходом вились чайки.

Фрэнк спустился в лодку, и они направились к судну. Обогнули его и причалили к носовой части левого борта со стороны моря, где, почти сливаясь с обшивкой, висел измочаленный штормтрап. Цепляясь, как обезьяны, за деревянные перекладки веревочной лесницы, они вскарабкались на палубу и юркнули в темный овальный вырез двери.

— Башку не разбей,— донеслось до Фрэнка.— Рот не разевай — под ноги гляди, иначе грохнешься и нос расквасишь.

Внутри было темно и прохладно, пахло старой краской, смолеными канатами и еще чем-то ядовито острым, напоминающим запах керосина или нефти. Сквозь мрачный узкий коридор со свисающими со стен, как лопухи,

обрывками линкруста, шаркая ногами по выгертому линолеуму, они прошли в среднюю часть и поднялись по погнутому трапу в верхнюю надстройку. Вероятно, раньше здесь находилась каюг-компания для офицерского состава. В помещении почти не было мебели, в широких квадратных окнах отсутствовали стекла. В углах и вдоль стен сидели человек двадцать ребят, приблизительно одних лет с Фрэнком. Одеты они были кто во что горазд: в шорты, джинсы, легкие брюки из бумажной материи, на ногах кеды, сандалии, а то и вообще ничего. Кое-кто в рубашке, майке или свитере. Однако их вид не напоминал оборванцев, облаченных в лохмотья, кланчащих подавание у церквей и забегаловок. Выглядели они как все уличные мальчишки южных приморских городков.

Спутник Фрэнка направился к длинному парню лет двадцати — двадцати пяти, с продолговатым прыщавым лицом и коротко стриженными светлыми волосами на круглой, с оттопыренными ушами голове. Он наклонился к его уху и начал что-то быстро нашептывать, показывая пальцем на Фрэнка. Верзила молча слушал, сосредоточенно насупив белесые брови, иногда бросал в сторону пришельца пытливые, настороженные взгляды. Затем несколько раз, соглашаясь с чем-то, кивнул и по-манил Фрэнка пальцем.

— Откуда ты? — Долговязый пригладил ладонью жиденькие, растрепанные, пыльные, точно пакля, волосы. — Отец-мать есть?

— Нет. Погибли при наводнении, а сам я здесь вторую неделю. Никого у меня, никаких родных, ни знакомых или друзей.

— Понятно. Мы все такие, кроме тех, кто в корме. Ну да, может быть, это и к лучшему. Хочешь остаться с нами?

— Хочу, — ответил Фрэнк, подумав про себя: «А куда же еще деваться, не подыхать же с голоду под забором».

— Оставайся. Но помни: у нас все общее, весь заработок сдаешь мне. Меня зовут Дылда, я главарь, слу-

шаться меня беспрекословно, что бы я ни приказал, хоть за борт прыгнуть, а это,— он кивнул в сторону парнишки, который привел Фрэнка,— мой помощник, Косой. Один из помощников,— добавил самодовольно,— всего их у меня пять.

Фрэнк только сейчас заметил, что мальчишка действительно чуточку косит, что делает выражение его лица слегка удивленным или наивным.

— Ты вот что,— обратился к Косому Дылда.— Дай ему пожевать, в кредит, так сказать,— он хихикнул,— потом отработает. Объясни что к чему, ну и все такое, а потом будет видно, куда приставить.

— Хорошо,— ответил Косой и бросил Фрэнку: — Топай за мной да перестань вертеть головой, не в цирке, еще насмотришься, надоест. На корме живут хиппи или йиппи, свожу тебя как-нибудь на экскурсию.

Они вышли в коридор, миновали несколько дверей по обеим его сторонам, вернее, дверных проемов — сами двери были сняты, и входы в каюты выглядели квадратными вырезами в стенах. Кое-где их закрывали занавески из джутовой мешковины, непрозрачной пленки или камышовых циновок. За ними иногда мелькали смутные тени, раздавались приглушенные голоса, какая-то непонятная возня.

У одной из них они остановились.

— Заползай сюда.— Косой отдернул край дерюги.— Здесь моя берлога, не люкс, правда, но зато и не сыро, жить можно.

Помещение небольшое — метра три на три — с круглым иллюминатором, за давно не мытым стеклом которого виднелось серое спокойное море и портовые сооружения: часть башенного крана, деревянная эстакада и красные рифленые крыши пакгаузов. У стены одна над другой металлические койки, застеленные тонкими, вытертыми до дыр и кое-где прожженными одеялами, поверх них валялись две подушки в засаленных цветастых наволочках, из швов выглядывали перья. В углу стоял

шкаф, когда-то окрашенный под орех, а теперь совершенно потерявший цвет, рядом пара колченогих, явно не корабельных стульев и заменяющий стол накрытый газетой ящик из-под яичного порошка. На нем воткнутая в бутылку свеча, несколько захватанных стаканов из толстого стекла, алюминиевая тарелка с кусками засохшей волокнистой соленой трески, вскрытая банка яблочного компота. Над всем этим с деловитым жужжанием роились мухи. Пахло чем-то кислым и прелым.

— Здесь до тебя обитал один мальчишка, да скопился — угодил в больницу, то ли простудился, то ли еще что — сволокли без памяти. Пытался его навестить, да чуть самого не схватили. Забирайся на стул и ешь, сейчас поищу, где-то хлеб оставался. — Косой пошарил в шкафу и вытащил половину белого черствого батона. — Лопай, не стесняйся, там, в углу, чайник с водой, запей.

Он сел на кровать и вынул из кармана смятую пачку дешевых сигарет:

— Кури. — Протянул пачку.

— Не курю я. — Фрэнк схватил с тарелки рыбу голову и впился в нее зубами.

— Не торопись, твое от тебя не уйдет, ешь обстоятельней.

Несколько минут они сидели молча.

За бортом лениво плескалась волна. Со стороны порта доносился перестук колес вагонеток по рельсам, скрип блоков, отдельные возгласы докеров. Сигналы каров, гудки судов. По коридору прошлепали босиком, слышался шепот и приглушенный смех.

— Тебя как звать-то? — Косой прилег, закинув ноги на одсало.

— Фрэнк, Фрэнклин Грег, — промычал Грег, пережевывая рыбу.

— Ясно. Фамилию называть необязательно, многие из нас свою начисто забыли, а некоторые и вообще не помнят, те, кто в банде, как говорится, с самого детства.

— В какой банде? — Он перестал есть и удивленно уставился на Косого.

— В нашей, в какой же еще, или ты думал, что попал в благотворительный приют? Ты с луны свалился или прикидываешься, что ничего не понимаешь?

— Да нет, не с луны, — ответил, помедлив, Фрэнк, — просто я как-то не сообразил сразу.

— Ну факир, не сообразил. Чего же тут соображать? Все, кого ты видел, члены нашей шайки. Малыши — это или круглые сироты, или дети тех, кто уже и облик человеческий потерял, спился окончательно или в тюрьме отсиживается. Есть такие, что и родителей своих никогда не видели. Другие, постарше, помыкались-помыкались по миру, послонялись по улицам и ночлежкам, да и тоже оказались здесь, вот и получается — все пути ведут или в тюрьгу, или в банду. Таких, как эта, в городе штук десять. У каждой свой район. Наш — восточная половина порта и до улицы Ангелов — дальше не суйся. Точнее, появляться-то можно, но чтобы промышлять, ни-ни, доллар будет валяться на асфальте, упаси боже поднять, не то в лучшем случае накостыляют, а в худшем ножом полоснут или череп проломают. Учти.

— За что же? — оторопел Фрэнк.

— Чтобы порядка не нарушал. Не лезь в чужую сферу. У нас все разграничено, что твое, то твое, а к другим не ходи.

— А ты давно тут? — Фрэнк хотел сказать в банде, но язык не повернулся. Он стеснялся произносить это слово.

— Давно. — Косой почесал голову и выбросил в иллюминатор окурок. — Сбежал из дома, иначе все одно концы бы отдал: отец четыре года без места, мать больная, сестры, — он снисходительно цикнул сквозь зубы на пол, — шлюхи, по подворотням треплются, жить-то надо, в семье шесть ртов. Вот я и смылся. Сунулся туда-сюда, нигде ничего. Хотел на корабль податься — куда там, без меня людей, притом настоящих матросов, навалом,

и все сидят ждут. Куда ни пойдешь, везде одно и то же — не требуются. Одни раз, правда, повезло: нанялся посуду мыть в ресторанчик при кемпинге, хоть и невесть какие гроши, но все лучше, чем ничего. Да не продержался.

— Выгнали? Проштрафился в чем-нибудь?

— Не. Черного взяли. Совсем бесплатно, за одну кормежку да ночевку в гараже. Стало совсем неважоту, и прибилиз сюда.

— В школу-то ходил?

— Ходил, четыре класса окончил, а как отца поперли с работы — он на бензоколонке автомобиля мыл, — так и кончилась учеба.

— А Дылда, главарь, тот как здесь очутился, не знаешь?

— Почему не знаю, знаю. Тут дело другое. Темное. Завербовался он наемником в Африку, то ли в Конго, то ли еще куда, точно не могу сказать. Привык жить на всем готовом да делать что хочешь. Но даже там на-творил что-то, ухитрился, видишь ли, и среди головорезов отличиться. Короче, дал тягу оттуда и обосновался в плавуем отеле. Правда, живет он в городе, на квартире. Но вообще-то советую поменьше им интересоваться, понятно? — Косой взглянул исподлобья. — Он уже в тюрьме сидел. Словом, не будь любопытным — целее останешься. Давай-ка сейчас поспим до вечера, а потом отправимся по делам, Дылда приказал тебя натаскать. Забирайся наверх и кемарь, я разбужу.

* * *

Когда стемнело, обитатели парохота незаметно, по одному покинули судно и перебрались на прилегающий к заливу огромный, заваленный разным хламом пустырь, густо заросший кустарником и жесткой, в рост человека травой в пролысинах желтого песка. Выше, над глинистым откосом, виднелся длинный деревянный забор, за

которым синим частоколом проглядывал то ли парк, то ли лес.

У развалившегося сарая, под навесом с проломом в железной крыше собралась вся банда. Проходил своеобразный последний инструктаж. Дылда называл это — развод караула.

Мальчишки по три-четыре подходили к восседавшему в плетеном раскоряченном кресле главарю, одетому теперь в новый светло-серый костюм, цветную рубашку и изящные полуботинки. Недолго посоветовавшись, они направлялись к зарослям и исчезали в шербатом, как от удара крупного снаряда, проломе бетонной ограды, тропинка оттуда вела через дачное предместье к освещенному огнями городу. Когда почти никого не осталось, вернулся Косой, на плече у него болталась легкая сумка из кожаменителя.

— Ну, пора, поднимайся, потопали,— сказал он и махнул рукой, показывая, что нужно идти туда же, куда ушли все.

— А сам Дылда? — начал было Фрэнк.— Он что, останется?

— Не твоя печаль, у нас свои дела — у него свои,— оборвал резко Косой.— Не будь любопытным, предупреждал же.

По вытопанной среди репейника, крапивы и вереска узенькой дорожке они дошли до глубокого оврага, на дне которого темнела пахнувшая помойкой жирная вода, по переброшенным через него двум бревнам перебрались на противоположный склон, перелезли изгородь из ржавой колючей проволоки и очутились на окраине.

Косой остановился, не спеша достал из карманчика рубашки окуроч, прикурил, сплюнул прилипшие к губам табачинки и сказал:

— Мы сегодня пройдемся по пивным, затем по барам и кафе, потом прошвырнемся к гостиницам. Дорога знакомая. Сам ничего не предпринимай, лишь смотри на

меня, наблюдай, мотай на ус, ни во что не суйся, иначе и погореть недолго, понял?

— А что станем делать?

— Ты пока ничего, не гоношись, ну а я — что подвернется. Одним словом к утру мы, хоть лопни, должны выложить Дылде не менее десяти долларов — он, гад, опять, видно, в карты продулся; не достанем — хана.

— А что он нам сделает, изобьет?

— На первый раз тебя обязательно, для острастки. Правда, не сам — это редко, в крайнем случае. Если сам — не приведи бог, второго раза не захочешь, можешь не сомневаться, наизнанку вывернешься, а деньжата приволокешь.

— Так где же мы их возьмем, десять долларов? — с тревогой спросил Фрэнк. — Это же очень много, столько и заработать трудно.

— Я же сказал — где придется. У пивных можно сорвать, у моряков-иностранцев, они города не знают — их облапошить ничего не стоит. У баров и кафе, когда народа много, или у гостиниц: такси кому поймать, дверцу открыть, багаж поднести или деваху в номер препроводить. Главное, не суетись, держи ухо остро, на глаза копам не попадайся — заметут. Короче, пасисьazole меня и присматривайся, где и что раздобыть. Парень ты вроде смысленый, не то что какой-нибудь тупой ниггер.

— А у вас и негры есть?

— Всякой твари по паре — и негры и пуэрториканцы. Правда, их Дылда не жалует — это он их ниггерами зовет. Но особенно не переносит китайцев, видно, насолили ему когда-то, вот и бесится. Если китаец подвернется, измордует до полусмерти.

— Но почему? Они ведь тоже люди, китайцы-то?

— А за здорово живешь, не будь китайцем, и баста — весь сказ, вот за что.

— Станный он человек, твой Дылда, — пробормотал Фрэнк.

— Сгранный человек? — Косой замедлил шаг и посмотрел ему в глаза. — Зверь он и паскуда. Ну да лучше не стоит об этом, за работу пора, а то, не ровен час, утром на своей шкуре испытаем, что он за человек. Пошли.

Улица, на которой располагались пивные, забегаловки и другие самые дешевые и низкопробные заведения, змеилась вдоль набережной. По обе стороны, преходя один в другой, тянулись дома в большинстве в два, редко в три этажа. Широкие полосы света из окон, витрин, распахнутых настежь дверей ночных лавок падали на пыльный заплывающий тротуар, кудрявились в скорлупках арахисовых орехов и банановой шелухи, блекли на проезжей части, порой вспыхивали на лакированных боках проносившихся автомобилей, на никеле мотоциклов. В свете рекламных огней текла говорливая, пестрая толпа. Несмотря на поздний час, народа было много. Сплошь и рядом попадались группы моряков по пять-шесть человек в форме всех континентов. Сновали какие-то пронырливые, щегольски одетые людишки, стреляли угольками-глазками, предлагали что-то из-под полы, в подъездах и арках стояли вульгарно раскрашенные женщины и совсем молодые девчонки, мулатки или пуэрториканки, но были и белые. Все это сборище тараторило на разных языках, потело от жары, спорило, ругалось, орало. Из заведений выплескивались каскады музыки, пения, смеха, иногда разбавленного истошным женским визгом или свистками полицейских.

Мальчишки дважды прошли улицу из конца в конец.

Зайдя в один из подъездов, они быстро достали из сумки рубашки и переоделись: чтобы не примелькаться, как объяснил Косой.

Из заднего кармана брюк тучного мужчины в твидовом просторном пиджаке Косой ловко выудил потрепанный бумажник, в нем они обнаружили двадцать шесть долларов с мелочью и золотое дамское колечко с красным, как капельки крови, камешком. У растрепанной итальянки-лотошницы, торговавшей булками с запечен-

ными в них сосисками, стянули два целлофановых пакета с едой, а от двери табачного стеклянного киоска — блок египетских сигарет: их тотчас, выбросив упаковку за решетку подвала, рассовали за пазуху и по карманам.

Остановившись на минуту, словно что-то обдумывая. Косой покрутил головой и увлек Фрэнка на задний, заваленный пустыми ящиками и разохшимися бочонками двор. Из окон закусочной крепко пахло кислым пивом, копченой рыбой, жаренной на сале картошкой и вареными с укропом креветками.

— Хватит,— Косой похлопал себя по бокам.— Не стоит искушать судьбу, не всегда так везет, как сегодня,— достаточно. Это, наверное, ты, счастливчик, мне удачу принес.— Он улыбнулся.— Двинем теперь, перекусим где-нибудь, желательно, чтобы никто из наших не увидел. А может, в киношку отвалим, я знаю такие, где без перерыва крутят всю ночь, согласен?

— Спрашиваешь.— усмехнулся Фрэнк.— А к гостиницам не пойдём?

— Ну их к шуту, перебьется Дылда. Все равно спустит в карты да на тотализаторе. Ладно, побежали подзаправимся, проголодался я, да и выпил бы с удовольствием холодненького.

Они свернули в узенький темный переулок, через проходной двор выскочили в небольшой тупичок, обсаженный чахлыми деревцами, и очутились перед приземистым домом. Над неширокой, застекленной дверью холодно подрагивала зеленоватая неоновая вывеска.

— Вот здесь засядем.— Косой толкнул дверь, и они очутились внутри то ли закусочной, то ли кафе. Он уверенно направился к стойке, подхватил на штампованный подносик две порции рубленого бифштекса с луком, салат из овощей, пару бутылок кока-колы и, мигнув Фрэнку, двинулся в дальний угол за квадратную деревянную колонну.

— Присаживайся.— Он шмякнул тарелки на стол — Выкладывая пакет с сосисками, сейчас устроим великое обжорство.

Заведение было маленьким — столиков на восемьдесят. Рядом с кассиршей располагался проигрыватель-автомат. Изредка кто-либо бросал монету, и под низкими сводами гремела джазовая, перемежающаяся истошными воплями певицы музыка.

Когда и тарелки и бутылки опустели, Косой, слегка отдуваясь от обильной еды, распечатал пачку сигарет, стукнул по ней снизу так, что несколько выскочили до половины.

— Закуривай, египетские, по доллару пачка.

— Я же говорил тебе, не курю.— Фрэнк отвел пачку.— Кашляю я от них, в горле першит.

— Что так, легкие слабые?

— Пока нет, просто не нравится.

— Ну-ну, вольному воля.— Он сунул сигарету в рот и зажег спичку.— Я смотрю, не очень тебе по нутру то, что мы делаем? А?

— А ты как думаешь? — вопросом ответил Фрэнк.

— Конечно, нет. Хотя тебе первому сказал об этом, нравишься ты мне. Правда, не могу точно определить, чем, но скорее всего вот этим самым.

— Чем же?

— А тем, что не только воровать не умеешь, но вроде бы стыдишься, стесняешься, что ли, верно?

— Верно,— потупившись, кивнул Фрэнк.— Жалко их: вдруг это последние деньги, отложенные на черный день или еще на что, о чем человек мечтал всю жизнь, работал с утра до ночи, недоедал куска хлеба, экономил, отрывал у детей.

— Кого же это тебе жалко? — прищурился Косой.

— Да хоть того толстяка, у которого мы... взяли бу-мажник, у него ведь семья, наверное, большая, маленькие детишки.

— Ты хотел сказать — украли, так?

— Ну украли,— проямлил Фрэнк.— Какая разница.
— А мне не жалко,— произнес Косой жестко.— Со всем не жалко, ну ни на столечко, этого типа, лопающегося от жира и виски.

— Ты его знаешь?

— Еще бы.— Косой выдохнул вверх струйку дыма.— Не только знаю, но и рисковал, когда к нему лез. Если бы он меня засек, несдобровать бы.

— Он связан с полицией? Сыщик? — Фрэнк вытарашил глаза.— И ты все-таки к нему полез. Ну даешь.

— С полицией? — Косой весело захохотал.— Нет, это один из тех, кому платит Дылда. И над ним есть боссы, как он над нами, вот туда и идет определенный процент с выручки, а если он им не потрафит, те тоже чикаться не будут.

В противоположном углу начавшаяся бранью ссора перешла в драку. Кто-то застонал и грязно выругался. Послышался звон разбитого стекла. Глухие удары, словно чем-то тяжелым били по мешкам с мукой. На пол полетела посуда. Тонко заверещала женщина. Здоровенный детина с искаженным от злобы лицом, выделявая ногами кренделя, выскочил на середину, размахивая над головой бутылкой.

— Рвем-ка когти отсюда, да поживей.— Косой взял со стола сигареты и спички.— Пойдем, а то нагрянут фа-раоны, хлопот не оберешься.

Они выбежали из кафе и той же дорогой, как пришли, направились к пляжу.

Косой привел Фрэнка к небольшой бухточке, сплошь закрытой с берега плотным, как стена, колючим кустарником, перевитым длинными мохнатыми плетями плюща. Там, где плескалось море, на берегу, словно выброшенные прибоем касатки, темнели перевернутые вверх просмоленным днищем лодки.

Они уселись на песок, пахнувший водорослями и нагретой солнцем галькой.

— Здесь, на воздухе, и отдохнем до рассвета,— сказал Косой.— Располагайся. Сюда ночью никто не придет — бояться. Если не привык спать на земле, у меня вон там,— он показал рукой в сторону зарослей,— припрятана кипа газет, можешь подстелить.

— Ничего, сойдет, я непривередливый.

В черном небе мигали звезды. Где-то далеко в море перекликались гудками суда.

Они улеглись на самом берегу и стали смотреть, как на коричневый мокрый песок, шелестя, набегают длинные волны.

— А ты не хотел бы уйти от Дылды, бросить все это? — приподнявшись на локтях, спросил Фрэнк.

— Куда уходить-то? — уныло буркнул Косой.— Я бы никогда не приполз к нему, если бы было куда податься, не от хорошей жизни прибился. Подожду до конца лета, а там, может быть, повезет с работой — втихаря навожу справки, по пока ничего не светит. Ты бы поехал со мной?

— Конечно,— с готовностью почти выкрикнул Фрэнк.— Не задумываясь. Ты надежный парень. Кстати, как тебя звать?

— Не столь важно. Когда вырвемся на волю, скажу, а в этом болоте зови просто Косой, зачем без толку имя трепать.

— А вот если бы все было хорошо, кем бы ты хотел стать, когда вырастешь, ну, чем заниматься, что ли? — Фрэнк, подперев ладонями подбородок, выжидательно посмотрел на Косого.

— Чего зря загадывать, душу беречь, прежде чем вырастешь — в тюрьме сгниешь.

— Ну а все-таки? — настаивал Фрэнк.— Допустим, все хорошо и от тебя зависит, кем стать.

— Полицейским, пожалуй.

— Ты? Полицейским? Вот уж не ожидал, ты же вроде к ним любви не испытываешь?

— А я не из-за любви, а из-за злобы к разной сволочи и подонкам, паразитам, кровь из людей сосущим. Ох и поплясали бы они у меня, уж ни один бы от тюрьмы не отвертелся, уж меня-то бы они деньгами не умаслили. Ладно, хватит болтать, спать пора, набегался я за последние дни, аж ноги гудят.

Он мечтательно поднял глаза к рассыпанным на черном небе крупным ярким звездам и добавил:

— Я бы им все припомнил, а таких, как Дылда, перестрелял бы ко всем чертям...

* * *

Проснулись они, когда прямо в глаза било по-утреннему теплое солнце. На слегка рябоватой поверхности моря вспыхивали тысячи искрящихся зайчиков. Легкий ветерок принес свежесть, среди глянцевиных, в каплях росы листочков пересвистывались птицы. Далеко, на самой линии горизонта, застыл белый многопалубный лайнер. Слева, где в море врезалась высокая обрывистая скала, розовел парус яхты.

Отряхнув налипший на одежду песок и сполоснув лицо, они побежали на пароход.

Косой притащил откуда-то кипятку в пустой жестянке, они уже разложили, собираясь позавтракать, украденные накануне сосиски с булкой, оставшиеся от ужина, как примчался запыхавшийся босоногий мальчишка лет восьми и крикнул:

— Косой! Дылда зовет и его велел прихватить.— Он мотнул курчавой головой в сторону Фрэнка, озорно сверкнул черными глазами, показал остренький красный язык, крикнул: — Э-э-э! — и скрылся в коридоре.

Косой неторопливо поднялся, выглянул за дверь, убедившись, что никого нет, наморщил лоб, достал деньги, пересчитал, отложил часть в карман, остальные засунул в бумажник толстяка и спрятал под шкаф.

— Это зачем? — спросил Фрэнк.

— Про запас. Не всегда такая пожива, как вчера, вот и откупимся. Случается, и медяка жалкого не достреляешь, поэтому и создаю заначку. А теперь и подавно нужно, раз решили стрелача задать.— Он покосился на Фрэнка и спросил: — Ты не передумал?

— Нет, что ты, если договорились, то все.

— Значит, тем более деньги понадобятся. Пошли — главарь ждать не любит. Паразит, даже за опозданием можно оплеуху схлопотать, если не в духе, у него как в армии: чуть что — в морду.

Они опустили занавеску и, натываясь в полумраке на разбросанные по полу консервные банки, картонки и бутылки, двинулись в нос.

Вся шайка была в сборе.

Ребята, как и прежде, сидели по стенам, а в центре, переминаясь с ноги на ногу, стояла совсем молоденькая, высокая и тоненькая как былинка негритянка в пышном круглом, завитом в мелкие колечки парике, похожем на окрашенный в черный цвет одуванчик. На ней была прозрачная белая кофточка с отложным воротничком, коротенькая зеленая плиссированная юбочка, на длинных голенастых, словно у девочки-подростка, ногах белые босоножки. На аккуратно подстриженных ногтях рук и ног переливался перламутром лак.

Косой приблизился к Дылде и протянул ему деньги. Главарь помусолил пальцы, развернул веером, пересчитал, спрятал за пазуху с довольной ухмылкой, потрепал Косого по плечу и шепнул что-то на ухо. Мальчишка кивнул, вернулся к сидящему у самого входа Фрэнку, вытащил из-за пазухи пару апельсинов.

Дылда повертел головой из стороны в сторону, словно приноживаясь. Все сразу притихли.

— Вот что, малыши! — начал он, кривя в неприятной улыбке губы. — Эта стерва, — Дылда указал пальцем на девушку, — вздумала не только обманывать нас, но и перекинуться к парням из западного района. Но те оказались настоящими ребятами и предупредили меня. Она

вообразила, что сможет водить меня за нос, но не на такого напала. Она, оказывается, давно утаивает от нас денежки.

— Я их отдавала на лечение сестре,— робко прошептала, слегка пришепetyвая, негритянка и подняла на Дылду большие влажные глаза.

— Заткнись! — рявкнул главарь и хлопнул ладонью по колену.— Тебя не спрашивают, куда ты их девала. Важно, что до нас они не доходили, и за это ты будешь наказана.— Он повернулся и скомандовал: — Серый, Крюк, ну-ка врежьте ей, да как следует.

Поднялись два рослых парня.

Один, курносый и длиннорукий, подошел к девочке. Негритянка заплакала. Тот, кого звали Крюком, оскалил прокуренные зубы, сильно размахнулся и ударил ее. Девушка дернулась, тонко взвизгнула и присела. Парик соскочил и покатился по полу, будто с одуванчика облетела пуховая шапочка.

— Цыц! Только пикни еще! — прорычал Дылда.— Как следует ей, Крюк, пусть запомнит надолго, как меня надувать, да и остальные тоже.

В каком-то тупом усердии парень, оттопырив нижнюю челюсть, стал стегать извивающуюся на полу негритянку.

Девушка сжалась в комочек, пытаясь закрыть руками лицо и грудь. На худеньких плечах, спине и ногах темнели рубцы от ударов хлыста, кое-где появились маленькие капельки крови — красное на шоколадном.

Фрэнк напрягся — эта дикая сцена потрясла его. Он весь дрожал и готов был сорваться с места, когда пальцы Косого сжали до боли локоть:

— Только ей навредишь и себе заодно, спокойно, не делай глупостей, терпи, ничем не поможешь — убьют.

— Хватит с нее,— с великодушным видом произнес Дылда.— Она получила хороший урок. Кстати, больше всех добыли вчера Косой и Новичок, так его всем называть впредь. Все. Можно расходиться.

Мальчишки поднялись, пришибленно и понуро, не

глядя друг на друга, на цыпочках, стали поспешно выходить в коридор. В проходе образовалась молчаливая толчея.

— За что ее так истязали? — Губы Фрэнка дрожали, он еще словно на себе чувствовал удары хлыста.

— Сестра ее тоже, ну это самое, путается с мужчинами. — Он неопределенно развел руками. — Заразилась плохой болезнью и попала в больницу, ну а там не разговеешься. Пегги за нее платила. Дылда пронюхал — ему все доносят, приучил так, и взъелся, собака, из-за каких-то жалких грошей. А сестричка-то, между прочим, на него работала и даже в подружках числилась, а как произошло несчастье — хоть подыхай. Вот так-то, мой милый, такие дела, как сигарету: сначала размял, потом выкурил, а затем и швырнул в грязь, да еще подошвой растер, мерзавец, ненавижу я его.

— И откуда злобы столько в нем? — Фрэнк присел на стул и сцепил пальцы на колене. — Садист какой-то, изувер.

— Спрашиваешь, откуда столько злобы? — Косой посмотрел в иллюминатор, где над стрелой крана хлопотали чайки. — Они, морские пехотинцы, привыкли к убийствам, за это даже премии давали. А здесь, — он обернулся, глаза загорелись, — соберет, негодяй, иной раз мелюзгу и приказывает им котят да щенков вешать или живых бритвой потрошить, чтобы привыкали и над людьми потом измывались, а если отказываются — ручонки свяжет и других малышей по лицу бить заставляет, мразь проклятая, выродок.

В воскресенье, утром, когда обитатели носовой части едва успели покинуть пароход и в ожидании указаний на день разместились на обычном месте у сарая, вокруг кресла, в котором восседал Дылда, неожиданно раздались пронзительные звуки полицейских сирен.

Ребят как ветром сдуло — все бросились в заросли

акации и жимолости. Кое-кто из малышей, сверкая голыми пятками, задал стрекача на отдаленный пляж.

Из кустов было хорошо видно, как несколько автомобилей подъехало к причалу, а с моря подошло два полицейских катера.

Началась облава.

Из недр судна стражи порядка бесцеремонно выволакивали орущих волосатых хиппи и их истерично визжащих подруг. Прямо за борт в воду вышвыривали немудреный скраб...

Все было кончено в полчаса. Набитые до отказа большие фургоны с зарешеченными окнами уехали.

Дылда с перекошенным ртом, побелевшими глазами и красными пятнами на щеках оглядел притихших подростков и голосом, будто ему не хватало воздуха, прошипел:

— Чья это работа, поганцы? Молчите? Ну так я вам скажу, сопляки несчастные.— Он резко повернулся к стоящим поодаль «адьютантам».

— Где Очкарик? Куда делась эта падаль? Я сразу заметил, что его нет. Сбежал, ну да от меня далеко не уйдет. Это он навел копов на наше логово, продал нас.

Очкарик, худенький мальчуган со смышленным, наполовину закрытым большими очками лицом, перешел в банду из клана хиппи совсем недавно. Его родители — владельцы небольшого магазинчика канцелярских принадлежностей — жили недалеко от порта. Почему он покинул дом, никто толком не знал, паренек был молчаливым, задумчивым, держался особняком, как правило, приносил с промысла меньше всех, за что, естественно, ему чаще, чем другим, перепадало от Крюка и Серого. Поговаривали — он страдает какой-то болезнью, у него бывают припадки с судорогами.

Побег можно было, пожалуй, объяснить не столько частыми побоями, как тем, что в последнее время Дылда

потребовал от Очкарика ограбить родителей, на что он вроде бы в конце концов согласился.

Дылда подозвал «адьютантов» и что-то приказал им. Те выслушали и припустили в город.

— Всем сидеть здесь и никуда не отлучаться,— объявил главарь.

Он отошел к навесу и растянулся в тени на надувном резиновом матрасе. Рядом с ним поставили несколько бутылок пива.

Косой и Фрэнк, как и большинство ребят, сбросили рубашки и подставили солнцу животы и спины.

Низко над землей носились стрижи. Иногда они подлетали к глинистому откосу и с ходу исчезали в глубоких норах. Со стороны леса, от поваленного забора потянуло запахом цветов и травы.

Крюк и Серый возвратились незадолго до полудня.

Видно, им пришлось изрядно побегать: оба тяжело дышали и были мокры от пота. Они держали за ручки девочку лет пяти с пунцовым бантом в льняных, как у Очкарика, волосах, в коротеньком голубом платице в белый горошек, в носочках-гольфах до коленей и крошечных туфельках-сандаликах.

«Адьютанты» подвели малышку к Дылде и начали, размахивая руками и перебивая друг друга, что-то ему объяснять. Главарь закивал, встал с матраса и крикнул ребятам:

— А ну сюда, да поживее! Подходи ближе, не бойся.

Все окружили его плотным кольцом, в середине которого оказалась девчушка.

Она перекаtywала сандаликом камешек и с любопытством, без страха, поглядывала на мальчишек. У нее было удивительно красивое, как у куклы, свеженькое, нежное и румяное личико. Вся она светилась чистотой, опрятной и ухоженной.

— Где твой братец, козявка? — спросил, нахмурия брови, Дылда. Он вытащил длинный с узким лезвием нож и стал похлопывать им по открытой ладони.— Он

приходил вчера домой? Ты нам скажешь, куда он запропастился?

— Я не знаю.— Девочка с интересом посмотрела на нож, улыбнулась и дотронулась до него пальчиком.

— Когда отвечаешь мне, добавляй «мистер», сопля,— гаркнул Дылда. Лицо его побагровело, глаза готовы были вылезти из орбит, руки тряслись.

— Я не знаю, мистер сопля.— Малышка недоуменно обвела всех огромными синими, как васильки, глазами.— Я давно не видела Тедди и очень соскучилась. Он такой хороший мальчик.

— Врешь! — заорал главарь и затопал.

— Я никогда не говорю неправды, мистер сопля.

— Так ты еще и издеваешься надо мной.

То, что произошло дальше, Фрэнк помнил, как в тумане или тяжелом сне.

На узком лезвии вспыхнул солнечный зайчик. Негодяй ткнул остро отточенным концом в лицо девочки.

Она тонко пискнула, словно жалобно мяукнул котенок, взмахнула крошечными ручонками и тотчас раздался душераздирающий крик:

— И-и-и! Под-ле-е-е!

Косой, оттолкнув Фрэнка, бросился вперед, вцепился Дылде в горло, повалил на песок.

В тот же миг и Фрэнк, еще не отдав полностью отчета в своих действиях, очутился рядом и схватил руками главаря за волосы. Почти одновременно вокруг головы Фрэнка хлястко обвилась велосипедная цепь — это сбоку ударил Крюк. Жгучая боль выгнула дугой, свела мышцы...

Спустя полчаса, привлеченный разбегавшимися по берегу мальчишками, полицейский автопатруль обнаружил на пустыре двух подростков и маленькую девочку. Один мальчишка был мертв, другой с проломленной головой и ножевыми ранами валялся без сознания. Малышка истекала кровью — все ее личико сплошь покрывали глубокие порезы.

ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ

Начальником патруля был лейтенант Кребс. Он подошел к сержанту, который держал на руках тихо стонущую девочку и марлевым тампоном вытирал кровь с ее личика.

— Как с ними?

— Один готов.— Сержант кивнул на лежащего с естественно подвернутой ногой мальчишку.— Малышку, надеюсь, спасем. Другой вряд ли дотянет до госпиталя, слишком далеко, не успеем.

— Везите ко мне.

— Куда к вам?

— Домой, жена поможет, и сразу пришлите хирурга.

— Хорошо, лейтенант.

Так получилось, что Фрэнк попал вместо больницы к Кребсу, скорее всего потому, что заросший кустарником и вереском злополучный заброшенный пустырь находился по пути к его дому, и лейтенант завез туда истекающего кровью мальчишку, чтобы жена, бывшая медицинская сестра, оказала первую помощь.

Этот печальный случай обернулся удачей и поставил с головы на ноги дальнейшую жизнь молодого Грега.

Фрэнка поместили в комнате с сыном хозяина — его одногодком, — высоким и стройным, не по летам серьезным и немного насмешливым сероглазым белокурым парнем.

Когда Фрэнку стало немного лучше и он начал ходить, уж как-то получилось, что Кребс с супругой, узнав его историю, решили оставить мальчишку у себя.

Фрэнк сразу и крепко привязался к Стиву — сыну лейтенанта и безоговорочно признал, несмотря на то, что они были ровесниками, его лидерство.

Как-то Кребс-младший в одной из бесед подверг такой беспощадной критике всю романтику подростковых банд, так едко и зло высмеял их псевдоподвиги, что ошарашенный Грег, как бы посмотрев на себя со стороны, ужаснулся, до чего точно и метко, с убийственным сарказмом Стив подметил то, о чем он, Фрэнк, лишь смутно и неуверенно начал догадываться.

Однажды вечером они сидели дома, и Фрэнк — он любил слушать Стива — попросил рассказать поподробнее о смысле жизни волосатых, как он называл хиппи. Перед этим они долго говорили о тех, с кем когда-то Том обитал на заброшенном судне.

— С теми, кто был с тобой, все ясно, — начал Стив. — Они жертва социального зла. Предпринимателям армия безработных выгодна — это постоянная угроза рабочим вышвырнуть их за дверь. То есть сиди и не рыпайся — иначе вон. Особенно не заинтересованы хозяева в трудоустройстве молодежи.

— Вот уж наоборот: старикам тяжелее найти работу. С одной стороны, да, у них меньше сил, но с другой — молодой работник политически опаснее, он острее переживает крушение надежд, да и терять ему нечего — у него еще нет семьи, о которой надо заботиться. Вот и натравливается молодежь на стариков — они-де заслоняют путь к станку, конторе, лаборатории. Пусть между собой грызутся, лишь бы не лезли в политику.

— Ну а хиппи или, как они там, йиппи? — допытывался Фрэнк.

— Это совсем другое. Их очень много: раггары — в Швеции, блузоннуары — во Франции, ронеры, трогги, шоды и панки — в Англии, битники, тенэфкеры, хиппи и йиппи — везде, босодзуку — в Японии и многие, многие прочие. Они похожи и непохожи. Носят определенную униформу, рядятся в рубище или вообще готовы щеголять голышом. И в то же время у них, казалось бы, есть общее — они протестуют. Но как? Протест этот юродствующий, он может завести лишь в социальный и мо-

ральный тупик. А подчас они-то становятся не только жертвами, но и орудием в руках хозяев. Ты читал Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»?

— Да, правда, давно, лет пять назад. А почему тебя интересует? — удивился Фрэнк.

— Хочу привести небольшую иллюстрацию, хотя на самом деле все не так просто. Помнишь, там в одном месте несколько горожан обиделись на управителя, который не выдал им обещанных и вполне заслуженных штанов, и в знак протеста перестали стричься и сморкаться?

— Помню,— засмеялся Фрэнк,— что-то подобное встречалось.

— И не вызвало никаких аналогий? — улыбнулся Стив.— Или ассоциаций?

— Не-ет. Просто позабавило.

— А мне этот эпизод напоминает наших хиппи, их внешнюю суть возмущения — уродливый протест.

— Точно,— захохотал Фрэнк.— Они ведь тоже не стригутся.

— Вот видишь, получается, и здесь наши бунтари неоригинальны, задолго до них нашлись грамотеи, действующие по детскому принципу: «Не пустишь, мама, в кино — обедать не буду, не исполнишь обещание — стану ходить сопливым и волосатым». А то, как японские босодзуку, которые огорчились, что не попали в университет, оседлали мощные мотоциклы, стали безобразничать и давить ни в чем не повинных обывателей. Как бы ты поступил на месте тех, против кого направлен этот вызов?

— Да сказал бы что-нибудь вроде: ну и ходи грязным да лохматым, а будешь нарушать закон — попадешь за решетку.

— Именно так и делает общество. А что касается ужасающихся «не той молодежью» мещан, то и это хорошо — пусть, убоявшись разгула, ратуют за крепкую власть. Лучше, пардон, сопли и патлы, чем листовки и баррикады. Пусть порнография, наркомания, пьянство,

оргии, бешеные авто- и мотогонки, а не политическая борьба. История не знает случая, чтобы союз пьяниц, развратников и наркоманов свергал существующий строй. Если хочешь — они вредят общему делу, может быть, и не желая того, хотя я в этом сомневаюсь — уж кто-кто, а главари и пророки прекрасно понимают, на чью мельницу льют воду. Недаром те же йиппи заявляют: молодежное движение-де разрывает классовые связи. Хотите голышом бегать — ради бога, волосы до пят — будьте любезны, но ни боже сомкнуться с рабочим классом — в ход пойдут дубинки, пожарные шланги и бомбы со слезоточивым газом. И нового в этом ничего нет. Все уже было, было и было, лишь в разных вариантах.

— И даже до Гаргантюа и Пантагрюэля?

— Разумеется. Если не ошибаюсь, впервые об этом — во всяком случае, слегка похожем — упоминается еще в IV или III веках до нашей эры.

— До нашей эры-ы? — усомнился Фрэнк, с восхищением глядя на Стива.

— Конечно.

— Где же это случилось?

— В Древнем Китае жил мыслитель по имени Чжуан Чжоу, парадоксалист. Он едко высмеивал рационалистическую этику Конфуция. Тщедушный, жидкоусый и желчный старичок стремился постигнуть диалектическое тождество истины и иллюзии, добра и зла, морали и аморальности. Его идеал — отказ от вмешательства в установленный природой распорядок бытия. Он олицетворял эдакий образ юродивого чудака-мудреца, который попирал общепризнанные нормы поведения, насмехался над претензиями государства к человеку и облакал мудрость в нарочито причудливые внешние формы.

— Да, сходство, пожалуй, есть, — неуверенно согласился Фрэнк.

— Но есть и существенная разница. Чжуан Чжоу облакал в рубище мудрость, а твои битники и иже с ними — по меньшей мере глупость и пошлость.

- Это почему же они мои?
- Извини, наши общие.
- То, что ты рассказал, в университете преподают?
- Не совсем. Человек должен стремиться как можно больше познать. А для этого, мне кажется, самый простой и дешевый способ — читать побольше. Ведь, как ни банально, а именно в книгах собрана вся мудрость со времен потопа, а то и раньше...
- Ну, всех книг не перечитаешь.
- А все и не стоит. Бери те, которые нужно.
- Легко сказать. А ты сам знаешь, какие нужно?
- Теперь знаю. Уверен — это и к тебе придет, если затронет проблема социального устройства. А не затронет — читай, что подвернется...

* * *

В середине осени, когда урожай в основном собрали, окрестные фермеры разрешали за небольшую плату охотникам-любителям отстреливать на угодьях перепелок.

В высушенной, жесткой, как проволока, высотой в четверть фута стерне сновали несметные стаи этих сереных птиц. Вот-вот должен был начаться перелет.

Фрэнк упросил Стива в конце недели поехать за город отдохнуть, а заодно и попытать счастья и, если повезет, порадовать отца десятком-другим приготовленных с рисом или бобами в кетчуповом соусе перепелов.

Уговаривать пришлось долго. Стив сначала наотрез отказался, он был категорически против охоты.

— Я не понимаю тебя, — кричал Фрэнк. — Ну что зазорного, если мы настреляем несколько пичуг, кому от этого будет худо?

— И нам и птицам, — возражал Стив.

— Но почему?

— Потому что любая охота, если она не средство пропитания, варварство, а охотники-любители — убий-

цы, иначе их не назовешь, если они получают удовольствие от самого факта уничтожения живых существ.

— По-моему, это ханжество. Многие великие люди были страстными охотниками и в то же время оставались гуманистами.

— А мне противны эти увлечения и эта оголтелая орава с автоматическими дробометами, приборами ночного видения и другими чудесами техники. Этим джентльменам есть нечего?

— Нет,— замялся Фрэнк.— Но зачем же так категорично?

— Вот именно,— рубанул Стив ладонью.— Я составлю тебе компанию, но от участия в этом гнусном и недостойном человека развлечении меня, пожалуйста, освободи. И ради бога не приводи примеры из жизни великих, их заслуга не в человеческих слабостях, а в ином. Можно быть гениальным физиком, но заядлым картежником, в чем, разумеется, подражать не следует.

— Договорились,— обрадовался Фрэнк.— Давай собираться.

Грег вскоре убедился, что в чем-то Стив оказался прав.

По опустевшим полям рыскали десятки людей с ружьями и собаками. То там, то здесь грохотали выстрелы, в воздухе реяли перья, пахло порохом. По обочинам автострад и проселков вытянулись вереницы разноцветных машин. Кое-где запестрели оранжевые палатки, потянулись дымки костров, истошно завопили транзисторы.

Друзья отошли подальше от шоссе и расположились на берегу заросшего осокой ручья.

Стив, вынимая из рюкзака свертки с едой и банки с пивом, крикнул собирающему для костра валежник Фрэнку:

— Вот она, цивилизация нашего атомно-космического века, полюбуйся.

Фрэнк с охапкой хвороста в руках повернулся в ту сторону, куда указывал скептически улыбающийся Стив.

На небольшой, залитой солнцем лужайке, между двух искривленных сикомор, стояла молодая женщина в лазоревой спортивной курточке с множеством застежек-«молний», в элегантной шляпке с перышком фазана за ленточкой, стройные бедра красиво облегали бежевые бриджи, на ногах короткие сапожки на высоких каблучках. Под мышкой зажат инкрустированный перламутром дорогой бельгийский меркель, из его ствола голубой ленточкой вился дымок. Хорошенькое лицо слегка запрокинулось и светилось, словно озаренное изнутри восторженным экстазом. К ней, переваливаясь на полненьких ножках и радостно смеясь, семеня белокурый кудрявый малыш в панамке и полосатой безрукавочке, за кончики крылышек он держал перепелку. Капельки крови падали на штанишки.

— Мама, мама! — захлебываясь, картавил мальчуган. — Вот еще одна. Смотри, какая большая, как самолет.

— Брось ее! — крикнула женщина. — Ручки испачкаешь. Брось сейчас же.

— Она живая, мама, трспыхается.

— Бог с ней, оставь или отдай собачке.

Вокруг малыша, норовя выхватить птицу, носился вислоухий породистый сеттер.

— Можешь быть уверен, — взглянув исподлобья на женщину, произнес Стив, — эта современная Диана укокошит не менее десятка, а у карапуза на всю жизнь останется в памяти растерзанная птица и кровь на ручонках.

— Ну это необязательно, — неуверенно возразил Фрэнк.

— А я и не говорю, что обязательно, но у него больше шансов стать убийцей, чем у тех, кому с детства привили отвращение к столь кровавым забавам и любовь к животным и птицам.

После обеда они прилегли на пледе под развесистым, кряжистым дубом. Тень от кроны причудливыми кружевами скользила по лицам. Стив лежал на спине, сцепив

на затылке руки, и смотрел, как по тонким веточкам, среди пузатеньких, словно бочоночки, желудей прыгает, склевывая гусениц, малиновка.

Высоко в бездонной голубизне неба протянулась длинная пенистая линия — в стратосфере летел реактивный истребитель. Самолета не было видно, только в самом узком и остром конце линии светилась малюсенькая серебристая точка.

— Как ты думаешь, Стив, будет война? — наблюдая за уже поблекшей полосой, спросил Фрэнк.

— Что ты имеешь в виду? Ведь фактически она и не прекращалась. То в Азии, то в Африке.

— Нет, я спрашиваю о большой войне, мировой?

— Ишь куда замахнулся. Если бы я мог на это ответить, то не валялся бы под дубом, углубившись в созерцание природы, а восседал бы в каком-нибудь солидном и мягком кресле, — засмеялся Стив. — Однако мне известно, как войны избежать.

— Ну-у?

— Именно.

— И как же?

— Войны объявляют правительства, а воюет народ. И вот, если он, когда власть имущие развяжут войну, не пойдет в бой, сражаться будет некому...

На кончик стебля вереска, трепеща стеклянными крыльшками, уселась ярко-синяя стрекоза. Замерла.

— Стив, почему ты решил стать биологом? — Фрэнк подпер ладонями подбородок.

— Мне это нравится. Животные — огромный и любопытный мир, его интересно изучать, ведь каждый организм для чего-то создан, имеет свое определенное место и цели во взаимоотношениях процессах природы, выполняет в них свойственные именно ему функции, своеобразное звено в экологическом равновесии.

— А мне почему-то кажется, там давно все изучено и открыто, столько лет возятся люди с разными букашками-таракашками.

— Так кажется, когда с предметом знаком поверхностно, по-дилетантски. На самом же деле познание мира пределов не имеет. Больше того, чем глубже люди проникают в тайны природы, тем больше вопросов перед ними она ставит. Вот обрати внимание на стрекозу.

— Стрекоза как стрекоза, чего в ней особенного, бывают и красивые.

— Эх ты, святая простота,— Стив щелкнул Фрэнка пальцем по носу.— «Бывают и красивее»,— передразнил он.— Да известно ли тебе, что эти насекомые одни из самых древних на Земле. Задолго до появления человека они летали среди гигантских папоротников и хвощей, которых уже давно на нашей планете нет. Видели чешуйчатых саламандр — первых четвероногих, чавкающих в горячей тине еще неостывшей молодой Земли. Они пережили неслыханные природные катаклизмы. Были свидетелями возникновения Альп и Кавказа, льдов в Африке и тропиков в Гренландии. Сидя на ветках сигилирий — безлистных деревьев,— любовались исполинскими ящерами и летающими ящерицами. Совершали полеты вместе с удивительной птицей археоптерикс. И почти не изменились с тех незапамятных пор. Это подтверждает — они один из удачнейших экспериментов природы.

А их личинки? Это уникам. От двух до четырех лет они живут в царстве ила. Двигаются с помощью водомета, который, кстати, человек изобрел лишь недавно — природа же его воспроизвела на заре жизни. Они сначала дышат жабрами, которые потом сменяют на легкие. Имеют пять глаз: два фасеточных, сложенных из нескольких тысяч мельчайших шестиугольников, и три простых — весьма похожих на наши. Ты только представь, мысленно проникнув в их головенки, как личинки видят мир этими пятью глазами. Слышат они... ногами, по три «уха» на каждой. У них два сердца — одно в голове, другое, пардон, в задней части. Если стрекоза сядет на ровную поверхность, то не взлетит — ибо ее удел цепляться за стебли и ветви. А говоришь, все очень про-

сто. А попробовал бы ты, как она крыльями, помахать руками. Уверен, хватило бы тебя всего на несколько секунд. Видишь, сколько загадок преподносит всего лишь одно насекомое. А жизнь муравьев, пчел, птиц, рыб? Все это непочатый край для размышлений. Масса «белых пятен» — не ленись, исследуй. И все целесообразно, мудро. Недаром появилась такая наука, как бионика. Люди стали пристально приглядываться к тому, что сотворяла природа миллионы и миллионы лет, совершенствовалась, вносила поправки, отсекала ненужное. Понятно?

— Удивительно. — Фрэнк с восхищением посмотрел на друга. — Если бы по образу и подобию птиц человек мог летать. Нет, не на самолете, дирижабле или дельтаплане, а сам махал крыльями, как птица.

— Напомню классическую фразу русского ученого Жуковского: «Человек полетит, опираясь не на крылья, а на силу своего разума», что люди и сделали.

— Я не про то, Стив, — перебил Фрэнк.

— Индивидуальные крылья, ракетные приставки люди уже создали — это, как говорится, детали, вопрос техники и технологии сегодняшнего дня, ничего тут сложного нет. Весь вопрос, как я уже упоминал, в силе мышц, то есть в источнике энергии, маленьком, легком, но исключительно емком. Тут, думается, опять придет на помощь человеческий ум, который и сотворит нечто подобное. Летай сколько душе угодно в одиночку, хочешь на юг, хочешь на север.

— На север не надо — там холодно.

— И здесь проблему решит тот же источник. Я не говорю об отоплении жилищ, помещений и так далее, хотя эта проблема огромной важности — в большинстве полярных районов, в Арктике и тем более Антарктике топлива или мало, или вообще нет. Я имею в виду одежду. Не потребуется никаких мехов, шуб, дубленок, унтов, шерсти и прочих современных атрибутов для защиты от мороза.

— Что же их заменит, стрекозиные сердца? — хихикнул Фрэнк.

— Зачем же — легкая сетка из тончайших проволок, вшитая в подкладку костюма: легкого, удобного, элегантного и прочного. К ней подсоединят батарейку, и она будет греть словно электроплитка. Используя систему полупроводников, можно будет и, наоборот, охлаждать тело, как кондиционер. Сделав костюм водонепроницаемым и снабдив не громоздкими баллонами акваланга, а аппаратом для разложения воды на кислород и водород, который также будет действовать от того же источника, человек смело, будто в родную стихию, шагнет в среду водяную. Такая одежда облегчила бы труд шахтеров, рыбаков, моряков, сталеваров, тех людей, которые работают в экстремальных условиях. Помогла бы альпинистам, спелеологам и многим другим.

— А аккумулятор на спине таскай, в рюкзаке?

— В этом и весь вопрос. Надо, чтобы он был не более спичечного коробка.

— То есть дело за немногим: изобрести аккумулятор легкий, емкий, мощный и дешевый, так?

— Да, так. И представляешь, сколько животных, в том числе уникальных, исчезающих с лица земного, останутся живы, в полном смысле сохранят свою шкуру.

— И ты думаешь, это возможно, с нашим уровнем техники?

— Абсолютно уверен, ибо необходимость и потребность в подобном открытии стала насущной и настолько актуальной, что ждать больше нельзя. Думается, не сегодня, так завтра мир облетит сенсационное сообщение: такой источник энергии создан. Этому ученому я бы при жизни воздвиг памятник.

— А он возьмет и твой аккумулятор в танки да крейсера, в ракеты с ядерной головкой вставит или на подводные лодки. Тогда как?

— Не позволим — не вставит.

— Ой ли, послушает он вас, имея такую силу.

Да, встреча с Кребсом-старшим на пустыре перевернула судьбу Грега. Выздоровев, он не только остался в семье Кребсов, но и поступил в тот же колледж, где учился Стив. Оба отличались отменным трудолюбием, не чурались никакой работы, чтобы как-то пополнить бюджет увеличившейся семьи.

Наблюдая иногда отца и сына, Грегу казалось, будто Стив, несомненно, вобравший в себя все хорошие качества Кребса-старшего, значительно тоньше, тактичнее, образованнее и даже умнее последнего. Стив и Фрэнк стали точно братья, тем более и внешне они были немного похожи. Правда, Стив блондин, а Фрэнк шатен. В доме было много книг, Кребс-младший читал буквально запоем, стараясь передать свою страсть названому брату.

Внезапные события резко все изменили.

Стив просиживал ночи напролет за учебниками, готовился к экзаменам в университете, а Фрэнк заканчивал школу полиции и уже оформился на работу, когда началась война во Вьетнаме. Младший Кребс недавно женился, а беда будто этого и ждала — месяц спустя ему вручили повестку явиться на призывной пункт.

Вечером в семье, где друг к другу относились с большим уважением и любовью, неожиданно-негаданно разразилась крупная ссора.

Кребс был вне себя. Грег никогда раньше не видел его таким. Выдержанный, немного флегматичный и безукоризненно вежливый, Кребс с пунцовыми щеками и дрожащими от негодования губами расхаживал по столовой. Казалось, он еле-еле сдерживается, чтобы не броситься с кулаками на сына. Стив стоял, понуря голову, скрестив на груди руки, лицо бледное, он прислонился спиной к книжному шкафу, иронически кривил губы и слушал, что говорил отец.

— Ты не патриот своей страны! — кричал тот. — Ко-

гда ей нужны солдаты, следует идти воевать, как тысячи других, кто погиб в борьбе с фашизмом, как отец Фрэнка,— он мотнул головой в сторону Грега, который только что вернулся домой.— Если надо — погибнуть. Сложить голову со славой. В нашей семье никогда не было трусов. И не хватает, чтобы на службе меня шпыняли тем, что мой единственный сын, моя гордость и надежда, связался с болтунами, стал дезертиром. Да за это в наше время на фронте расстреливали в два счета. Ты хоть подумал, что твой отец теперь старший инспектор, а может быть, вскоре и комиссар, а его отпрыск вместе с какими-то сомнительными слюнтяями сжигает призывную карточку, отказываясь выполнять священный долг перед родиной и народом.

— В этом-то я и вижу свой, как ты сказал, священный долг,— немного заикаясь от волнения, произнес Стив.— И абсолютно неуместно ставить в пример отца Фрэнка, он сражался с фашизмом, против агрессии. Я же не хочу воевать во имя этой самой агрессии, то есть фактически становиться на сторону тех, кто убил Грегастаршего.

— Тебе задурили голову! — прервал Кребс.— Вы, молодые, хотите быть умнее нас, стариков, мы дали вам жизнь, воспитали и направили на путь истины. Чуть что не так, сразу лезете на рожон, бежите на улицу, создаете беспорядки.

— Которые вы,— усмехнулся Стив,— с таким успехом разгоняете, избивая демонстрантов, в том числе детей и женщин.

— Не лги! — Голос Кребса сорвался.— Не смей. Ты прекрасно знаешь: я не занимаюсь подобными вещами, мое дело криминалистика.

— Заставят — будешь заниматься,— вставил сын.

— Перестань грубить. Я всю жизнь посвятил благому делу и тебе. Да, да, тебе. Работал, как проклятый, чтобы ты мог учиться и жить более-менее сносно.

— За это спасибо. Если бы я не уважал тебя как

честного и благородного человека, у нас был бы иной разговор. Но сейчас ты возбужден и рассуждаешь, как полицейский комиссар. Ты веришь его величеству закону и никак не можешь уяснить: в настоящее время выполнение этого самого закона и есть настоящее беззаконие. А насчет трусов в семье, это ты зря, папа, поверь — сжечь повестку куда опаснее, чем отправиться за океан.

Кончилось, однако, тем, что Стиву все-таки пришлось ехать во Вьетнам.

Он так и не увидел своего сына. Когда тот родился, Стива уже не было в живых.

Несколько месяцев Кребс ходил сам не свой. Скорее всего тогда-то впервые он начал понимать правоту сына.

Вскоре Кребса назначили комиссаром.

Грег только-только начинал карьеру, в армию он не попал, потому что был направлен на службу в полицию. Он не отдавал себе полностью отчета в том, что заставило его избрать этот путь, но скорее всего давнишняя беседа на пустыре с Косым заронила в душу зерно, которое проросло благодаря стараниям Кребса-старшего.

На новом поприще Фрэнк горячо взялся за дела. Успех пришел с первых шагов, под присмотром чуткого и опытного наставника, который, несмотря на удвоенную после гибели сына привязанность к Фрэнку, требовал с него как ни с кого другого.

Казалось, фортуна вот-вот вознесет Грега вверх по служебной спирали, когда произошло непредвиденное и поначалу ничего не значащее происшествие.

Группа Кребса провела блестящую операцию по разгрому четко налаженной и хорошо организованной банды торговцев наркотиками. Десять человек отпетых голловорезов во главе с Майком-черепом были схвачены и предстали перед судом.

Триумф превзошел ожидания. Хорошо показавшим себя Кребсу и Грегу сулили значительные повышения. Пресса вздохнула пела дифирамбы самой лучшей полиции мира. Телевидение провело цикл передач под рубрикой:

«По таинственным следам Майка-черепа»... «Глава банды уже чувствует,— писали газеты,— полированные подлокотники электрического стула».

Но... то, что случилось дальше, сначала не поддавалось никакому объяснению.

В оппозиционной газете появилась небольшая, но весьма аргументированная статья. В ней сначала выражались сомнения, а затем и начисто отменялось обвинение Майка в руководстве бандой. «Глава» выглядел всего-навсего тонкой бумажной ширмой с нарисованной на ней зловещей фигурой дьявола, не больше. Автором статьи был Грег. Все бы кончилось миром, но он пошел дальше, в следующем номере убрал эту ширму и показал тех, кто за ней прятался.

Пораженный обыватель был потрясен и шокирован. Конфуз разразился небывалый. Стало ясным — те, кто предстал перед лицом Фемиды,— жалкие марионетки, нитки, которые приводили их в действие, держали несколько крупнейших воротил химических концернов. Не последнее место в этой истории занимала фирма «Дик Робинсон». Дело получило настолько широкую огласку, что замаять его было невозможно. Правда, удар несколько самортизировали. Майк-черепа и его «коллеги» избежали казни и получили по году тюрьмы. Изворотливые крючкотворы-адвокаты ухитрились отвести острие меча возмездия от концерна химиков, направив его на второстепенные филиалы.

Казалось, все стало на свои места.

Но впечатление было обманчивым. Едва немного зачихали и улеглись страсти, а оппозиция, получив свою долю, вошла в альянс со стоящими у кормила и уже не нуждалась ни в каких козырях, так как имела то, что хотела, началось «укрошение строптивых». Грегу, припомнив выступление в прессе, предъявили обвинения в нарушении полицейской присяги, разглашении служебной тайны и получении крупной взятки. По существующим законам ему грозило десятилетнее тюремное заключе-

ние. Не забыли и то, что когда-то он состоял в банде. Трудно сказать, каким бы путем развивались события дальше, если бы не Кребс.

Сколько выпало на его долю хлопот, нервотрепок, беганья по инстанциям и унижения, чтобы помочь протеже.

Львиную часть вины он взял на себя. В самых высоких инстанциях ему объяснили, что не хотят крови, а также намекнули: делают это, учитывая преданную службу и то, что он отец солдата, геройски погибшего за родину.

Грега уволили из полиции, а Кребса понизили в должности на две ступени, и он снова превратился в инспектора.

За последние три года Фрэнк так привык ходить по улицам определенными маршрутами, всегда с четкой целью, что сейчас, оглядевшись по сторонам, понял: своего города он почти не знал. Мимо озабоченно сновали прохожие. У афишной тумбы сидел старик в рваном свитере и лягушачьего цвета шляпе, в темных очках и делал вид, что продает ракушки — просить милостыню запрещено.

На углу молодой, но бородатый человек в белом балахоне, подпоясанном веревкой, босиком, призывал обывателей вступать в секту новоявленных истинных слуг Христа. За вынесенным на тротуар столиком кафе две раскрашенные старухи в париках цвета платины и с болонками на коленях обменивались какими-то своими впечатлениями. Прислонившись к решетке сквера, сопе-ли и тискали друг друга непонятные существа — то ли две девушки, то ли два юноши.

Пахло бензином, остывающим асфальтом и пылью.

Грег долго бездумно слонялся по городу без денег, с волчьим билетом, запрещавшим занимать любую должность в государственном аппарате, и поздно вечером, обессиленный и измотанный, прибред к Кребсу.

Джон — в вельветовой куртке, пижамных брюках и шлепанцах — открыл дверь, приложил палец к губам — малыш и жена спят, — провел в маленькую комнату, где когда-то Фрэнк жил со Стивом, а теперь был кабинет отца. Там все изменилось. Убрали кровати, остались лишь шкаф с книгами, письменный стол, два старых, вечно скрипящих, словно вот-вот развалятся, кресла, модель каравеллы Колумба, сделанная Стивом, и его увеличенный с фотографии портрет.

Они молча сидели друг против друга. Кребс осунулся и постарел. Подперев ладонями щеки, он с тоской и сочувствием смотрел на Фрэнка. Наконец опустил руки и, глубоко вздохнув, произнес:

— Ну и чего ты добился? Получил огромное моральное удовлетворение, доказав, что истина тебе дороже? А какой ценой? Во имя чего? Во имя рецидивиста Майка. Обелил одних, чтобы очернить других, таких же оголтелых негодяев.

Фрэнк не возражал, с недавних пор его грызли сомнения, правильно ли он поступил, предав гласности попавшие к нему материалы, да и что он мог возразить, еще не искушенный в подобных делах человек.

— Что собираешься делать? На твоей карьере можно смело ставить фломастером жирный черный крест. В назидание другим тебя проучили. Я бы сказал, даже очень жестоко. А ведь ты способный и талантливый детектив, говорю тебе это с полной откровенностью.

— Сейчас разговор не обо мне. — Фрэнк поднял глаза на Кребса. — Я не предполагал, что эта история так отразится на вас, которому я обязан всем и даже тем, хотя вы этого и не понимаете, что поступил так, как мне подсказывала совесть.

— Опять изначальный разговор о совести в бесслесном мире, — махнул ладонью Кребс.

— Вы учили меня быть честным, отсюда все начала. Пройти мимо несправедливости, даже по отношению к уголовникам, я не мог, это противоречило моим прин-

ципам, закон должен быть одинаков для всех, так я предполагал, но теперь вижу, что ошибся.

— Получается, что я же еще и виноват в наших бедах? — насупился Кребс. — Здорово, нечего сказать.

— Вы ни в чем не виноваты вообще. Вас просто наказали вместо меня, дабы потрафить тем, кого сначала обидела оппозиция. Чтобы впредь разной мелкой сошке неповадно было особенно зарываться. Простите меня, пожалуйста, может быть, действительно не стоило ворошить всего этого, но я был убежден, глубоко убежден: мы соблюдаем закон и охраняем общество от преступников.

— Несомненно. Мы чтим закон и ловим преступников — это наш долг. Что с ними произойдет дальше — нас не касается. Задача полиции — обнаружить нарушителя закона, задержать его, передать правосудию.

— Извините, но я не могу согласиться с вами, хотя вы мой учитель и всем хорошим я обязан вам.

— Так с чем же ты не согласен? — прищурился Кребс.

— Вы слишком узко понимаете задачи полиции. Получается — мы боремся не с преступностью, а с преступниками?

— Конечно. Чего же здесь не понимать, именно с ними.

— Но это равнозначно, если бы врачи боролись не с болезнью, а с самим больным, то есть с тем, на чью сторону и должен становиться медик, выполняя свой милосердный долг.

— Интересно. Продолжай. — Он подпер рукой шишковатый лоб.

— Допустим, несмышленный парень украл кусок хлеба. Он нарушил закон — воровать нельзя, еще с пеленок внушают — это нехорошо. А что ему делать, если он, как любой белковый организм, должен питаться, чтобы жить? Я не говорю — он ограбил банк. Нет. Он взял несчастную засохшую булку, дабы утолить голод. И что происходит?

Мы его хватаем и преследуем в суд, там бедолага получает год и отправляется за решетку, где и вершится его начальное обучение уголовщине. Мы выполнили свои обязанности. А парень? Отсидев, он украдет опять, ибо не может питаться воздухом и ночевать, свернувшись клубочком, в кабинках общественных туалетов.

Он ворует не потому, что ему это нравится, а потому, что иначе умрет от голода. С протянутой рукой не встанешь у алтаря, статья 20 — опять год тюрьмы за попрошайничество. В парке на скамейке спать не будешь. По распоряжению городских властей участился график работы поливальных машин, чтобы и это пристанище бездомных не успевало просыхать. Так что же остается делать? Воровать. Только после тюрьмы, будьте уверены, он повысил свою квалификацию и понял: из-за черствой горбушки рисковать нет смысла.

Когда он «натаскается» и из щенка превратится в молодого зубастого волка, станет озлобленным, ни во что не верящим и жестоким, жестоким ко всем, потому что, ослепнув от злобы, не ведает, кто виноват, вот тогда его акции поползут вверх. Он начнет карабкаться по лестнице преступной иерархии, и странное дело: чем выше поднимется, тем меньше риска попасть на скамью подсудимых. Все меньше то, чем он занимается, будет похожим на обыкновенную уголовщину, до тех пор, когда в какой-то определенной точке он перестанет вообще быть бандитом в нашем понимании, а станет респектабельным боссом, стоящим во главе треста, синдиката, концерна.

— Подожди, — жестом прервал Кребс. — Ты залез в такие дебри, из которых, как из сельвы, трудно найти дорогу назад. Приходится только удивляться, как можно было с такими убеждениями пойти в полицию.

— Сейчас это действительно представить трудно. Как вы говорите, прежде чем залезть в дебри, я долго

блуждал вокруг, а издали мне все казалось милым и романтическим. Когда же я углубился в чашу, то вместо райских кущ обнаружил смрадное болото, кишашее ядовитыми тварями, и начал увязать в нем, увязать по всем правилам — чем больше дергался и размахивал руками, тем глубже погружался.

— Я правильно понял тебя — ты не хочешь служить в полиции? — спросил Кребс. — Ты разочаровался в деле, которому хотел посвятить жизнь?

— Правильно. И не только в полиции, а в любом государственном учреждении. И не только не хочу, но и не могу.

— Как же ты будешь жить? Давай перестанем философствовать и витать в облаках — спустимся на землю. Как ты собираешься жить дальше?

— Не знаю. Ни денег, ни планов. Ничего.

— Это не ответ. Главное в твоем положении не терять голову. — Он горько усмехнулся. — Бери с меня пример. Хотя, кроме кучи долгов, у меня есть еще, правда, уменьшенное вдвое, но все же жалованье. И семья, — он тепло улыбнулся, — ответственность за нее придаст силы даже тогда, когда они иссякнут.

— Я думаю, мне лучше — у меня нет семьи, — сказал Грег. — Иначе она связала бы меня по рукам и ногам и тяжелым камнем потянула ко дну.

— Хорошо. — Кребс встал, подошел к креслу, в котором сидел Фрэнк и остановился напротив. — У меня есть тысяча долларов. Да, одна-единственная заветная бумажка, я берегу ее, чтобы отдать Стиву на обустройство, когда он вернется с войны. Но, — он вяло махнул рукой, — я дам ее тебе. Не перебивай. Постарайся использовать эти деньги как взнос, задаток или пай в какую-либо частную детективную контору. Ты способный мальчик, умеешь и любишь трудиться. Будь я владельцем подобного заведения, взял бы тебя не раздумывая. В первую очередь обратиться к старине Бартлету. Понадобятся рекомендации — ссылайся на меня. Я хоть и в опале, но

большинству-то ясно — вины за мной нет. Я позвоню ему завтра. Вот так.

— Я не могу принять этой жертвы. — Фрэнк поднялся. — Спасибо. У вас большая невестка, маленький внук, долги. Нет. Да и вряд ли это выход из положения, денег я не возьму.

— Не надо патетики. Никакая это не жертва. Когда заработаешь — вернешь. Я как-нибудь перебыюсь. Слушай меня внимательно, не спорь и не перебивай. — Из шкафа Кребс вынул книгу, открыл ее и достал банкноту. — Держи и сделай, как я рекомендую. Уверен, из тебя получится прекрасный сыщик, все данные для этого имеются.

* * *

Была глубокая ночь, когда Грег покинул квартиру наставника. Он, глядя под ноги, медленно спустился по обшарпанным ступенькам вниз, машинально, растопыренной ладонью открыл дверь, жалобно занывшую пружинами, и вышел на темную пустынную улицу. Знобко передернул плечами, запахнул макинтш, глубоко засунул руки в карманы и, слегка сгорбившись, быстро зашагал к главной магистрали.

Прохожих в этот поздний час не было. Проехал, позванивая мусорными контейнерами, грузовик, оставив за собой вонючее облачко сгоревшего соляра, шмыгнул в подворотню грязный облезлый кот. Где-то вверху хлопнула оконная рама.

На углу Фрэнк в раздумье остановился.

Улицу пересекал залитый холодным светом, безлюдный проспект. Изредка проносились машины, отражая в глянце лака огни рекламы и названия почных увеселительных заведений. Грек постоял немного, повернул направо и неторопливо побрел вдоль витрин. Он хотел собраться с мыслями и хотя бы в общих чертах прикинуть, что же ему предпринять в первую очередь.

Неожиданно резко распахнулась, задребезжала стеклами, стукнув о стену ручкой, узкая дверь. На мгновение из помещения выплеснулась наружу волна музыки, а затем, очевидно, получив пинка от вышибалы, вывалился, суматошно размахивая руками, человек без шляпы, в распахнутом пиджаке и, потеряв равновесие, шлепнулся на обочину. Дверь тотчас захлопнулась, стало тихо, лишь что-то плаксиво бормотал пытавшийся встать на четвереньки гуляка. Наконец ему это удалось, он, упираясь ладонями в грязный асфальт, замотал головой и начал икать. Фрэнк с безразличностью обошел забулдыгу, пересек проспект и остановился у полукруглой высокой арки, где над широкой двустворчатой стеклянной дверью голубела неоновая надпись «Казино».

«Хорошо бы выпить чего-нибудь горячего», — подумал он, опустил воротник плаща и решительно направился к входу.

В небольшом холле на него пахнуло запахом конфет, табачного дыма, духов и еще чего-то густого и крепкого, напоминающего аромат хорошего кофе. Он отдал плащ длинному, как шест, швейцару в огромной круглой фуражке с большим суконным козырьком и по застланной красной дорожкой пологой лестнице поднялся на второй этаж.

В нише с белыми колоннами располагался поблескивающий кофеваркой и бутылками бар, чуть дальше, за тяжелыми портьерами, из-за которых слышались негромкие голоса, были комнаты, где стояли столы с рулетками. Время от времени оттуда доносились голоса крупье, гудение рулетки, шелчки падающего шарика и отдельные возгласы.

Грег оперся локтем на стойку и попросил кофе с коньяком. Еще с того времени, когда он попал в дом к Кребсам, Фрэнк совершенно не употреблял спиртного, исключение составляло разве пиво, и то одна-две кружки в очень уж жаркие дни во время хорошего обеда. Последнее при суетливой полицейской жизни, да и при

не таком уж солидном достатке он мог позволить себе не чаще раза в месяц.

Бармен, высокого роста, плечистый красивый негр с выпрямленными химера́ктивом волосами, в квадратных очках, в ослепительно белом кителе с шелковой, в голубую полоску бабочкой под воротником, поставил перед ним чашечку с кофе и рюмочку с темно-коричневым напитком.

Грег поднес ладони ко рту, подышал на них, нервно потряс головой, взял в одну руку чашку, а в другую рюмку и вылил коньяк в кофе.

После первых же глотков словно теплая волна прокатилась по телу. Фрэнк постоял, допил кофе, бросил на подносик деньги и направился по галерее в конец коридора. Там находился небольшой квадратный зал. На полу толстый пушистый ковер, по углам низенькие широкие кресла, рядом с которыми пепельницы — круглые блестящие шары на тонких металлических ножках. В зал выходили три двери с нарисованными сверху единицей, десяткой и двадцаткой, что означало цену одной фишки: доллар, десять или двадцать. Он отодвинул портьеру первой двери.

Комната вытягивалась узким прямоугольником, стены окрашены в бархатно-черный цвет. Свет из расположенной низко лампы падал только на стол, и создавалось странное впечатление, что стен вообще не существует. Вокруг массивного, темного дуба стола с зеленым сукном сверху, расчерченным на квадраты с цифрами, толпились несколько человек. У дальнего конца находилась рулетка — сооружение из целой системы концентрических кругов, делений и вырезов, как на большом зубчатом колесе. В центре колеса привод шарика — два перпендикулярных рычага с блестящими головками. Крупье, высокая стройная женщина, скорее молодая, чем средних лет, в длинном, до самого пола, черном панбархатном платье с глухим воротом, с очень белым неподвижным лицом, на котором выделялись большие темные, обведенные си-

невой глаза, прикрытые длинными, несомненно наклеенными ресницами, тонкой рукой, затянутой до локтя в перчатку, собиралась повернуть рычаг.

Фрэнк вынул две фишки, которые он обменял на доллары у сидевшего у входа за столиком огромного щекастого детины с маленькими, близко посаженными глазами, и положил одну на синий квадрат, другую — на красный. Ресницы крупные чуть дрогнули, вскинулись вверх, блеснули глаза, но тотчас погасли, и она дернула рукой рычаг.

Блестящий шарик вылетел из гнезда в центре и быстро, слившись в сплошную дугу, помчался по кругу. Началась игра. Женщину удивила нелепость ставки Грега. Ведь шарик обязательно упадет или на синее, или на красное, что означает: всегда быть при своих — выиграв на синем один к одному, он столько же потеряет на красном, то есть, поставив два доллара, игрок в любом случае получит их, ни больше и ни меньше, обратно.

Он никогда не увлекался рулеткой, хоть и прекрасно знал правила. Грег вообще презирал любые азартные игры на деньги: автоматы, лотереи, считал — все это создано для разжигания в человеке низменных чувств: зависти к удачливому игроку, презрения к проигравшему, стремления к легкой наживе.

Шарик замедлил бег и провалился в синюю ямку с цифрой 12. Стоящие вокруг зашевелились, кто-то досадливо вполголоса выругался. Женщина длинной лопаточкой, напоминающей маленькие грабли, но без зубьев на гладкой перекладине сгребла круглые оранжевые фишки и две из них пододвинула к Грегу. Пауза длилась всего минуту, затем раздался ровный голос: «Делайте ваши ставки, господа».

Грег положил обе фишки на «зеро». Это тоже было неразумно, ибо на «зеро» опытные завсегдатаи чаще всего ставят одну, но на него не обратили внимания — каждый играет как хочет.

Фрэнк подумал: «Посмотрим, что бы произошло, если бы я поставил на эту цифру кредитку, лежащую в боковом кармане».

Завертелся, заскользил шарик. Обежав несколько кругов, он юркнул в квадратик с цифрой 8.

Если бы он упал в «зеро», Грег получил бы в тридцать три раза больше — высшая ставка, а если бы выложил свою тысячу сейчас, то напроць бы ее лишился.

Фрэнк еще раз взглянул на женщину, которая пододвинула к себе и уложила в изящные деревянные ящички фишки, повернулся и направился к выходу.

«Делать здесь нечего. Пусть облапошивают других простачков, — думал он. — Прямо идиотизм: какому-то кусочку железа доверять свою судьбу. С иступлением, затаив дыхание, следить за его движением, как, наверное, не наблюдают за летящим по орбите спутником, надеясь, что вот этот-то шарик и принесет им за здорово живешь состояние, пусть он вертится и работает, а они опустят в карман деньги. Глупость. Дремучая, безнадёжная глупость. Нелепо было бы думать, что владелец держит рулетку, дабы чем-то заполнить досуг людей или из альтруистических соображений облагодетельствовать их выигрышем. Дела, как видно, идут хорошо, хозяин не скупится на различные заманчивые, бьющие на эмоции простачков эффекты. На этой, и внешностью и манерами похожей на аристократку, бабенке с лицом сфинкса бриллиантовое кольцо стоимостью минимум в три тысячи, если не больше. Оно, конечно, не принадлежит ей, как и платье и прочая бутафория, а входит непременно в экипировкой, но все же. Можно представить, как к пяти утра, она, сдав выручку и драгоценности, сбросит с себя это шикарное одеяние, смоев грим, разогнет затекшую спину и походкой ревматика поплетется на какую-нибудь дешевую мансарду или чердак, где сидит безработный муж и дети. Принцесса превратится в Золушку. Но, как известно, последнюю за страдания впереди ожидает

лучезарное счастье, эту скорее всего артрит от неподвижного стояния или туберкулез от пропахшего дымом воздуха».

Грег сбежал по лестнице, схватил плащ, сунул в ладонь швейцару мелочь и выскочил на улицу.

ГЛАВА IV

ДЕТЕКТИВНОЕ БЮРО «ГУППИ»

— Тэк-с, тэк-с, тэ-эк-с.— Пожилой господин постучал тупым концом толстого красного карандаша по мраморной подставке. На ней сидел, поджав по-турецки ноги, бронзовый голопузый божок-уродец с четырьмя руками. Ладонью одной он закрывал глаза, указательные пальцы двух других вставлены в уши, четвертая наглухо запечатывала рот.

— Значит, вы хотите работать у меня.— Не дождав-шись ответа, он снова пробубнил: — Тэк-с, тэк-с, тэк-с.

Эдуарду Бартлету, владельцу детективного бюро «Гуппи», давно перевалило за шестьдесят. Контору частного сыска он унаследовал от отца, юриста по образованию и опытного дельца по натуре, который начинал карьеру незаметным полицейским клерком.

Бартлет брался за самые, казалось бы, безнадежные и запутанные дела, с поразительной настойчивостью и талантом, виток за витком, разматывал замысловатые и хитроумные интриги, никогда не бросал начатого и, разумеется, взимал со своих заказчиков баснословные гонорары. Этот небольшого роста, кругленький, совершенно лысый человек с короткими, полными ручками и ножками, с узкими, заплывшими жирком, но удивительно пропигательными карими глазами, с румяными щечками в склеротических жилках, одетый всегда в безукоризненно сшитый двубортный, слегка старомодного покроя костюм, очень тонко разбирался в психологии людей, их поступках и стремлениях.

Сейчас он сидел и, подперев щеку пухлой ладошкой, прищурившись, смотрел на Грегa — вчера о нем позвонил старый приятель Кребс — и думал, как бы сделать так, чтобы взять его на службу, но при этом не показать своего удовлетворения. Он давно и внимательно наблюдал за карьерой этого симпатичного молодого человека, что, кстати, делал всегда, подыскивая себе помощника, и твердо решил: рано или поздно Грег, которому, несомненно, в полиции не место — он это чувствовал, — будет работать у него. И вот, извольте видеть, все получилось так, как он, Бартлет, предвидел, и даже лучше.

Молчание затягивалось. Казалось, уже хватит, сейчас порвется какая-то тонюсенькая ниточка и кто-то один не выдержит: или клиент уйдет, или начнется обычная процедура обхаживания. Но с Бартлетом этого никогда не случалось, он выжидал с точностью до секунды.

Пора.

Владелец конторы почесал ногтем мизинца переносицу, вскинул глаза к потолку, будто пытаясь что-то вспомнить, затем опустил их и безразличным тоном произнес:

— Я беру вас. Подробности у мисс О'Нейли, моей, вашей и, вообще, нашей единственной секретарши. Очень способной особы, которая, кстати, мне думается, прекрасно знает, чего хочет, что весьма похвально в наше беспокойное время. Но это юное создание себе на уме. Оплата обычная — пять процентов. Никаких контрактов в первый год я не заключаю — это мой стиль, если человек мне понравился, он может быть абсолютно спокоен за свое будущее, если нет, — Бартлет развел руками, — то, извините, нет. Вас устраивает?

— Да, мистер Бартлет, вполне. — Фрэнк пожал протянутую руку шефа. — До свидания. Я пройду к мисс О'Нейли.

— Всего доброго. — Он немного задержал ладонь Грегa и, слегка пожав, отпустил. — Увидите Кребса, вы, кажется, его родственник, огромный привет от меня — всегда к его услугам.

Фрэнк поклонился и вышел, прикрыв за собой тяжелые двойные двери.

Бартлет провел рукою по лысине, словно приглаживая несуществующие волосы, подмигнул своему изображению в стеклянной дверце книжного шкафа и опустился в широкое, удобное кресло.

* * *

В приемной пахло духами и еле уловимым дымком дорогих сигарет.

Мисс О'Нейли — секретарша, ее звали Вирджиния, среди своих просто Джин, — была стройной, хорошенькой и веселой девушкой с овальным личиком и легкими веснушками у точеного носика. Недавно ей исполнилось двадцать, но она уже три года работала у Бартлета — «папаши Эдди», как называли его близкие и немногочисленные друзья. Высокая, в туфлях на пробковой платформе, она была почти с Фрэнка, а если и ниже, то на самую малость. Длинные пушистые волосы толстыми золотистыми локонами падали на ее узкие, слегка покатые плечи.

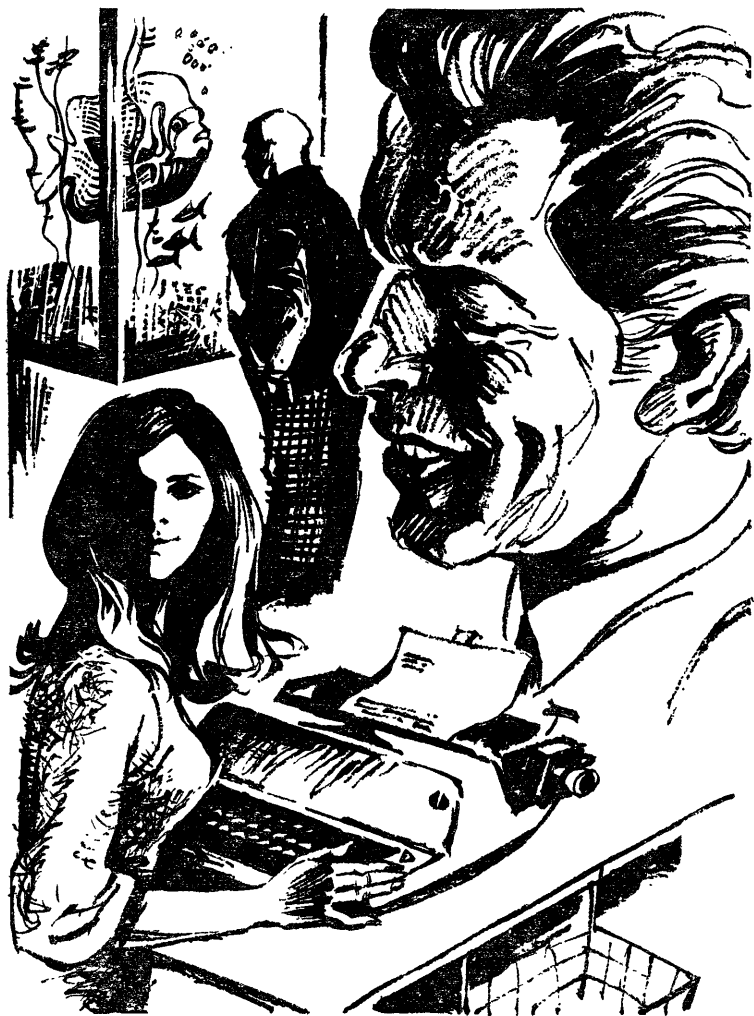
Ее ярко-синие глаза в мягких длинных ресницах все время смеялись. Особенно сейчас, когда, слегка приоткрыв пухлые красные губы, касаясь кончиком языка белых и ровных зубов, закинув ногу на ногу, она смотрела на вышедшего из кабинета шефа Грега.

Он сразу почувствовал к ней какое-то смутное влечение и симпатию. Ему импонировала ее доброжелательная приветливость и то, как она заговорщицки подмигнула, когда он появился в дверях, и с лукавым видом спросила:

— Ну как? На коне? Принял?

— Кажется, да, — немного смущенно ответил, переминаясь с ноги на ногу, Фрэнк.

— Тогда это надолго. Будьте уверены, у шефа поразительный дар быстро разбираться в людях, даже, пожалуй, какой-то особый нюх. Правда, — она опять улыб-

нулась,— это еще не значит, что они плохие или хорошие — это означает: его, шефа, они вполне устраивают.— И добавила, бросив взгляд искоса: — Но не воображайте о себе особенно много, случается, остальных они не устраивают вообще.

— Я далек от этого, что вы.— Фрэнк слегка развсел руками.

— Тогда с места в карьер приступим к исполнению повседневных обязанностей. Я постараюсь рассказать, разумеется коротко, о том, что, как и зачем мы здесь делаем. Присаживайтесь, пожалуйста.

Грег поблагодарил, сел и уставился на девушку.

— Не смотрите на меня так, мистер Грег, это неприлично и сковывает мою инициативу,— засмеялась О'Нейли.— Так вот... Чем занимается наше частное сыскное бюро? Но сперва лучше я познакомлю вас с самой конторой.

Заметив, что Грег поднимается, она остановила его изящным жестом.

— Не стоит никуда ходить, все будет и так понятно, сидите. В кабинете шефа вы уже были. Вот это,— она ткнула золоченой авторучкой в одну из трех дверей, расположенных в стене, против которой стоял ее стол,— ваш кабинет со всем необходимым оборудованием, с ним вы познакомитесь позже. У нас на акклиматизацию и адаптацию новичкам даются ровно сутки, не больше. Ваша комната сообщается с кабинетом шефа. Дверь рядом,— она перевела ручку ближе к выходу,— архив и картотека. Она тоже сообщается с вашей. Далее комната-салон для бесед и тому подобное. Сюда же сначала приходят посетители. За ними для первого ознакомления, так сказать скрытой камерой, через потайную систему линз вы можете наблюдать из архива, там же расположены установки для звуко- и видеозаписей и фотокинолаборатория. Все.— Она зажала авторучку в кулачок и подняла его вверх.— Компактно, правда?

— По-моему, как раз в меру, ничего отвлекающего.—

Фрэнк обвел взглядом двери и, обернувшись к мисс О'Нейли, спросил:

— Сколько всего сотрудников в бюро?

— Четверо. Шеф, вы, ваш помощник и, конечно, я.

— Так мало? — удивленно привстал Грег.

— Я имею в виду постоянных. Кроме них, есть широкая сеть агентов по вызову и получающих сдельно за каждую операцию. Их у нас более двадцати, каждый специализируется в своей отрасли. Можете не сомневаться и поверить мне: они знают дело прекрасно и, кстати, недурно зарабатывают. Их список хранится в вашем сейфе, сейчас на нем набор 11:07:59, дата моего рождения, потом, если вам понадобится, вы его замените. Но, таково распоряжение мистера Бартлета, новый шифр завернете в черную бумагу, запечатаете в конверт и передадите мне, я запру. Не беспокойтесь, подглядывать не собираюсь. Агентов желательно сюда не вызывать, а встречаться с ними где-нибудь на нейтральной почве. Есть в городе специальная конспиративная квартира — адрес ее в правом ящике стола. Что вас еще интересует? — Она с усмешкой опять прищурила глаза. — Всегда готова ответить на любой вопрос.

— Что за человек шеф? Я много слышал о нем, но лично сталкиваться не приходилось.

— Ше-еф? — удивленно протянула девушка. — Отвечу пока коротко. Хороший человек. Дальнейшая информация будет зависеть от того, что вы, — она сделала ударение на «вы», — представляете и, разумеется, от наших отношений. Этого достаточно?

— Вполне. Но хотя бы его склонности, привычки?

— Обычный старый холостяк. У него никогда не было семьи, а последний, и то дальний, родственник скончался два года назад. Попал в какую-то аварию, то ли авиационную, то ли автомобильную, а может быть, и морскую, я этого не знаю, да и знать не хочу. Никогда не повышает голос, не выходит из себя, не бранится. Очень интересуется последними достижениями науки в области ме-

дицины, химии и физики. Увлекается, но не до фанатизма, разведением аквариумных рыбок, любит вкусно покушать, но употребляет лишь вегетарианские блюда за исключением разве рыбы. Обожает грибы во всех видах. Курит гаванские сигары, спиртное — коньяк и виски — воспринимает умеренно. К женщинам, — она притворно огорченно вздохнула, — к сожалению, во всяком случае, мне так кажется, абсолютно равнодушен или мастерски прикидывается. Если это так, то он великий артист. Бредется электробритвой «Феникс», освежается кельянской водой, в тайных пороках и извращениях не замечен.

Они оба захохотали.

Грега приятно удивило, что такая красивая девушка совершенно не пользуется косметикой, все в ней естественно, непосредственно и просто.

Она придвинула стул ближе к столу, открыла средний ящик и вынула связку ключей.

— Это ваши, на каждом маленький номерок, точно такой же под замочной скважиной. Если вам потребуется оружие, обратитесь к мистеру Бартлету, это полностью его епархия. Если возникнет нужда во мне, нажмите кнопку у настольной лампы справа, черную, не перепутайте — белая включает лампу. Но не забудьте. — Она погрозила пальчиком. — Приказывать мне имеет право только шеф, а все остальные лишь просить.

— Благодарю вас, мисс О'Нейли, рад был познакомиться, — сказал Фрэнк, вставая. — Лелею надежду, что мы станем добрыми друзьями. Еще раз спасибо, мисс О'Нейли, я пройду к себе, — он посмотрел на часы, — вы же сказали, в моем распоряжении только сутки, а время не ждет. Беседа с вами доставила мне истинное наслаждение и была весьма полезной.

* * *

В кабинете — темноватой, просторной квадратной комнате — не было ничего лишнего. Письменный стол, шкаф во всю стену со множеством отделений, полок и

плоских выдвижных ящиков, сейф и узкая тахта с деревянной приставкой для постельных принадлежностей в изголовье. «На случай, если придется здесь заночевать — значит, это не исключено», — решил Фрэнк.

На маленькой тумбочке, придвинутой вплотную к столу, два телефона и сифон с водой. Друг против друга узкие, закрытые коричневыми портьерами двери — одна к шефу, другая в архив. Окно, затянутое плотной шторой, забрано прочной, расходящейся веером из левого угла решеткой. Стены оклеены светло-салатного цвета обоями, на полу зеленый ковер. В углу небольшой гардероб с зеркалом. Все в идеальном порядке, нигде ни пылинки.

Грег обошел комнату, открыл сейф, просмотрел ящики стола и сел в кресло, положив руки на дубовые подлокотники.

Раздался тихий стук в дверь, не дожидаясь ответа, вошла секретарша с целой кипой папок в руках.

— Понравилось? — спросила она и, подойдя к столу, положила на него картонки.

— Да, понравилось, — ответил Фрэнк и вопросительно взглянул на девушку. — Вам уже не терпится завалить меня работой?

— Это дела, которыми нужно заняться завтра. На каждой папке проставлена карандашом цифра: I — означает немедленно, II — желательно побыстрее, в два-три дня; III — подождет неделю-две, ну а IV — потерпит месяц. О ходе дел шеф требует информацию в 11 часов каждую пятницу — это закон, и, насколько я помню, он еще ни разу не нарушался, не попадите впросак, мистер Бартлет терпеть не может людей необязательных и бестолковых.

— Хорошо, мисс О'Нейли, с вашей помощью я надеюсь быстро войти в курс всех дел и приложить максимум сил к дальнейшему процветанию бюро «Гуппи», — засмеялся Фрэнк. — Кстати, откуда появилось это странное название?

— Вы непростительно невнимательны, мистер Грег, я же говорила: мистер Бартлет помешан на разведении и коллекционировании экзотических рыбок, отсюда эрго.

— А вы колючая, мисс О'Нейли. Не упустили возможности поддеть.

— Отнюдь нет, просто поневоле, работая рядом с сыщиками, попадаешь под влияние оттенков профессии и некоторые качества становятся в какой-то мере и твоими.

— Кроме всего прочего, вы еще и марксистка — проведуете лозунг: бытие определяет сознание?

— Я этого не сказала. Некоторые качества да. Ну а насчет сознания — пусть лучше будет оно упрятано поглубже, в самый надежный тайничок. Вам больше ничего не потребуется?

— Пока нет, благодарю вас, мисс О'Нейли, вы ангел.

— Тогда я пойду.— Она направилась к двери. Открыв, повернула голову и тихо произнесла: — Если будете неискренни, я это тотчас пойму. Мне бы не хотелось, чтобы между нами пробежала кошка. Учтите.— Она вышла.

Грег пристально, любуясь ее ладной фигурой, посмотрел ей вслед и подумал: «До чего же хороша, с ума сойдешь, неглупа, умеет работать и прекрасно держаться».

Он пододвинул папки, сложил их по порядку срочно-сти и открыл верхнюю.

Так начался первый день детектива частного сыскного бюро «Гуппи» Фрэнклина Грега, бывшего полицейского инспектора, когда-то подававшего большие, но, увы, не оправдавшиеся на поприще государственной службы надежды.

* * *

Наконец-то он нашел то, к чему стремился, что отвечало его желаниям, в этом Фрэнк убедился весьма быстро.

Работа захватила Грега целиком. Кажется, никогда еще он не чувствовал такого удовлетворения от своей деятельности, как в «Гуппи».

Шеф внимательно и с явной симпатией следил за тем, как ведет и распутывает сложные клубки интриг его новый сотрудник. Порой он тактично и ненавязчиво поправлял, как бы его же устами подсказывал направление поиска, уклоняясь от прямого ответа на вопрос, добивался принятия Грегом самостоятельного решения, выбора правильной версии. За два года Фрэнк многому научился у Хитрого Опоссума, как в кругу криминалистов называли Бартлета.

Контора процветала.

И чем больше она приносила дохода, тем, казалось бы, глубже в прохладную тень уходил Бартлет, выдвигая на первое место, под лучи софитов телевизионщиков и перья журналистов своего молодого коллегу, издали наблюдая за ним, чтобы вовремя, тихо и неслышно, как призрак, появиться неожиданно рядом, чуть-чуть подбодрить, повернуть в нужную сторону или слегка остудить начинающую кружиться от успехов голову, а затем опять юркнуть и раствориться в благодатной глубине. В отличие от прямодушного Кребса шеф избегал дискутировать с Грегом, всякий раз старался тонко и дипломатично перевести разговор в другое русло и делал это виртуозно, как завсегдатая светских салонов.

Если богом Кребса был закон, то для Бартлета он являлся соучастником. И если Джон был рабом первого, то Хитрый Опоссум умудрялся заставить закон служить себе, работать на его, Бартлета, пользу. Таким образом, характер Грега как бы шлифовался двумя наждачными кругами, из которых один грубо сдирал всю лишнюю и пенужную мишуру, что, естественно, не всегда проходило безболезненно, второй ласково — это скорее напоминало нежное поглаживание, чем обработку, — наводил блеск и наносил замысловатый, сложный и красивый узор.

К этому времени в судьбе юриста произошло и другое знаменательное событие.

Нежная симпатия первых дней к мисс О'Нейли стала обретать какие-то иные, пока еще непонятные ему очертания. Как ему казалось, с девушкой происходило что-то похожее. Постепенно их хорошие отношения переросли в искреннюю дружбу, а затем и в нечто большее, напоминающее любовь, в чем пока полностью разобраться Грег не мог. Сперва он ловил себя на том, что его восхищают внешность девушки, ее трезвые и в то же время веселые и ироничные суждения, а порой и дельные советы ему, ее начальнику. Затем ее стало просто не хватать. Находясь где-нибудь у черта на куличках, ломая голову над очередным криминальным ребусом, ему вдруг остро хотелось видеть ее, быть рядом, чувствовать запах духов, слышать голос. Его сводили с ума ее глаза, постоянно меняющие цвет. Обычно синие, как васильки, они голубели в радости и приобретали лиловатый оттенок, если она сердилась.

Однажды в конце дня он тихо вошел в приемную, держа в руках скромный букетик фиалок. Мисс О'Нейли, вся озаренная солнцем, высунулась в распахнутое окно, давала указания шоферу «пикапа», который привез мебель.

Грег молча застыл в дверях и с восхищением смотрел, как золотыми волнами рассыпались по ее плечам густые, пронизанные лучами волосы. Зачарованный, он не заметил, как она повернула голову и, не меняя позы, чуть-чуть прищутив синие, как небо, глаза, с загадочной и странной, словно чего-то ждущей улыбкой смотрит на него.

Застигнутый врасплох, Фрэнк покраснел, попятился к двери, не отдавая отчета словам, зачем-то выпалил:

— Зайдите ко мне, пожалуйста, Вирджиния, как освободитесь.— Он резко повернулся, стукнулся лбом о дверь и, проклиная в душе свою неуклюжесть — поступил как остопоп,— скрылся за портьерой.

— Я вас слушаю, мистер Грег.— Мисс О'Нейли вошла почти следом за ним и осторожно, без шума, прикрыла дверь. Она не остановилась, как это бывало обычно, на пороге, придерживая рукой портьеру, а медленно, все с той же непонятной улыбкой, глядя ему прямо в глаза, шла к столу.

У Фрэнка перехватило дыхание. Он, опираясь на подлокотники, поднялся с кресла и, обойдя стол, остановился очень близко, почти касаясь ее.

Она слегка приподняла голову, рот ее был полуоткрыт, руки опущены вдоль тела. Голова у него закружилась, он схватил ладонями ее лицо и начал целовать глаза, рот, шею. О'Нейли, как сомнамбула, стояла, не шевелясь, все так же безвольно опустив руки.

— Джин! Я люблю тебя,— задыхаясь от счастья и нежности, шептал Фрэнк, целуя ее.

ГЛАВА V

ЭДУАРД БАРТЛЕТ — ШЕФ

Два года напряженной работы, которая иногда изматывала до предела и тело и душу, но была всегда увлекательной и в конце концов приносила творческое удовлетворение, пролетели как две недели. Грег чувствовал — это время сделало его более уравновешенным и спокойным, вместе с опытом пришла уверенность в себе, знаниях, способностях. Он возмужал, голос стал тверже, взгляд утратил легкий налет сентиментальности и обрел жесткость.

Как-то утром, в пятницу, около одиннадцати часов, они с Джин, удобно устроившись в кресле, целовались в кабинете, ожидая, когда на очередное традиционное оперативное совещание придет шеф. Бартлет всегда ставил свой «пежо», чем-то очень напоминающий поросенка, на одном и том же месте, под окном Грега. Возможность

быть застигнутыми врасплох исключалась — Фрэнк настежь распахивал створки рамы, и влюбленные тотчас заметили бы приезд шефа.

Неожиданно тренькнул аппарат греговского телефона. Фрэнк снял трубку. Бартлет звонил из дома.

— Мистер Бартлет? — удивился Фрэнк. — Вы заболели?

— Нет. К счастью, чувствую себя как никогда здоровым и бодрым. — В трубке раздался легкий смешок. — Вас это огорчило?

— Но сегодня пятница?

— Ну и что? Разве я обязательно хвораю по пятницам? Наоборот, это мой самый любимый день недели, — опять хихикнул Бартлет.

— Я хотел сказать, — запнулся Фрэнк. — Мы уже собрались на совещание, обстановка сугубо деловая. Мы вас ждали, есть вопросы, требующие незамедлительного и компетентного решения на вашем уровне.

— Все это чепуха, — весело ответил шеф. — Вы бы не смогли подъехать ко мне, Грег?

— Конечно, смогу, — начал Фрэнк. — Но совещание?

— Да пошлите вы к лешему это совещание, что вы прицепились с ним. Тот, кто создает традиции, вправе и нарушать их. Я нарушаю традицию — значит, есть для этого веские причины. — В трубке снова послышался смех. — Плюньте на все и всех и подъезжайте. Поговорим. Вы же еще, если меня не подводит память, не навевались в мою обитель?

— Да, мистер Бартлет.

— Вот и сделайте милость. Увидите нору Хитрого Опоссума, вы ведь так, паршивцы, окрестили меня. Я жду вас. — В трубке раздалась гудки.

— Что он сказал, дорогой? — нетерпеливо спросила Джин.

— Велел послать к черту, пардон, к лешему, совещание, плюнуть на тебя и сейчас же явиться пред его ясные очи. Уму непостижимо. Старикан явно что-то замыслил

серьезное, не таков он, чтобы по пустякам ломать распорядок дня и гонять персонал. Инте-ре-сно, какая же его укусила муха?

— Не гадай на кофейной гуще, а отправляйся немедленно.— О'Нейли вскочила и выбежала из кабинета.

Грег медленно положил трубку на рычаг и задумался. Для чего он понадобился шефу? Зачем тот отменил оперативку? Наконец, почему голос его был такой, словно старик выиграл кучу денег, не знает, что с ней делать, и надеется получить от Фрэнка дельный совет.

Он потянулся к лампе и нажал черную кнопку. Почти тотчас в проеме показалось озабоченное лицо Джин. Она огляделась и спросила:

— Ты звал, Фрэнк?

— Сейчас звонил шеф.

— Господи, у тебя склероз, я же слышала. Удивляюсь, чего ты медлишь. Видимо, он занемог и не может приехать сам?

— Совсем нет. Он здоров, как бык. Здесь что-то другое. К сожалению, я даже отдаленно не представляю, что именно.

Грег, волнуясь и сбиваясь, передал содержание разговора.

О'Нейли опустилась в кресло и, прищурившись, взглянула лукаво.— Я, кажется, догадываюсь, о чем пойдет речь. Насколько мне известно, если шеф нарушает привычки, разговор будет на служебную или финансовую тему. Подобные беседы он всегда проводит в своей резиденции. То есть и на этот раз шеф остается шефом и отнюдь не изменяет принципам. Так случилось: одна традиция наскочила на другую, он пожертвовал менее важной. Просто, как карандаш.

— Ты думаешь? — Фрэнк присел на подлокотник ее кресла и нежно провел ладонью по ее волосам.

— Почти уверена,— протянула Джин, слегка отстранилась от его руки и отвела взгляд.

Грегу показалось, что она знает значительно больше, но не считает нужным сказать ему все.

— Ты только будь пайнкой, повидержанней, не топись с окончательным решением.— Она опять хитрово посмотрела на него.

— С каким решением? — Он удивленно вскинул брови.

— Это мне неизвестно, но интуиция подсказывает мысль: шеф хочет тебе что-то предложить.— Она встала.

— Только интуиция и мысль?

— Разумеется.

— И вот Иммануил Кант когда-то изрек: «Мысль без содержания пуста, а интуиция без концепции слепа».

— Хватит блистать эрудицией и пустословить — марш к боссу. Нехорошо заставлять начальство ждать. Поезжай, желаю удачи.— Она чмокнула его в щеку и выскочила за дверь.

Грег влез в свой издававший виды, купленный полтора года назад «рено», резко тронул с места, круто развернулся и выехал на магистраль. Обгоняя то одну, то другую машину, он никак не мог отделаться от назойливой, как зудящая осенняя муха, мысли: Джин вела себя по меньшей мере необычно, что-то недоговаривала. Намекнула о каком-то предложении. Неужели Хитрый Опосум посвятил в свои планы секретаршу? Невероятно, не в его манере, да и где и когда он мог это сделать? Шеф неделю не появлялся в бюро. А по телефону? Вздор. Ладно, что зря ломать голову, через каких-то полчаса все прояснится и станет на свои места.

«Рено» прошелестел покрывками по мелкоресистентному съезду с легкого, словно парящего в воздухе, моста через широкую мутную реку, свернул на обсаженную одинаковыми кудрявыми липами узкую асфальтовую дорогу и понесся по прямому, как луч, шоссе.

Бартлет жил за городом. Его небольшой каменный дом, облицованный без всякой системы и симметрии черной и салатного цвета плиткой, утопал среди густых, в беспорядке посаженных зарослей белой акации. К дому через живую, аккуратно подстриженную изгородь колючих растений вела мощенная кирпичом дорожка.

Фрэнк подкатил к самому коттеджу, заглушил мотор и вылез из машины.

Он огляделся.

Да, место для жилья старик выбрал замечательное. Все выглядело как на рекламном проспекте или рождественской открытке, так и тянуло на синем небе, над крышей написать: «Ищите, да обрящите вечный покой и райские кущи» или еще что-либо идиллическое и сусальное.

Тихо. Много зелени. Чистый деревенский воздух напоен до предела запахом сена и парного молока. Опрятный, ухоженный особнячок, крытый красным шифером. Под пылающим расплавленными пятнами солнца зеркальным стеклом окна, совершенно лишенного переплета рамы, маленький водоем, выложенный серыми, в пролысинах замшелыми валунами в тонком обрамлении стрел камыша. Вокруг него цветочные клумбы, гладиолусы, георгины, пионы. Все убрано, ухожено, подстрижено и подкрашено. Чувствовалась чья-то заботливая и хозяйственная рука.

Грег, осторожно ступая, словно боясь повредить дорожку, прошел к широкому крыльцу, поднялся на две ступеньки и потянулся к кнопке звонка. Он не успел ее нажать, дверь распахнулась, и на пороге появился широко улыбающийся, воздевающий вверх руки, как Христос на картине, Хитрый Опоссум.

— Здравствуйте, Грег, заходите, милости прошу, — он чуть посторонился, пропуская гостя в дом. — С моей стороны было нелюбезностью до сих пор не пригласить

вас, но уж так складывались обстоятельства,— он засмеялся и всплеснул руками,— я исправил это недоразумение, и сегодня, надеюсь, мы прекрасно проведем время. Проходите в холл.

Фрэнк очутился в темноватом, обитом по стенам деревянными некрашеными панелями, просторном коридоре, в который выходило несколько застекленных дверей.

— Вот кухня,— указал Бартлет на одну,— здесь ход на веранду, а там к моим аквариумам. Это холл, дальше кабинет и спальня.

— Вы живете один? — спросил Грег.

— Да, если не считать садовника, он же сторож, он же повар и он же все прочее. Этот человек служит у меня много лет, мы привыкли друг к другу. Проходите.

В большой круглой комнате, кроме двух пуфиков у стены, нескольких удобных мягких кресел, низкого столика, настенного бара и большого цветного телевизора, не было никакой другой мебели.

Весь пол закрывал белый как снег синтетический лохматый ковер. Фрэнк даже остановился на пороге, не решаясь ступить на эту девственную белизну.

— Хе, хе, хе,— мелко и раскатисто засмеялся Бартлет.— Идите смелее, он не пачкается, даже если вы перед этим прошлепали по колену в грязи — она к нему не липнет, как подозрения, хе, хе, к супруге Цезаря, а, высыхая, скатывается, хе, хе, как с гуся вода. Кроме того, здесь есть и другая выгода, чисто психологическая,— ковер сбивает спесь с некоторых зазнаек. Пойдемте в кабинет, там мы сможем спокойно и неторопливо обсудить все.

Они пересекли комнату и очутились в просторном помещении с двумя широкими окнами, выходящими в сад. Стены до самого потолка занимали шкафы с книгами. Сквозь стекла поблескивали разномастные корешки книг. В центре, немного ближе к окнам, стоял большой письменный стол с наглухо закрытыми тумбочками, перед ним другой, маленький, точно такой же, как и в кон-

торе. Вообще, за небольшим исключением, обстановка напоминала ту, что и в «Гуппи». Чувствовался стиль Бартлета. У противоположной стены — широкая тахта с зеленой обивкой — шеф вообще любил зеленый цвет. Два кресла у столика и третье за письменным столом.

— Садитесь где захочется. — Бартлет приблизился к окнам, посмотрел в сад и опустил в кресло. — Вас не удивляет, что у меня нет штор?

— Немножко.

— Эти стекла поляризованные. Удобно?

— Мне кажется, очень. — Грег сел в кресло.

— Это тоже с умыслом, обезоруживает посетителей — делает их беззащитными, создает иллюзию, что они открыты для обозрения, — добавил Бартлет. — Не предлагаю сигары и выпивку — знаю: вы лишены этих пороков. Ну а мне, надеюсь, позвольте. Я не оскорблю ваших пуританских замашек?

— Пожалуйста, шеф, сделайте одолжение.

Бартлет поднялся, достал из небольшого бара пузатую коричневую бутылку, бокал и сифон с содовой. Бросил щипцами кусочек льда, плеснул наполовину виски и разбавил водой. Затем удобно устроился в кресле, вынул из деревянного ящичка сигару, откусил кончик и закурил.

— Перейдем к делу. — Он отхлебнул глоток. — Два дня я проверял финансовую деятельность нашей фирмы. В среднем мы получаем доход около десяти тысяч в месяц. Чистая прибыль пять. И чуть более двадцати — страховочный фонд. После долгих раздумий я решил уйти на покой. Да, да, не удивляйтесь. Хочу пожить в свое удовольствие, не утруждая себя заботами. У меня к вам деловое предложение. Фирма со всеми атрибутами переходит в ваши руки, я устрanyaюсь с юридически и фактически. Вы же согласно заготовленному контракту до конца моей жизни выплачиваете 50 процентов дивиденда, а сами ведете дела, как вам заблагорассудится. Ваше мнение?

— Это так неожиданно, мистер Бартлет.— Грег вылунил глаза.— Я просто не могу реально осознать, что вы хотите отойти от дел, не представляю вас почивающим на лаврах.

— Представите. Это бесповоротно.— К потолку потянулась струя дыма.— Скажу откровенно, вы мне симпатичны, обладаете в полной мере теми качествами, которые должны быть у настоящего детектива. Кроме того, у вас есть и то, чего нет у меня — не будем уточнять,— и вы вполне сможете сделать так, что бюро будет и дальше идти в гору. Я не стану мешать, работайте как сочтете нужным. Потребуются консультации — не откажу, но вмешиваться или зудеть под руку — отнюдь нет.

— Поверьте, шеф, я еще не могу прийти в себя от столь, я бы сказал, лестного предложения и теплых слов в мой адрес. Я растерян и абсолютно не подготовлен к такому разговору.

— Да полноте.— Он махнул рукой.— Давайте говорить без реверансов. Принимаете вы предложение или нет? Может быть, у вас какие-то встречные требования или пожелания? Или вам кажется, я запросил лишку и буду вас эксплуатировать?

— Извините, но надо подумать.— Грег встал.— Ваше предложение делает честь, однако по силам ли мне руководство бюро со столь солидной и испытанной репутацией? Обладаю ли я в должной мере талантом дельца и администратора? Мне необходимо подумать и собраться с мыслями.

— Садитесь. Что вы поднялись? Похвально, если хотите все обдумать, надеюсь, это не дипломатический трюк. Действуйте и впредь аналогично: даже когда вы сразу согласны, все равно попросите время на размышление — это подчеркивает серьезность подхода к вопросу и отсутствие легкомыслия. Думать нужно всегда. Я дам вам время. Один день. Завтра в тринадцать ноль-ноль сообщите о своем решении. Я приседу в контору утром. Договорились?

— Хорошо, мистер Бартлет. Это меня устраивает.

— Чудесно.— Шеф встал.— Теперь, когда дела в принципе закончены, пойдемте, я покажу вам своих рыбок, признайтесь, о моем увлечении часто зубоскалят в бюро?

— Не очень, но бывает,— улыбнулся Грег.

— Я не принадлежу к оголтелым коллекционерам, хотя и занимаюсь этим уже сорок лет. Я не перестаю удивляться и восхищаться целесообразности, мастерству и безграничной фантазии природы. Пока нам готовят обед, познакомимся с экспонатами, если, конечно, вы не возражаете.

— С огромным удовольствием. Я тоже люблю природу. Да и редко нам приходится общаться с ней в наш технический век.

— Да, редко. Это и делает людей подчас жестокими и циничными. Правда, я не думаю, что отпетый негодяй среди садов, цветов и животных станет менее негодяем или тотчас раскается и начнет перевоспитываться. Отнюдь нет. Он просто, мне думается, очутившись в непривычной ситуации, в раздражении начнет вырывать с корнем деревья, топтать в иступлении цветы и рубить голы всем бессловесным тварям.

Вот если начать с азов, с детства, роль природы явно положительна. Во всяком случае, ребенок, пригревший бездомного котенка, при всех прочих равных условиях окажется значительно выше в нравственном положении, чем свернувший этому котенку шею.

Грег вспомнил, что нечто подобное он когда-то слышал от Стива.

Помещение, где располагались аквариумы, похоже на большую застекленную и увитую растениями веранду. От пола до потолка на деревянных подставках стояли аквариумы разнообразной конструкции.

В центре был бассейн, над его выложенным цветными камушками цементным основанием приблизительно на фут возвышались стенки из толстого голубоватого

стекла, вставленного в алюминиевые рамы. Некоторые сосуды подсвечивались лампочками, другие, наоборот, были затенены и даже закрыты искусно сделанными шторками. В воде, в переплетении разнообразных водорослей, от тонких, словно невесомая паутинка, до глянцевых и мясистых, как округлые листья фикуса или магнолий, плавали экзотические обитатели немыслимой формы, расцветки и рисунка. На каждом аквариуме аккуратная табличка, на ней бисерным почерком шефа написано: что за экземпляр, когда и откуда поступил, где живет и в каких условиях, чем питается, как размножается и многое-многое другое, то есть почти все об этом виде. Таблички напоминали уложенные в обоймы из пластика листочки замысловатой картотеки.

Бартлет неторопливо ходил меж аквариумов, останавливался перед тем или иным экспонатом и очень увлекательно, подчас с шуткой рассказывал о нем, перемежая повествование высказываниями древних мудрецов и философов, отрывками из легенд, мифов, книг путешественников и исследователей. Грег поражался глубине знаний шефа, неподдельному интересу и увлеченности водной фауной и флорой. У него даже мелькнула мысль: избери Бартлет профессией именно эту, он мог стать знаменитым ихтиологом и имя его было бы куда более популярно, чем сейчас в среде криминалистов, хоть и здесь он значительно преуспел.

Часа два спустя, когда они закончили осмотр коллекции, в дверях появился высокий, сухопарый пожилой негр, совершенно седой. Он остановился в проеме и тихо-тихо постучал костяшками пальцев по стеклу.

— О! Уже готово. Спасибо, Мартин, сейчас придем. Кстати,— Бартлет повернулся к Грегу,— познакомьтесь — это тот самый человек, о котором я вам говорил. Когда-то он служил у меня на торпедном катере рулевым, мы воевали на Тихом океане, и так и остался со мной. Пойдемте обедать, по этой части Мартин большой дока, правда, не знаю, угодит ли он вам, я ведь гурман

вегетарианских, рыбных и блюд из продуктов моря. Думаю, вам понравится, ведь они не только очень питательны,— он со смехом похлопал ладошкой по животу,— но и удивительно вкусны.

Обед был действительно хорош. Чувствовалось: хозяин и слуга понимают толк в блюдах, которые подавались на стол, и не жалеют денег на их приготовление.

Блаженно развась в креслах, они пили кофе, когда Фрэнк, поставив чашку на блюдце, спросил:

— Мистер Бартлет, можно задать вам один не совсем обычный, вернее, совсем необычный вопрос?

— Пожалуйста, мой друг.— Он тоже опустил чашку на стол и потянулся за сигарой.— Постараюсь удовлетворить вашу любознательность.

— Почему у вас нет семьи?

— Что? — Рука шефа повисла в воздухе, а брови поползли вверх.

— Почему вы холост и не обзавелись семьей? — немного смутился Грег.— Извините, если я не то спросил. Но мне казалось странным, имея все возможности, остаться одиноким бобылем.

— Отчего же, я отвечу.— Он взял сигару и обрезал кончик.— Потому что я трус.

— Вы трус? Полноте, я же слышал совсем другое. Будучи на флоте, вы получили несколько наград именно за храбрость, а начиная постигать азы сыщика, нередко попадали в очень опасные ситуации.

— Не льстите, Грег, я трус, правда, в другом плане. Не подумайте, что я боялся или боюсь женщин, мне не чужды плотские утехы, скорее даже наоборот. Но тем не менее я не стремился жениться и обзавестись семьей. Да, я боялся той непрекращаемой ответственности, которая ложится на человека, на его совесть, когда он дает жизнь себе подобному. Во времена молодости мое будущее было туманным, и кем я стану после войны, не ответила бы и самая искушенная хиромантка — миллионы людей,

сняв военную форму, искали место в мирной жизни. Сомнения, неуверенность и колебания. А время неумолнно текло. Когда же грядущее несколько определилось и стало вроде бы стабильным, то есть таким, когда ты уверен, что завтра не умрешь от голода и холода — я был уже относительно стар. Парадокс — то думать о семье было рано, а то поздно. А больше всего я боялся, как бы меня не прокляли мои же отпрыски за то, что они появились на свет, что я ввел их в мир и ничем не обеспечил будущее ни морально, ни материально. Вот чего опасался я, а пока размышлял, струилось время, и вернуть его назад невозможно. Сейчас мне почти семьдесят — жизнь прошла, меня вряд ли вспомнят добром, но и никто, надеюсь, не будет откровенно и злобно проклинать. Это-то я и имел в виду, когда говорил о трусости. Семья — слишком ответственно. К сожалению, сотни тысяч людей относятся к ней как к чему-то обязательному, закономерному и само собой разумеющемуся. Вот и появляются изгон, наркоманы, преступники.

— Трудно согласиться с вами, очень это мрачно, так можно дойти и до полного отрицания семьи, до опустошения планеты, — начал Фрэнк.

— А со мной и не надо соглашаться. Я же высказал субъективное мнение. Это не диспут в поисках истины. Что же касается отрицания семьи, то, давая право на семью, государство должно обеспечить его экономически и морально, иначе это фарисейство и пустой звук.

— Задумываться о том, что вы говорите, мне кажется все равно, что ежеминутно вспоминать о неизбежности смерти. Не приведет ли это к полному упадничеству и пессимизму, а как результат — к массовому психозу и самоубийству? — произнес Грег.

— Сможет, мой друг, если встать в позу стороннего наблюдателя и констататора фактов человеческой мерзости. В этом вся суть. Я мечтаю написать книгу, основанную на документах, дать анализ нравственному и моральному тупику, в котором мы очутились. Кроме того,

меня интересует поведение самого человека. Вы не читали Чехова?

— Чехова?

— Да, это русский писатель.

— Извините, к сожалению, нет, но слышал о нем.

— У него есть, на мой взгляд, замечательное высказывание, дающее как бы прицел, направление деятельности на то, как сделать людей счастливыми. Смысл в следующем: в них должно быть все прекрасно: одежда, лицо, тело, мысли и душа.

— А любовь? — спросил Фрэнк.

— У человека с прекрасной душой и мыслями будет и прекрасна, возвышенная любовь.

— Сомневаюсь — мне приходилось видеть изумительных людей, женатых на злых и истеричных чудовищах.

— Я имел в виду, когда этими качествами обладают оба.

— Но это может привести к какому-то стандарту, патентованной аморфной семье.

— Вам не нравятся стандарты? — удивился Бартлет.

— В людях да.

— Мне кажется, стандарты хороши везде, но когда следуют им разумно. Стандарт — это скелет, прочный и надежный, а вот все остальное, так сказать, «человеческие слабости», придает лишь индивидуальность. Вы представляете, что такое генетика?

— Весьма смутно. Мне как-то не приходилось с этим сталкиваться. Вернее, меня подобные проблемы не волновали.

— А зря. Они должны волновать всех людей, ибо имеют к ним самое прямое отношение. Но, коротко, вот в чем суть. Наследственная информация организмов заключена в клеточном ядре, в нитевидных структурах — хромосомах. Они состоят из небольших участков — генов, каждый из которых отвечает за передачу по наследству определенного признака: цвета волос, глаз, роста, болезней и так далее. В хромосомах заключена «запись»

всех признаков. Каждая клетка человека имеет 46 хромосом, или 23 пары. Правда, в половых клетках их лишь 23. Отцовские и материнские, сливаясь, образуют также 46.

Гены могут быть сильнее и слабее. Следовательно, будут превалировать или отцовские или материнские, в которые, в свою очередь, внесли определенную информационную лепту дедушкины и бабушкины, а также прочих далеких предков, вплоть до Адама и Евы. В зависимости от целого ряда причин — их очень много, в том числе даже загрязнение окружающей среды, климат и прочее — казалось бы, совершенно неожиданно могут «проявиться» то те, то другие гены. А соответственно и появляются у людей разные признаки, в том числе и болезни, иногда весьма тяжкие. Этим и объясняется сейчас создание контроля над врожденными аномалиями со стороны медиков и генетиков. Они стараются выявить и по возможности предупредить наследственные заболевания. Врач-генетик пытается определить, насколько ребенок унаследует недуг родителей, и иногда не рекомендует супругам иметь детей.

Изучая родословные, удалось установить, например, откуда взялась гемофилия — низкая свертываемость крови — у царевича Алексея Романова, сына самодержца всея Руси Николая II. Выяснилось — виновница английская королева Виктория. Да, да, представьте себе. Гены ее клеток носили это заболевание, но как бы «дремали» — находились словно в летаргическом сне. Может быть, не было для этого каких-то определенных условий. Августейшая особа дожила до глубокой старости. А вот ее сыну Леопольду не повезло, он скончался от гемофилии молодым. Дочери королевы Алиса и Беатриче также унаследовали злосчастные гены и, как приданое, преподнесли их прусскому и испанскому принцам, за которых вышли замуж. Дочь Алисы, Александра Федоровна, стала супругой русского царя и, разумеется, матерью его сына, передав ему ген гемофилии.

Замечу, наследственность распространяется и на внешние признаки. Так, знаменитая выступающая нижняя челюсть и отвисшая губа династии Габсбургов прослеживается от императора Максимилиана, который жил в XV веке.

— А как же быть, если нет родословной? Чего греха таить, сейчас многие не только своих пращуров, но не помнят дедушки с бабушкой? — спросил Фрэнк.

— И на него я нашел ответ в одном научном журнале, прочитав статьи некоего Роберта Смайлса — молодого физика, химика или математика, точно уже и не помню. Он предложил весьма оригинальный выход из, казалось бы, безвыходного положения. Смайлс считает, что гены новорожденных надо просто-напросто «очищать» от всей их наследственной информации, а вместо нее «записывать» другую, абсолютно лишенную каких бы то ни было пороков и даже, наоборот, обогащенную наследственностью положительной, иммунитетной. То есть дитя, еще не родившись, вроде бы уже перенесло, скажем, корь, скарлатину, ну я не знаю, какие-то другие заболевания. Ему потом не надо болеть ими, чтобы получить против них защиту. Он, правда, не сообщал в статье, как это сделать, но, как мне показалось, весьма убедительно заявил: ему известен способ и результат обнадеживающий.

— А это не имеет отношения к высказываниям какого-то чудака о том, что преступников надо не наказывать, а лечить? Удалять с их коры головного мозга какие-то там бугорки, содержащие различные пороки?

— Разумеется, нет. Речь шла о новой отрасли науки — генной инженерии, вмешательстве в тайны клеток животных и растений. Люди на свое усмотрение могут выводить необходимые их виды, заменять отдельные органы, создавать в лабораториях совершенно новые, не существующие в природе экземпляры.

Признаюсь, удивить меня нелегко, но статья потрясла. Смайлс утверждал: его исследования в области

ДНК — дезоксирибонуклеиновой кислоты — язык сломалась — и генной инженерии сулят успехи в создании человека с запрограммированными качествами, и дело это уж не такого далекого будущего. Больше того, он намекал: даже при нынешнем уровне науки и техники добился весьма обнадеживающих результатов. Мысль такова — зачем ломать голову над искусственным мозгом из миллиардов клеток для биоробота, когда он уже создан природой и требует лишь легких изменений и совершенствования: улучшения памяти, сообразительности, развития способностей, скорости восприятия информации и еще чего-то.

— И как же это представляется?

— Элементарно: ученый берет сосуд с генами особо отличающегося, допустим, красотой индивида, другой сосуд — с генами человека с завидным здоровьем и третий — с генами интеллектуала. Вводит их в яйцеклетку женщины-инкубатора или во что-то подобное ей и создает эмбрион, обладающий суммой этих качеств, причем не механической, а генной, гармонической.

— А не получится ли это слишком скучным?

— Вы имеете в виду «заказных» людей? Если их появится много, не будут ли они выглядеть стадом гениев?

— Именно, — подтвердил Фрэнк.

— Мне кажется, нет, ибо их разнообразят те небольшие слабости, о которых вы упоминали. Ну не велика беда, если сильный, как Геракл, прекрасный, как Аполлон, и мудрый, словно Хирон, молодой человек станет заикаться или ковырять пальчиком в носу. Меня настораживает не медицинский или этический вопрос, а скорее юридический.

— Юридический? Но с какой стороны? — удивился Фрэнк.

— Разумеется, с правовой. Имеем ли мы право создавать такие формы? Надо ли стремиться к управлению иммунной системой таким образом, чтобы трансплантация любых качеств и органов стала повседневной пра-

ктикой с учетом чуть ли не бесконечного продолжения жизни отдельных людей. Должны ли мы столь решительно вмешиваться в изменение собственного облика? Достигли ли мы того нравственного уровня, при котором это возможно? И кто, в конце концов, будет судить, каким должен быть человек будущего, а также не приведет ли это к катастрофе — мы же вступаем на территорию, экологию которой представляем весьма туманно — природа жестоко мстит, когда с ней обращаются неосмотрительно.

Вы, очевидно, помните, как в июле 1974 года одиннадцать крупнейших ученых Америки в области молекулярной биологии и генной инженерии во главе с лауреатом Нобелевской премии Джеймсом Уилсоном направили призыв к ученым мира с просьбой временно приостановить исследования в этой области, пока не будут оценены и изучены возможные отрицательные последствия. Поэтому меня очень заинтересовали мысли и эксперименты Роберта Смайlsa, чувствуется также, что он весьма доброжелательно настроен по отношению к людям. Об этом хотя бы говорит его концепция на проблему старения.

Тут мне, правда, показалось — его слегка занесло, но, как говорят, все равно здорово, рассуждения если и не убеждают окончательно, то дают пищу для размышлений в положительном аспекте. Ссылаясь на огромные скрытые резервы человеческого организма, на способность приспособливаться к тем или иным обстоятельствам, на его восстановительные процессы, обмен веществ и так далее, наконец, не регулирующий механизм, который дает различные команды: расти, развиваться, остановиться, рассасываться. Он говорит, что и здесь преуспел и открыл вроде бы способ, как этим механизмом управлять.

Вы представляете? Мы можем делать карликов и великанов. То есть я не имел в виду людей. Допустим, курицу со страуса, а кродила с ящерицу. Можем за-

ставить рассосаться раковую опухоль и многое другое. Своеобразна его мысль о биологическом стимулировании, восстановлении сил, или, конкретнее, о сне. Действительно, четверть жизни человек спит. Бездарно тратит столь дорогое время, отпущенное ему судьбой. Так вот, тот стимулятор, который якобы открыл Смайлс, восстанавливает силы, дает полную возможность всему организму отдохнуть, в том числе и сердцу. Да, да, не удивляйтесь. Во время этого сна под стимулятором, который продолжается всего один час, сердце работает с нагрузкой в двадцать раз меньшей. Получается — человеку не только перепадает лишних двадцать лет активной жизни, но ученый утверждает — применение биостимулятора еще и способствует продлению ее как минимум вдвое.

Смайлс, основываясь на той же генетике, говорит об управлении ее «памятью», воссоздании регенерации, которую в процессе эволюции утратили млекопитающие и, естественно, человек. Он считает: этот процесс можно восстановить, то есть заставить сработать память, заложенную в генах еще миллионы и миллионы лет назад. Действительно, чем, скажем, лучше нас ящерица, у которой отрастает оторванный хвост, или дождевой червь — если его разорвать напополам, вообще будет два новых. Он предлагает после соответствующего облучения каким-то то ли полем, то ли еще чем кусочка взятого у человека органа — сердца, легких или печени — в соответствующем растворе выращивать целый орган, как, скажем, это делают сейчас с некоторыми растениями. Причем орган берется у самого больного, а потом вставляется ему же вместо порочного, но уже молодой и абсолютно лишенный изъянов своего «прародителя».

Касаясь проблемы трансплантации органов, молодой человек заявляет, что хотя он и разработал полностью метод преодоления барьера несовместимости тканей и, разумеется, не имеет ничего против пересадки органов от людей умерших, но подчеркивает — от умерших по-настоящему.

— Странно. Разве можно умереть как-то по-другому? — удивился Фрэнк.

— Оказывается, можно, мой друг. Дело в том, что мы с развитием науки потеряли точную градацию смерти, может быть, это и закономерно — с увеличением нашего объема знаний стирается грань между жизнью и небытием. Сошлюсь на небольшой пример. В Тайстауне, в клинике, лежит девушка. Она попала в автомобильную катастрофу и получила смертельную травму — перелом основания черепа. Мозг ее поврежден необратимо, но медики, подключив к ней различную аппаратуру, поддерживают в теле жизнь. Налицо нелепица. С одной стороны, она, несомненно, мертва: мозг не работает, отсутствуют все чувства, она никогда, как мы говорим, не придет в себя. Но с другой — ее тело продолжает жить, пусть с посторонней помощью, но живет, почти все основные органы, естественные или подключенные, функционируют. И это длится уже два года. Так считать ее трупом или нет?

— Ваш вопрос поставил меня как юриста в тупик. Могу сказать лишь, что мне ее очень жалко.

— И не только вам. Родители обратились к врачам с просьбой отсоединить стимуляторы и, как они выразились в своем письме, дать ей возможность умереть спокойно. Но тут возникла новая проблема: медик не имеет права давать пациенту эту самую возможность умирать спокойно, он должен биться до конца за его жизнь, иначе действия врача можно квалифицировать как непринятие мер для спасения больного, а в данном случае даже как убийство, причем человека, находящегося в беспомощном состоянии, что, как вам отлично известно, отягощает вину. Видите, куда мы зашли? Мне думается, медики сейчас проклинают тот час, когда они сами сделали из нее живую мумию. Вот поэтому Смайлс и оговаривается — умерших по-настоящему, термин не имеет значения, со временем, очевидно, найдут более приемлемый. Он имеет в виду проблемы этические, чтобы кто-то с нетерпением

не ждал смерти другого ради своего спасения, и юридические. Вы, конечно, помните «Дело Губера», о нем писали очень много и даже сделали художественный фильм. Он организовал фирму, которая похищала людей, прятала их и заключала договора с частными клиниками о поставке, так сказать, запасных частей для человека от живых доноров. Их останки потом, разумеется, уничтожали.

— Что только не творит с человечеством «желтый дьявол» и жадность, вероятно, правы коммунисты, когда говорят, что одна из их конечных целей — уничтожение денег.

— Ну сначала надо ликвидировать и кое-что другое, мой друг, — глубокомысленно заметил Бартлет. — А человека основательно переделать, подготовить к этому хотя бы так, как предлагает Роберт Смайлс.

— И какова была реакция на его высказывания со стороны специалистов?

— Чисто современная, в духе наших уже устоявшихся традиций. Интеллигентные и умные сказали, что он романтик и фантазер, а хамоватые и глупые объявили авантюристом и бессовестным шарлаганом. По этому поводу хотелось бы мне добавить: стоило бы в мемуарной и библиографической литературе упоминать не только о том, как такой-то дружил с Ньютоном, ценил Гёте, помогал Бору, выручил из беды Шиллера и дал в долг Эдисону. Нет. Стоит упоминать бы и то, как кто-то издевался над Беконем, травил Менделеева, писал доносы на Чайковского и не вернул вдове какого-нибудь Людовика... позаимствованные деньги.

* * *

Когда Грег, тепло распрощавшись с гостеприимным хозяином и его слугой, сел в свою расхлестанную машину, было немногим более семи вечера. Он, находясь все еще под впечатлением проведенного дня, неторопли-

во выехал на шоссе, миновал мост, свернул к обочине и остановился у первой попавшейся на глаза кабины телефона-автомата, чтобы позвонить О'Нейли.

Взглянув на циферблат часов, он набрал домашний номер. Ровные продолжительные гудки привели в изумление. Где она может быть? Грег, немного подумав, на всякий случай позвонил в бюро и тотчас услышал в трубке до боли родной голос:

— Бюро «Гуппи», у телефона мисс О'Нейли.

— Джин, милая,— заорал Фрэнк так, что стоящая неподалеку с сумкой в руках пожилая женщина шарахнулась, выронила пакет и, пугливо оглядываясь, засеменила прочь.— Это я. Как хорошо, что застал тебя, не уходи, пожалуйста. Мы закончили дела с шефом, и я свободен аки горный орел.

— Где ты, Фрэнк? Откуда звонишь? — донесся ласковый и радостный голос.— Ты совсем освободился?

— Неподалеку, у съезда с моста, я примчу минут через десять. А ты почему не спрашиваешь, о чем был разговор и что произошло?

— Приедешь расскажешь, ведь ты не можешь о таком серьезном деле поведать в двух словах, а я желаю знать все до мельчайших подробностей,— засмеялась девушка.— Кстати, надеюсь, мы отметим это знаменательное событие не в каком-нибудь пропахшем снобизмом клубе?

— Ну конечно же, милая.— начал Фрэнк.

— Тогда жду, раз ты орел — лети над светофорами, не теряй время зря.— В трубке забились частые гудки.

И опять у Грега мелькнула мысль: О'Нейли что-то известно. Почему она сказала: о столь серьезном деле не расскажешь вдруг? Значит, знает: разговор был о серьезном деле. Чепуха все это. Она могла просто догадаться. Ведь его Джин уминица, с нежностью подумал он и направился к машине. «Как она обрадовалась, моя пушинка. Теперь-то уж можно будет осуществить их планы и наконец пожениться».

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ

Прошел год после того, как фирма «Гуппи» обрела нового руководителя. Надо отдать должное Грегу, с первых шагов его не обуял зуд реформатора, который пытается, не вникая глубоко в сущность дела, все перестроить по-другому, по-своему, не задумываясь над тем, хорошо это или плохо.

Он скрупулезно изучил всю постановку дела до него и в процессе работы, постепенно и очень осторожно, стал подтягивать до уровня требований современности методы и формы детективной и криминалистской работы. Не меняя существа, он, хотя это и повлекло к ранее не запланированным расходам, произвел кое-какое переоборудование и ремонт помещения, приобрел новое, отвечающее самым последним требованиям науки и техники оборудование, пополнил, не скупясь на оплату, картотеку и архивы, установил контакты с некоторыми другими частными организациями подобного толка, активизировал деятельность внештатных агентов и сотрудников.

Все это, разумеется, требовало денег, но он был уверен: введенные им не с бухты-барахты, а проверенные в других бюро новшества, несомненно, оправдают себя и начнут приносить прибыль в ближайшем будущем. В общем, счет в банке значительно сократился, хотя последнее не особенно его тревожило, Фрэнк верил в свои силы и знал, что в случае каких-либо осложнений уж что-то, а мудрый совет он всегда получит и от Бартлетта и от Кребса.

Неожиданно произошло непредвиденное — умер Бартлетт.

После ухода от дел жил он тихо, никуда не выезжал, занимался своими рыбками, наслаждался отдыхом и природой и, как поговаривали, готовил к изданию какую-то рукопись. Никто точно не знал, о чем хотел поведать

в ней Хитрый Опоссум, какие умозаключения намеревался вынести на суд широкой аудитории. Слухи ходили самые противоречивые, большинство склонялось к тому, что это будет что-то о причинах преступности в стране. Когда однажды Грег поинтересовался темой работы, Бартлет лишь лукаво улыбнулся, задумчиво покачал головой и поспешил перевести речь на что-то другое. Но раз он не хотел огласки — значит, так нужно, Хитрый Опоссум никогда и ничего не делал бесцельно.

О его кончине Грег узнал рано утром, вернувшись из поездки, где заканчивал небольшое дело, связанное с коррупцией и промышленным шпионажем внутри весьма влиятельной фирмы. Он и сейчас без улыбки не мог вспомнить вытянувшиеся постные физиономии боссов, когда он поведал им, куда, как и через чьи руки утекали деньги держателей акций. Гонорар был хорош. Усугублялся он еще и тем, что контора «Гуппи» умела держать язык за зубами. Финансовые и промышленные воротилы предпочитали наказывать своих вассалов сами и делали это с изуверской жестокостью, но допускать кого бы то ни было в свои дела — ни-ни.

Он открыл дверь своим ключом, прошел в кабинет и удивился, что Вирджинии, исключительно пунктуальной в вопросах, касающихся работы, не было в конторе, хотя ей следовало уже час назад находиться на месте. Накануне он звонил ей домой, и после обычных для влюбленных разговоров они договорились: она встретит его в бюро, куда он направится, не заезжая к себе на квартиру. Ее отсутствие не на шутку встревожило Фрэнка. Это был, пожалуй, первый случай, когда он не знал, где она, обычно Джин всегда говорила ему, если куда-либо отлучалась или всегда навестить немногочисленных родственников — у нее где-то за городом жила тетка, и она иногда гостила у нее один-два дня.

Не успел Грег поставить в шкаф свой дорожный портфель и сесть за стол, зазвонил телефон.

Фрэнк снял трубку — это была Джин. Голос ее звучал, как показалось Грегу, раздраженно и немного резковато:

— Здравствуй, милый. Я звоню от Бартлета. Да, да, от него, не удивляйся. Сегодня ночью произошло несчастье — он скоропостижно скончался от сердечного приступа. Мартин сообщил мне чуть свет, и я сразу приехала. Умер он, как считает доктор, от инфаркта. Мне здесь больше делать нечего, я сейчас буду в бюро и все расскажу.

Грег даже не успел ответить на приветствие, на другом конце провода повесили трубку.

Он тотчас сам набрал номер шефа и услышал чей-то молодой, официально суховатый мужской голос.

— Я, очевидно, ошибся, извините, — произнес Фрэнк, — пужна была квартира мистера Бартлета.

— Вы не ошиблись, — ответил мужчина. — Кто говорит?

— Грег, компаньон бюро «Гуппи».

— Вы не ошиблись, мистер Грег, здравствуйте — это участковый полицейский. Мистер Бартлет, к великому огорчению, сегодня ночью умер, сердечная недостаточность, тело уже отправлено в морг. Мы проводим обычные формальности. Выражаю вам искреннее соболезнование.

— Благодарю вас, — ответил Грег, он хотел попросить к телефону О'Нейли, но раздумал и опустил трубку на рычаг.

«Надо бы позвонить Кребсу», — подумал он, но не притронулся к трубке, а неподвижно сидел и смотрел, как по абажуру лампы, неуклюже переставляя мохнатые лапки, ползает ночная бабочка, по форме похожая на самолет «треугольное летающее крыло».

Спустя полчаса приехала Вирджиния. Она была бледна, веки припухли. Под слегка ввалившимися глазами, еще больше оттеняя их небесную синеву, голубели тени, чувствовалось — смерть шефа потрясла ее. Войдя в ка-

бинет Грегa, она бросилась к нему и, всхлипывая, прижалась лицом к плечу.

— Ну, успокойся, пушинка, успокойся. Что же делать, все равно его не вернешь,— бормотал Фрэнк и нежно гладил ее по вздрагивающей голове,— не надо терзаться, будь лапочкой, детка, не плачь. Мне тоже не по себе. Смерть всегда неожиданна, и горько терять близких.

Вирджиния перестала плакать и подняла голову, глаза у нее были уже совсем сухие, на нежных щеках выделялись два розовых круглых пятна, так она выглядела обычно, когда сердилась и была чем-то очень раздосадована или огорчена.

— Расскажи мне, как это произошло? — попросил Фрэнк и подвел ее к креслу.— Ведь рядом был Мартин, он-то, вероятно, знает подробности.

Глаза девушки сощурились. Она села в кресло, вынула из сумочки платок и, нервно теребя его в руках, тихо произнесла:

— Мартин арестован.— Она провела ладонями по щекам.— И направлен в полицию.

— Мартин? — воскликнул Фрэнк.— Но за что?

— По подозрению в ограблении хозяина.— Джин глубоко вздохнула и откинулась на спинку.

— Это же нелепость! Успокойся и расскажи, пожалуйста, что тебе известно.

— Мне позвонил Мартин домой, еще не было пяти — я спала.— Она сунула в рот сигарету и стала искать зажигалку, хоть та была у нее в руке.

Грег взял изящную, с замысловатой гравировкой на корпусе зажигалку, щелкнул ею и дал прикурить.

— Спасибо.— Она кивнула и затаилась.— Он сообщил, что Бартлет умер. Я... ну пока оделась, пока то да се, прошло часа два, прежде чем я приехала. Там было полным-полно полицейских, а Мартина уже увезли в участок.

— Но какие у них основания?

— Основания были,— она постучала сигаретой о край пепельницы,— открыт сейф, ящики стола, перерыты книжные полки. Полное впечатление: кто-то что-то искал. Все перевернуто вверх дном. Не мебель, а бумаги.

— А как объясняет Мартин? Ведь его, надеюсь, не схватили и бросили сразу за решетку, а выслушали сначала.

— В том-то и дело, что выслушали. Он говорит, будто отсутствовал дома с двенадцати ночи до пяти утра, то есть до того момента, как позвонил мне. Он сказал, якобы по поручению шефа отправился на дальнее озеро ставить ловушки на раков, а когда вернулся, обнаружил: шеф мертв, а в бумагах разгром. Зная полицейские порядки, до прибытия властей он ни к чему не прикасался. Лишь вызвал врача.

— Несомненно, там побывал кто-то другой, я уверен в честности слуги. И ясно, как божий день: пока отсутствовал Мартин, этот некто похозяйничал в доме.— Фрэнк вскочил и зашагал по кабинету.— Мартин честнейший и верный человек. Он служил у Бартлета много лет, да, наконец, для чего ему какие-то записи хозяина. Это дело рук громил, обычное ограбление.

— Грабителей там не было.— Джин сбросила туфли, вытянула ноги и уставилась на кончики пальцев.

— Как не было? — оторопел Том.— Откуда ты знаешь? Тебе сообщили полицейские?

— Нет. Они со мной даже не говорили. Просто все цело. Даже наличные деньги в сейфе и не только мелочь, но и крупные купюры, около трехсот долларов. И завешание, копия, оригинал, видимо, у нотариуса. Конверт не был запечатан, и я прочла. Половину состояния Бартлет отдает детским домам, а другую — она протянула руку и стряхнула пепел на ковер, — другую Мартину. Да, да, своему слуге. Уж во всяком случае, только поэтому он мог ускорить смерть старика, — со злобной гримасой выпалила она.— Этим, кстати, тоже занимается полиция.

— Что ты, Джин, одумайся! — оторопел Фрэнк и взял ее за плечи. — Ты сама не понимаешь, что говоришь.

Вирджиния вздрогнула и сжалась в комок.

— Прости меня, я действительно болтаю вздор. Нервы. Прости, пожалуйста, разреши мне уйти, я очень плохо себя чувствую — эта смерть меня совершенно выбила из колеи. Прошу тебя, милый, я побуду одна.

— Хорошо, успокойся. Поезжай домой, прими что-нибудь и ляг в постель. Я сейчас отправлюсь выручать Мартина и, как освобожусь, немедленно заскочу к тебе.

— Не нужно, родной. Умоляю. Я должна побыть одна. Я позвоню сама.

— Кстати, кто ведет дело?

— Мне кажется, комиссар Фокс.

— Вот как! — присвистнул Фрэнк. — Этот тип будет всячески ставить палки в колеса.

— Так я могу ехать, милый?

— Договорились. Только не волнуйся, пожалуйста.

— Не буду. — Она надела туфли, встала и, поцеловав Фрэнка, выбежала из комнаты.

Грег долго стоял посередине кабинета, ошарашенный всеми сразу свалившимися на него событиями. Потом открыл ящик стола, взял оттуда листок с размашистой подписью внизу, вставил в портативную машинку и напечатал несколько фраз. Затем вынул лист, внимательно осмотрел, собрал бумаги, запер их в сейф, спустился вниз, вывел «рено» и поехал к дому Бартлета.

У входа на участок, прислонившись к каменному столбику с квадратным висячим фонарем наверху и эмалированной табличкой с указателем номера дома, стоял полицейский. Ворот его рубашки был расстегнут, фуражка сдвинута на затылок. Он курил сигарету и с безразличным видом сбрасывал беловатый пепел на маленькие зеленые листочки буйно разросшегося кустарника колючей изгороди. Увидев выходящего из машины Грега, полицейский щелчком бросил окурочек в траву, выпрямился,

поправил фуражку, заложил руки за спину и не спеша, помахивая сзади дубинкой, направился к автомобилю.

— Здравствуйте! — захлопывая дверцу, крикнул Фрэнк. — Кто здесь из начальства?

— Добрый день, мистер Грег, — узнав детектива, поздоровался полицейский. — Комиссар Фокс, только-только вернулся из больницы, куда отправили вашего бывшего хозяина.

— Сам Фокс? — сделав удивленное лицо, произнес Грег. — Вот уж поистине чудеса, когда речь идет всего-навсего об отставном криминалисте Бартлете, является сам комиссар. Помнится, во время недавнего покушения на иностранного консула делом занимался лишь старший инспектор. Видимо, Фокс почтил своим присутствием шефа неспроста. Я пройду к нему.

— Вообще-то мне запрещено пропускать кого бы то ни было, но, думаю, вам, как компаньону, можно. В крайнем случае скажу, что не так понял приказ, — хитровато подмигнул Фрэнку блюститель порядка. — Ступайте, они в доме.

Грег направился к коттеджу и по знакомым ступенькам взбежал в холл. Из-за приоткрытой двери кабинета слышались голоса, но разобрать, о чем говорили, было нельзя. Фрэнк постучал и, не получив приглашения, вошел в комнату. Там находились трое. За письменным столом, еле-еле выглядывая из кресла, сидел Фокс. Трудно было придумать другую фамилию, которая так бы подходила к внешности этого человека. Маленькое треугольное лицо вытягивалось вперед, сужалось и переходило в острый нос. На лоб, слегка курчавясь, челкой падали реденькие пряди желтоватых волос, из которых по бокам головы торчали оттопыренные, прозрачно-розовые уши. Глубокопосаженные глаза выглядывали из глазниц цепко и настороженно. Еще большее сходство с лисой придавала комиссару привычка постоянно высовывать кончик языка и быстро-быстро, из стороны в сторону шевелить им, облизывая верхнюю губу. Слева, на диванчике,

распахнув пиджак и слегка распустив галстук, сидел полный пожилой полицейский медик, а рядом стоял длинный, худой и всегда какой-то унылый старший инспектор Брекер. Эту компанию Фрэнк прекрасно знал еще по своей службе в полиции. Увидев входящего Грегга, все замолчали и повернули как по команде головы в его сторону.

— Чему обязан? — прищурившись, спросил Фокс. — Кто вы?

Надо сказать, хоть Фокс и давно не видел Грегга, но на прежней работе они встречались довольно часто, и такого рода неузнавание было отнюдь не случайным и не сулило ничего хорошего. Кстати, он-то, Фокс, занял место Кребса, больше того, был одним из самых оголтелых его и Грегга противников после на шумевшей газетной статьи.

— Добрый день, мистер Фокс. Вы меня не узнаете? — Фрэнк остановился и как ни в чем не бывало с улыбкой оглядел присутствующих. — Здравствуйте, господа.

— Кажется, мистер Грегг, если не ошибаюсь, — протянул комиссар. — Здравствуйте.

— Да, это я, — ответил Фрэнк. — У вас очень хорошая память, комиссар. Мы же не виделись целую вечность, не так ли?

— И все же, чему обязан видеть вас здесь?

— Как же — умер наш шеф. Было бы странным, если бы я не приехал. В конце концов этого требуют обыкновенные приличия.

— Он давно не ваш шеф. Вам это известно лучше, чем мне, мистер Грегг, поэтому думаю, вам тут делать нечего, а что касается приличий — соблюдайте их на па-нихиде.

— Почему же, господин комиссар? Истины ради он действительно, если хотите, не мой начальник, но компаньоном оставался в законном порядке. Кроме того, у меня имеется его письменное заявление: в случае, если

с ним что-либо случится, в частном порядке провести расследование.

— Вы хотите сказать, что мистер Бартлет при жизни написал такое заявление? — усмехнулся Фокс и иронически взглянул на Фрэнка. — Не очень ли подозрительная перестраховка?

— Именно это я и хочу сказать, — все так же улыбаясь во весь рот, ответил Грег. — Мой бывший шеф всегда отличался осмотрительностью и осторожностью.

— Может быть, вас не затруднит показать этот документ?

— Пожалуйста. — Фрэнк достал из портфеля именной бланк Бартлета и, двумя пальцами держа за кончик, протянул комиссару. — Мой шеф обладал изумительными способностями предвидения и, вероятно, не зря. Мне кажется, он чего-то опасался в последнее время. Как показали события, опасения, увы, не были напрасны.

Фокс развернул протянутый Фрэнком лист, поднес близко к глазам и прочитал:

— «Если со мной произойдет несчастный случай, то как частное лицо и клиент фирмы «Гуппи» прошу мистера Фрэнклина Грега взять на себя расследование этого происшествия. Гонорар по делу удержать из моей доли дохода по его усмотрению». Подпись — Бартлет. Написано три месяца назад. — Комиссар положил листок на стол и, немного помолчав, спросил: — Но здесь говорится о несчастном случае, а мы имеем дело с тривиальной болезнью, которая окончилась, как выразился наш уважаемый доктор, летальным исходом.

— Но вы не будете отрицать, что происшествие никак нельзя отнести к счастливым, а следовательно, оно все же подпадает под определение, которое упомянул покойный в своей, теперь уже последней, воле. А воля умершего — закон.

— Так что вас интересует? Садитесь пожалуйста, — не обратив внимания на иронию, бросил Фокс.

— Я бы хотел знать, что произошло и какова офи-

циальная версия полиции? — ответил Фрэнк, усаживаясь в указанное кресло слева от стола.

— Ну что ж, я смогу проинформировать вас, хотя не думаю, чтобы вы ухитрились откопать что-то новое, кроме уже известного нам. И, обратите внимание, делаю это как любезность усопшему, а не по долгу службы.

Сегодня утром, точнее в пять часов, слуга мистера Бартлета негр Мартин обнаружил хозяина мертвым в постели и сразу сообщил об этом в полицию и больницу.

Прибывший на место происшествия сержант Горин нашел вашего шефа в спальне мертвым. Тело было направлено в госпиталь, где после вскрытия дано заключение: смерть наступила внезапно от сердечного приступа, вызванного скорее всего сильным волнением, каким-то нервным переживанием или потрясением. Следов насилия или яда в крови не обнаружено, что, по заключению экспертов, исключает убийство или самоубийство.

Осмотрев дом, сержант увидел: кабинет хозяина, его бумаги находятся в беспорядке, будто там что-то искали. Если вас интересуют подробности, ознакомьтесь с протоколом осмотра места происшествия. Сейф открыт, но ничего не тронут, да и брать там почти нечего. Так, разные пустяки.

Слуга показал: за сутки до случившегося хозяин переложил ценные денежные бумаги в ящик, находящийся в мансарде, где они и были обнаружены в полной сохранности сержантом Горином. Кстати, как показал тот же негр, сейфом его шеф пользовался для хранения рукописи, над которой вроде бы трудился в последнее время. Вот ее-то найти не удалось. Не оказалось также ни черновиков, ни набросков, ни других заметок или выписок.

После тщательного осмотра на сейфе нашли отпечатки пальцев Бартлета и Мартина, других нет или они очень тщательно стерты. В ящике — это почти второй сейф, но меньших размеров — обнаружили копию завещания: согласно последней воле покойного его состояние,

как оказалось, немалое, передается детским приютам. Участок и дом переходят во владение слуги. Вот и все. Вы удовлетворены?

— Не совсем,— ответил Грег.— Я не вижу причин, почему арестован садовник. В чем его подозревают?

— Ну, я хоть опять же и не обязан отчитываться перед вами, но отвечу: он арестован по подозрению в ограблении хозяина.

— Но это абсурд! — Фрэнк вскочил.— Вы же сказали, что ничего не взято! А раз нет кражи — нет и преступления. Не так ли?

— Это не я сказал, а тот же Мартин. С его слов записано, будто бы вся наличность на месте. Мы как раз и выясняем это, а кроме того, исчезла рукопись, не исключено, что на нее-то и покушался злоумышленник, а им мог в первую очередь оказаться слуга.

— Полноте, господин комиссар,— протянул удивленно Грег,— зачем почти неграмотному старому негру писанина Бартлета? Что он в ней смыслит? Какую сможет извлечь для себя пользу, заполучив ее?

— Вот этого я не знаю, но хотел бы знать. Предполагаю, что Мартин связан с кем-то весьма заинтересованным пресловутой рукописью. Тем более мы нашли в письменном столе вашего бывшего шефа письмо, адресованное издателю с предложением. Я процитирую отрывок из него: «Опубликовать рукопись-рассуждение, в которой имеются материалы, проливающие свет на некоторые темные махинации». Что имел в виду Бартлет под этой фразой, мне неизвестно. Не ведает и издатель — письмо не отправлено. Что вас еще интересует?

— Благодарю, господин Фокс. Не разрешите ли вы мне повидаться со слугой Мартином?

— Пока нет, но, думаю, дня через два это можно будет устроить. Сейчас мы сняли с него, можно сказать, первоначальные, поверхностные показания. Когда же все будет оформлено в законном порядке — милости прошу.

— И еще, господин комиссар, сегодня же я пришлю к вам адвоката, который будет представлять сторону обвиняемого.

— Это ваше право,— ехидно прищурился Фокс.— Правда, мне не совсем ясно, почему вы так ревностно печетесь об этом чернокожем. Извините, но ваша настойчивость наводит на нехорошие мысли и может принести вам вред. Я тоже предполагаю, что рукопись не нужна негру, но он мог похитить ее, чтобы передать или продать кому-то, более образованному и заинтересованному в том, чтобы она увидела свет и стала объектом каких-то таинственных сенсационных разоблачений под другой фамилией. Если мне не изменяет память, вы, мистер Грег, имеете страсть к подобным публикациям?

— Это смешно, господин Фокс. А судьба Мартина интересует меня, ибо, я уверен, зная честность и преданность, в полной его невиновности и непричастности к этой скверной истории. Мне думается, похитителя нужно искать в другом месте, именно в том, где находятся те люди, которым нежелательно обнародование рукописи ни под какой фамилией.

— Не знаю, не знаю.— Фокс встал и прошелся по кабинету. Он был небольшого роста, а когда ходил, смешно выпячивал, словно пыжился, грудь и, как оловянный солдатик из мультфильмов, переставлял прямые, не гнувшиеся в коленях ноги.— Все это мы выясним,— продолжал он,— и если совершенно преступление, то найдем и виновного. Я же, откровенно говоря, не уверен вообще в существовании загадочной рукописи, вокруг которой теперь начинается мышиная возня.

— А письмо к издателю? — вставил Грег.— Для того чтобы предлагать, надо что-то иметь. Шеф не легкомысленный прожектор.

— Письмо можно написать заранее. Как говорят журналисты, когда еще работа находилась в чернильнице, то есть была не только не завершена, но и не начата,— ответил Фокс.

— Да, но я неоднократно слышал от самого Бартлета, что он вот уже два года скрупулезно работает над каким-то исследованием в области правонарушений в стране,— ответил Грег.

— К сожалению, разумеется для вас, мы не верим слухам. А то, что вы слышали, именно слух, а не факт. Вы же не видели рукопись? Не держали ее в руках? Не читали?

— Нет, не видел и не держал,— согласился Фрэнк.

— И никто не видел,— назидательно продолжил комиссар.— Так почему же она должна существовать? Какие, кроме слухов, для этого предпосылки?

— Тогда ловлю вас на слове,— засмеялся Грег.— Почему же ее, несуществующую рукопись, ухитрился похитить слуга?

— Не знаю, не знаю.— Фокс небрежно мотнул головой.— Я же говорил вам — мы разберемся досконально. Я лишь подчеркнул: если Мартин скажет, что и он не видел никакой рукописи, то тогда, я думаю, дело примет другой оборот. Он же, наперекор логике, утверждает — она была и лежала в сейфе, а теперь ее нет, сам собой возникает вопрос — где она?

— То есть, получается, Мартин показывает против себя?

— Да, разумеется, по своей неразвитости и серости. Кроме того, мы не знаем точно, украдено ли что-либо еще. У Бартлета не обнаружено наличности или каких-либо драгоценностей. Не думаю, что он все хранил в банке. Ему нужны были наличные деньги, а их почти нет — всего каких-то три сотни долларов. Не исключено, что эту не обнаруженную нами наличность и украл слуга, а для отвода глаз и запутывает следствие, выдумывая историю с какой-то мифической рукописью.

— Хорошо. Благодарю вас, господин комиссар. Но я все-таки найму Мартину адвоката, который без труда уличит вас в превышении власти. Вы, кстати, сами это хорошо понимаете.

— Пожалуйста,— опять едко усмехнулся Фокс.— Не навредите себе.— Лицо его покраснело.— Я вижу, вы остались таким же ретивым, каким были в полиции. Вам, очевидно, не пошел на пользу полученный урок. Что же, ваше дело. Мне бы хотелось дать все же вам, молодой человек, совет. Дельный совет. Не лезьте на рожон и, уж если на то пошло, извините за грубость, не суйте нос куда не следует. Прищемят.

— Спасибо за совет, но, как вы правильно сказали, это мое дело. Прощайте.— Грег повернулся и неторопливо направился к выходу.

Ему доставляло удовольствие, что комиссар вышел из себя и буквально еле сдерживается, чтобы не разразиться руганью.

— Зря ерепенитесь! — крикнул зло Фокс вдогонку.— Будьте благоразумны. На этот раз может кончиться еще хуже. Я предупредил вас, слышите?

— Слышу, господин комиссар, слышу. Обязательно учту ваше пожелание.— Фрэнк затворил дверь, прошел через коридор, миновал сад и направился к машине.

— Ну как там у них? — Полицейский кивнул в сторону дома.— Даже здесь слышно, как орал Лис. Это вы его раздражали, мистер Грег?

— Каюсь, я.

— И как они хотят поступить?

— А никак,— ответил Грег, садясь в машину.— Пытаются, с одной стороны, дело замять, а с другой — раздуть, но так не бывает, в одну штанину обе ноги не всунешь, а если это и удастся, хлопнешься и расквасишь нос. Мартина им на растерзание я не дам, можете мне поверить, старик абсолютно ни в чем не виноват.

— Я его давно знаю,— подтвердил полицейский.— Уж что-что, а парень он честный.

— Вот и я такого же мнения. До свидания, приятель.

— Всего доброго, мистер Грег.

Фрэнк включил мотор, и машина, рванув с места, скрылась за углом.

Он не позвонил Джин, а поехал к ней домой. Было уже темно, в окнах квартиры горел тусклый свет. Грег поставил «рено» на противоположной стороне улицы недалеко от стеклянного табачного киоска, залепленного изнутри яркими цветными обложками журналов и рекламными проспектами фирм, торгующих сигаретами, трубками и другими курительными принадлежностями. Он запер автомобиль, подергал ручку, пересек улочку, тихую и темноватую в этот час, открыл входную дверь, по узкой лестнице с каменными стертymi ступенями поднялся на второй этаж и остановился у окрашенной в коричневый цвет двери. Он машинально протянул руку к звонку, когда увидел, что она не заперта. Он вошел в переднюю. Из комнаты плыли мягкими волнами звуки какой-то грустной мелодии.

— Джин? — позвал Фрэнк. — Джин-и?

Ответа не последовало. Фрэнк заглянул в холл и крикнул громче.

— Джин? Где ты? — Он огляделся.

Горел только торшер у покрытой цветастым ковром тахты, стоящей у широкого окна, задернутого легкой тюлевой шторой. Справа на низеньком полированном столике стоял магнитофон. Катушки его медленно вращались, рядом лежала пустая бутылка из-под виски, кувшин с апельсиновым соком и опрокинутый высокий бокал. В низкой массивной вазе плавали маленькие кусочки почти растаявшего льда. Запах спиртного и размокших в пепельнице сигарет заглушал аромат цветов и лаванды, царивших обычно в обиталище О'Нейли.

Дверь в темную спальню была открыта.

Фрэнк направился в спальню и, пошарив ладонью по стене, включил верхнюю лампу. Джин лежала на широкой кровати поверх атласной накидки, уткнувшись в большую подушку в нежно-голубой шелковой наволочке, отделанной кружевами по краям. Золотистые волосы в беспорядке разметались по шелку, полностью закрывая лицо и прижатую к нему ладонь. На узеньком коврике

валялись домашние туфли без задников. В свисающей к полу левой руке зажата чуть-чуть дымящаяся сигарета.

— Джин? — Фрэнк бросился к ней и присел сбоку. Он отвел густую прядь с бледного лица девушки. — Что случилось? Тебе плохо?

Джин открыла глаза. Взгляд их был замутнен, словно она не видит, кто перед ней. Она медленно повернулась к Фрэнку, неуверенно положила руки ему на плечи и села, стараясь подобрать под себя ноги.

— Ничего, милый, — голос был хрипловатым. — Просто я так измотана и потрясена, что немножко выпила. — Она припала к его плечу. — Прости меня, ради бога, обещаю тебе больше никогда не распускаться. Прости меня, — заплетающимся языком бормотала она.

От нее сильно пахло виски.

— Ну успокойся. Мне тоже не по себе, но ведь ничем помочь нельзя. Жалко Бартлета, но что делать. — Фрэнк нежно погладил ее по плечу. — Я сейчас принесу содовой со льдом и лимоном.

Он встал и пошел в маленькую кухню, где стоял холодильник. Доставая лимоны, крикнул:

— Я только что оттуда. Представляешь — делом занялся сам Фокс, комиссар. Это очень странно. Кроме того, бедняге Мартину предъявили для них же самих смехотворное обвинение. Будто он по меньшей мере ограбил хозяина. Ты меня слышишь, Джин?

— Да, милый. — Она, покачиваясь, вышла из спальни, поправляя волосы закинутыми за голову руками. Лицо ее было помято. Глаза припухли. Фрэнк протянул ей сок.

— Выпей, малышка. Сразу станет легче. Присядь на тахту. Нельзя же так переживать. Возьми себя в руки. — Он помог ей опуститься на край тахты. — Выпей и успокойся.

Фрэнк подробно рассказал о том, что узнал от комиссара.

Джин сидела, понутив голову, уставившись на свои туфли. Волосы ее опять растрепались и двумя потоками опускались на грудь. Она беспрестанно курила, держа сигарету между вытянутыми прямыми, слегка дрожащими пальцами. Иногда она поднимала лицо и смотрела на Фрэнка каким-то отчужденным безразличным взглядом. На лбу обозначились две тоненькие, как ниточки, вертикальные морщинки, слегка вздернутый носик заострился, а ноздри чуть-чуть подрагивали. Рот был полуоткрыт, губы пересохли.

— Тебе надо сейчас принять снотворное и лечь в постель. Завтра я постараюсь освободить Мартина. Я уже звонил адвокату Ренсу, попросил взять на себя все заботы и не скупиться в расходах. Я уверен: слугу отпустят и снимут столь нелепые обвинения.

— Зачем он тебе? Ненавижу его! — Джин резким движением смяла сигарету в пепельнице, стукнула кулаком по колену. — Ненавижу! — снова выкрикнула она. Глаза ее стали злыми, на щеках появились знакомые Грегу пятна.

— Но за что? — оторопел Фрэнк. — Он никогда не делал тебе ничего плохого. Он честный человек и прекрасно заботился о Бартлете.

— И его ненавижу, твоего Бартлета, жалкого противного ханжу.

— Джин, — ласково проговорил Фрэнк, — ты устала и слишком расстроена, не отдаешь отчета в том, что говоришь.

— Нет, отдаю! — упрямо и истерично выкрикнула она, но, взглянув на Фрэнка, сникла. Руки упали на колени, опустились плечи. Она всхлипнула и по-детски кулачком вытерла глаза. — Извини меня, мне очень тяжело.

— Пойдем, я уложу тебя. Ты отдохнешь и хорошо выспишься. Поговорим завтра. — Он приподнял ее, взял на руки, отнес в спальню и уложил в постель. Затем заботливо накрыл одеялом и отправился в кухню за снотворным.

Когда он возвратился, девушка лежала на спине, подложив ладони под затылок. Глаза широко открыты, взгляд обращен к потолку, в плавающие там темные тени.

— На, прими.— Фрэнк протянул две таблетки.

Она послушно приподнялась и, открыв рот, вытянула губы.

Грег положил ей на язык снотворное. Дал запить из стакана с соком и медленно опустил ее голову на подушку.

— Вот так. Хорошо. Отдохни, любимая. Завтра, если будешь чувствовать себя сносно, мы все обсудим. Спокойной ночи.

Фрэнк поцеловал ее, погасил свет, вышел, осторожно ступая из спальни, выключил магнитофон, захлопнул дверь и спустился по лестнице к машине.

Всю дорогу домой у него из головы не выходила Джин. Ее странное поведение. Неужели девушка так привязана к Бартлету? Но откуда появилась эта неожиданная ненависть к шефу и старому слуге? Ведь когда она говорит о них, ее бьет дрожь, голос становится злым и неприятным. «Нервы. Выспится и придет в себя,— с нежностью подумал он.— Она как отца родного любила Бартлета — этого хорошего и доброго человека. Да, жалко старика, очень жалко, но что поделаешь...»

На следующий день, едва Грег переступил порог конторы, навстречу ему, благо еще никого не было, бросилась О'Нейли. Она, вероятно, хорошо выспалась, выглядела юной и свежей. Девушка прошла за ним в кабинет, прижалась к его плечу щекой, смущенно и робко сказала:

— Ты не серднись за вчерашнее? Ну, пожалуйста, дорогой, забудь все ради бога, я болтала какую-то галиматью.— Она подняла голову и крепко поцеловала в губы.— Хорошо?

— Ну что за глупости.— Фрэнк обнял ее за плечи.— У тебя чисто по-женски разыгрались нервы. Как себя чувствуешь сейчас?

— Откровенно?

— Конечно.

— Плоховато.— Она виновато потупила глаза.— Я бы хотела попросить об одном одолжении — дать мне отпуск на две недельки. Я съезжу к тетке, развешусь. Там, на природе, окончательно приду в себя.

— Может, мне поехать с тобой?

— Не надо, милый.— Ответ прозвучал поспешно.— Я побуду одна. Только не обижайся — ведь это совсем ненадолго, десять-пятнадцать дней. Будь умницей.— Она нежно обняла его и снова поцеловала в губы. Потом отстранилась и посмотрела прямо в глаза.— Не обидишься?

— Что ты! — Фрэнка переполняла нежность.— Поезжай, отдохни, наберись сил. И знаешь, что мы сделаем? — Он присел на подлокотник, притянул ее и посадил на колени.— Я тоже сметаюсь куда-нибудь отдохнуть. Идет?

— Ты? — удивилась Джин.

— Конечно. Как же без тебя может работать контора «Гуппи»? — Он захохотал.— Все. Устроим отпуск...

Одна рука Грега лежала на баранке руля, другой он обнимал прильнувшую к нему Джин. Ее чемоданчик и плащ лежали на заднем сиденье.

— Ты будешь скучать? — Она снизу вверх бросила лукавый взгляд.— Или ждешь не дожدهшься, когда я исчезну, чтобы, как шkodливый щенок, удариться в разгул?

— Несомненно,— отчеканил Фрэнк, захохотал и, повернувшись, чмокнул ее в нежную, украшенную изумрудными клипсами мочку уха.

— Зазнайка.

— Ну знаешь,— притворно возмущился Фрэнк.

— Знаю, милый, знаю. Не оправдывайся.— Она скрестила на груди руки и посмотрела в окно. Их как раз обгонял длинный золотисто-фиолетовый «седан», за

рулем его, тараща круглые рабыи глаза на девушку, сидел толстощекий лысый тип.

— Ох, Фрэнк! — Она всплеснула руками. — Какая прелесть!

— Что, малышка? Ты называешь прелестью эту мерзкую рожу?

— Нет, машину. И до каких пор нам раскатывать на этой колымаге?

— Ты о чем? — Он вопросительно скосил глаза.

— О твоей груди металлолома, которая только не рассыпается из тщеславия. Когда наконец и у нас будет такой же авто? — Она пальчиком указала на удаляющуюся машину.

— Ах вот что! — Он улыбнулся. — Надеюсь встретить тебя на новой.

— Правда? — Она захлопала в ладоши. — Фрэнк, дорогой. Я так рада. Ты уже говорил с кем-нибудь об этом?

— Несомненно, — соврал он и подумал — ехать в отпуск придется в третьем классе, а жить где-нибудь действительно в хижине из пальмовых листьев, но зато он делает приятное Джин.

Посадив ее в поезд, Грег отправился на аэродром и на следующий день туристским рейсом вылетел на острова южных морей.

На душе было спокойно. Вчера адвокат Ренс сообщил: обвинение с Мартина снято, и он выпущен на свободу. Старый крючоктвор не удержался, чтобы тут же не упомянуть: счет на двести долларов за хлопоты он выставил на имя Грега.

ГЛАВА VII

ИНСПЕКТОР ПОЛИЦИИ

У Джона Кребса, инспектора полиции центрального района города, очень болела голова. Впрочем, болела — не то слово, она трещала, раскалывалась и гудела. Он

ходил, переваливаясь с ноги на ногу, по маленькому уютному кабинету, пропахшему мастикой для натирки полов. Слегка постанывая, потирал средним и безымянным пальцами ноющие виски, покачивал, как маятник, головой. Боль начиналась чуть-чуть выше спины, в ямочке под затылком, растекаясь, ползла вверх и раздвигалась, уходила вперед к ушам. Кроме этой противной, в такт шагам боли, посасывало под ложечкой, поташнивало. В довершение ко всему порой появлялся озноб, но не простудный, с ломотой в суставах, покалывающий, словно мелкими иголками кожу, а нервный, с мерзкой холодной испариной.

События последних дней начисто выбили его из привычной, как хорошо наезженная проселочная дорога, колеи. За двадцать пять лет государственной службы он никогда не только не сталкивался ни с чем подобным, но не мог даже при полном напряжении своей фантазии, правда, не отличающейся большим разнообразием, придумать или представить ничего похожего. Уж каких только преступлений не повидал инспектор за четверть века.

В данном случае творилось что-то сверхъестественное, выходящее за рамки обычных полицейских будней, помимо воли и здравого смысла заставляющее скатываться в какую-то мистику.

Время от времени он останавливался у низенького, на крутых растопыренных ножках журнального столика, на котором в беспорядке валялись пухлые, растрепанные пачки газет. Несколько минут стоял в неподвижности, кряхтел, будто силился что-то сообразить, затем, безнадежно махнув рукой, снова продолжал неторопливо и монотонно мерить шагами комнату. «Вот уж действительно, если начинает не везти, так это надолго,— подумал он.— Все одно к одному: и дома и на службе. Подлый закон бутерброда, падающего всегда маслом вниз».

Кребс был образцовым полицейским в полном смысле этого понятия. Он начинал с самой первой ступеньки,

с рядового. Исключительная добросовестность и трудолюбие мало-помалу помогали ему карабкаться по тернистой служебной лестнице. Инспектор был в меру суеверен, но не религиозен, хотя свято поклонялся двум идолам: семье и закону. И первого и второго он буквально боготворил. Уж что-что, но жаловаться было грех: с семьей ему повезло. Женился на тихой и хозяйственной девушке-сироте, воспитаннице детского приюта. И хоть трудно было обнаружить в этом ревностном служаке какие-либо сентиментальные или романтические струнки, но женился он по любви.

Постепенно наладилась жизнь, о которой в его положении можно было только мечтать. И хотя невеста какого заработка полицейского еле-еле хватало на более-менее сносное существование, но они с женой не сетовали и не унывали. Как птицы, кропотливо, по веточке, по шерстинке создавали немудреный, без претензий, домашний уют. Год спустя после свадьбы родился сын, щекастый крепкий и здоровый мальчуган. Залезая в долги, как-то ухитряясь сводить концы с концами, дали ему спосное образование. Он женился. Женился удачно. Словно по хорошо отработанной программе, через год Кребс стал дедом. Но как раз перед этим событием жизненная кривая резко покатила вниз...

В тот день, когда на свет появился внук, в дом доставили официальную казенную бумагу-извещение, в нем сообщалось, что Кребс-младший погиб во Вьетнаме, защищая «бога, президента и нас». Невестка, и без того слабая здоровьем, не перенесла удара, слегла с сильным психическим расстройством и вот уже два с лишним года не вставала с постели. Ее отец с матерью, мелкие фермеры с юга, и слышать не хотели, чтобы чем-то помочь молодой женщине. Трудно, но все-таки их можно было понять — в семье еще пятеро детей, а доходы с небольшого клочка земли невеста какие и то, когда смилостивится погода и не выгорит дотла урожай. Все заботы легли на плечи деда и бабушки. Оставалась лишь одна.

светлая радость, полностью, до краев заполнявшая душу,—внук, которого в честь отца называли Стивом, с обязательным добавлением, как принято, младший. Возвращаясь с работы, инспектор первым делом, даже не сняв ботинок и не переодевшись, проходил к готовящемуся укладываться мальчишке.

Стоя за ограждением маленюкой кроватки, малыш, одетый в пестренькую пижамку, притопывал крошечной босой ножонкой со смешно растопыренными пальчиками, бил ручонкой по деревянным поручням и встречал деда восторженным и требовательным возгласом:

— Вафельку надо! Вафельку дать!

Кребс, улыбаясь во весь рот, сразу становился похожим на добродушного медведя из цирка, лез в карман. Из небольшой пачки доставал сладкие фруктовые вафли и давал ребенку. Тот цепко хватал лакомство, сосредоточенно, деловито и внимательно осматривал со всех сторон, жмурил еле наметившиеся бровки и безапелляционно заявлял:

— Еще надо! Еще дать! — И подумав, добавлял: — Много надо!

Дед — малыш, кстати, звал его папой — захлебывался от восторга и, несмотря на ворчания жены — и так у ребенка красные щеки от диатеза, — готов был вывернуться наизнанку, лишь бы угодить своему любимцу, в котором не чаял души.

Между тем невестке становилось хуже и хуже, ее пришлось поместить в психоневрологический санаторий. Теперь ровно половина жалованья уходила на лечение и содержание, оставшихся денег не хватало на самое необходимое, опять появились долги.

Кребс вспомнил: еще в бытность курсантом, ему попалась тощенькая, захватанная сотнями рук книжонка со зловещим и протокольно-обыденным названием «Пытки средневековья». Среди огромного арсенала заплечных дел мастеров его поразила пытка под странным назва-

нием, абсолютно неуместным в этом мрачном перечне. А называлась она «жизнь». Несчастливого помещали в сделанную из планок клетку, усеянную изнутри острыми гвоздями. Вращая механизм, палач заставлял клетку сжиматься со всех сторон. Острия шипов впивались в тело мученика. А если при этом он начинал дергаться — безжалостно рвали его плоть. Теперь-то он понял смысл названия пытки — жизнь. Именно такой стала она у инспектора. Не считаясь ни с чем, Кребс работал, как каторжный, чтобы к концу квартала рассчитывать на сотню-другую долларов премии. К тому времени, неторопливо двигаясь по службе, он уже был комиссаром. Его коллеги в тех же должностях давно обзавелись и машинами последних марок, и собственными домами. Преступный мир не скупился на щедрые подарки и денежные подношения тем, от кого зависели их дела, было бы, пожалуй, правильнее сказать тем, кто не вмешивался в них или делал вид, что никаких дел нет вообще. Не таков был Кребс. Однажды в беседе с товарищем по учебе в школе полиции — когда-то они даже сидели за одной партой — он высказал удивление, как при таких низких окладах некоторые блюстители порядка ухитряются не только жить вполне сносно, но и далеко выходить в расходах за пределы означенной суммы. Изредка, бывая в гостях у кого-либо из сослуживцев, он невольно обращал внимание на дорогую обстановку, на туалет хозяйки, обильно сервированный закусками и выпивкой стол. Откуда все это? Его приятель долго и до слез смеялся, а потом, убедившись, что Кребс не прикидывается наивным простачком, а на самом деле не в курсе того, что творится за ширмой его аппарата, объяснил в самой популярной форме: федеральное правительство, определяя ставки полицейским, приняло в расчет как закономерность сумму взяток от различного рода организаций и кланов гангстеров и, просуммировав на ЭВМ их среднюю величину с зарплатой, обозначило прожиточный минимум. Когда Кребс, уяснив суть, стал бурно возмущаться,

коллега перестал хохотать, посерьезнел, резко оборвал разговор и, похлопав его по плечу, дал дружеский совет: закопать мнение на этот счет как можно глубже, если он не хочет навлечь на себя большую и непоправимую беду.

А беда как будто только и ждала, чтобы вцепиться в него когтистыми, как у хищной птицы, лапами, гвоздями той самой иезуитской клетки с символическим названием «жизнь».

После истории с Грегом — его приемным сыном и учеником — комиссар опять сделался рядовым инспектором. Жить стало совершенно невмоготу. Долги, как тесто на дрожжах, росли с каждым днем. Чтобы покупать малышу вафли, Кребс бросил курить. Рассеивались надежды и на предстоящую пенсию. И без того мизерная, при настоящей должности она не прокормила бы и его одного. Супруга попробовала брать кое-какую работу на дом, но и из этой затеи ничего не вышло — заботы о невестке и малыше отнимали все время, а здоровье оставляло желать лучшего.

Говорят, человек привыкает ко всему. Еще раз урезав бюджет, заложив кое-что в ломбард, перезаняв и умиловитив самых напористых кредиторов, Кребс смог несколько улучшить положение.

И вот снова, пожалуйста, как снег среди жаркой пустыни, свалились события. Самое страшное, что их и осмыслить-то было трудно. Чего там трудно — невозможно, они не подчинялись ни логике, ни здравому смыслу.

Кребс опять задержался у столика. Газеты пестрели крупными, во всю страницу, заголовками, набранными красной, черной и синей красками. Статьи на все лады поносили полицию вообще и его округ, в частности. Эти чертовы шелкоперы точно осатанели, как голодные псы, сорвались с цепи, набросились на остолбеневших от необычности происшествия полицейских, расстреливая их длинными очередями самой отборной и ехидной брани.

А на репортера Пауля, друга инспектора, который попытался было призвать своих коллег не лаяться, а разобратся, так цыкнули, что, говорят, бедняга до сих пор не пришел в себя и запил с горя.

Вчера у инспектора состоялся неприятный и весьма определенный разговор с большим начальством. Нет, на него никто не кричал. Говорили, наоборот, вполне вежливо и корректно, даже вспомнили его былые заслуги, прошлую образцовую и безупречную службу. Но без обвиняков дали понять, что сейчас, когда до выборов всего месяц, судьба Кребса висит на волоске. Оппозиция использует события для захвата голосов обывателей. И если он, инспектор, в чьем округе творятся столь неслыханные преступления, через две недели не обнаружит и не предаст суду виновников, его принесут в жертву политике. Да, как тельца на заклание, отдадут обществу, жаждущему для своего успокоения крови, чьей — неважно, по крови. Этим выиграют время и голоса. А когда выборы закончатся, о нем просто забудут, словно о рождественской елке после Нового года, выбрасывая ее засыхать на задворки. Спокойно и деловито, будто дело шло о чем-то обыденном и закономерном, ему без реверансов и интеллигентских экивоков сказали, что его ожидает в случае неудачи. Об удаче, кстати, никто и не упоминал, точно ее и не могло быть.

Дело приняло весьма серьезный оборот. Кребс, пожалуй, впервые в жизни растерялся, почувствовал свою полную беспомощность в той ситуации, в которой очутился.

Две ночи подряд, задыхаясь в клубах табачного яда, отложив даже самые срочные дела, вместе со своими немногочисленными помощниками он пытался выработать какой-то план действий по обнаружению банды, но все было тщетно, их знания, опыт, полицейская техника разбивались, как волны о скалу, об исключительность и беспрецедентность преступления. Никаких идей, версий и гипотез. Он был готов уже в отчаянии пойти и заявить

о своем бессилии. Но думать об этом было страшно, даже ему, ходившему один на один на самых отпетых, не имеющих ничего святого бандитов. Становилось жутко до холодного пота, до дрожания рук только от мысли, что произойдет, если он признается в своей беспомощности. Он не боялся за себя. Нет. Но что будет с женой, невесткой и малышом?

Что делать? Что делать? Ведь, кажется, перепробовано все возможное и невозможное. Результатов никаких. От этого, видимо, и опускаются руки и мозг отказывается что-либо осмыслить и предложить.

Кребс подошел к письменному столу, снял телефонную трубку и срывающимся с диска пальцем набрал номер.

— Контора Грега? — Трубка стала влажной от потной ладони. — Это инспектор Кребс, здравствуйте. Мне нужен Фрэнк. В отпуске? Он мне необходим как воздух. Да, да, именно, необходим. Найдите его, пожалуйста, и сообщите мне, Кребсу. Спасибо.

Трубка шмякнулась на рычаг, жалобно тренькнул звонок, Кребс вынул носовой платок и вытер лицо. «Последняя, хотя и призрачная, но все-таки надежда на Фрэнка. Если и тот ничего не придумает, то...» — Инспектор зажмурился, кожа на голове натянулась, жесткий ежик волос стал дыбом, от уголков глаз веером побежали к щекам глубокие морщинки. Он потер ноющие виски, голова по-прежнему гудела, как кипящий котел. Если Грегу сегодня сообщат о его просьбе, завтра он явится сюда — в этом сомненья нет, — но времени останется слишком мало. Да и неизвестно, может быть, он преувеличивает способности Фрэнка и тот тоже не разгадает эту шараду.

Кребс сел в жесткое кресло, затылок уперся в спинку. Опустились ставшие несказанно тяжелыми веки. Боль не отпускала, наоборот, пульсировала густыми толчками в венах, отдавалась шумом в ушах. Глаза будто надувались чем-то вязким изнутри и готовы были вылезти из

орбит. Само дыхание вызывало страдание. Инспектор застыл, стараясь не шевелиться, руки бессильно опустились на подлокотники.

С каким бы несказанным удовольствием он швырнул в самодовольные физиономии своего начальства истертый от частого употребления полицейский жетон. Да, славно было бы посмотреть, как перекосились бы их самоуверенные и фарисейские морды. Но... Вот этого-то он и не может сделать, а следовательно, и никогда не увидит. Эх, если бы не семья. Как все-таки несуразно устроена жизнь! То, что еще совсем недавно помогало ему в тяжелую минуту, служило, как спасательный круг утопающему, поддерживало и подбадривало, вселяло надежду, радость и уверенность в себе, обратилось тяжелым грузом-гирей на шее идущего ко дну. Не будь семьи — плюнул бы и ко всем чертям послал бы эту лживую шайку, насквозь прогнившую и погрязшую в коррупции. Один как-нибудь бы перебился. Впрочем, что толку предаваться сейчас несбыточным иллюзиям, тешить в химерах самолюбие. Надо думать, думать и думать. Но думать-то он и не мог. Не мог, даже напрягая всю свою волю, заставить работать мысли в нужном направлении, они опять и опять, как по сходящейся спирали, возвращались к одной и той же точке — что станет с женой, малышом и невесткой.

Кребс выпрямился, пытаясь разогнать непрошенные мысли.

Внизу резко хлопнула дверца машины.

Кребс вздрогнул...

* * *

Здание аэровокзала напоминало огромный, голубоватоматовый брусок льда, поставленный на длинные круглые и тонкие колонны-подпорки. Тучи сплошь закрывали небо. Еле-еле моросил дождь. Было прохладно. Снаружи казалось: расплывчатый желтый свет ламп во внутрен-

них залах вмерз в этот большой ледяной параллелепипед.

Фрэнк благодарно улыбнулся молоденькой стюардессе, поднял короткий воротник плаща, легко сбегал по пологому трапу и по выложенной разноцветной плиткой мокрой дорожке направился к широкой стеклянной двери с яркой неоновой надписью: «Добро пожаловать в наш прекрасный город». Миновав турникет, он пересек холл, нащупав в кармане десять центов, сунул голову в кабину телефона-автомата, похожую на приклеенную к стене прозрачную плексигласовую раковину, и набрал номер. Несколько секунд спустя услышал знакомый глуховатый и родной голос.

— Кребс!

— Здравствуйте — это Фрэнк. Что у вас стряслось? Надеюсь, ничего страшного с семьей? Я звоню с аэродрома. Где мы встретимся?

— Добрый вечер. Очень рад, что ты приехал. Извини, пришлось побеспокоить, дело серьезное, а времени нет.

— Чепуха! Мне уже начинал надоедать отдых, и я, наверное, и так прикатил бы через недельку, а то и раньше. Где и когда мы встретимся? Как дела дома?

Кребс помолчал, очевидно, прикидывая, где лучше обсудить события, чтобы никто не помешал.

В трубке слышалось его прерывистое, как у астматика, дыхание.

«Вероятно, здорово подкосило отца,— подумал Фрэнк,— если он раздумывает над такой мелочью, как время и место беседы. Раньше подобные вопросы решались мгновенно».

— Может быть, у тебя? — неуверенно произнес Кребс.

— Отлично. Я еду домой, буду там минут через тридцать — тридцать пять, вы выезжайте прямо сейчас, чтобы зря не тратить время, которого, как я понимаю, не

столь уж много. Если запоздаю — где лежит ключ, вам известно.

— Договорились. До встречи.

— До свидания.— Грег повесил трубку. Да, случилось действительно что-то из рук вон выходящее, если старик даже не поинтересовался его здоровьем.

Он подхватил мягкий полосатый чемоданчик с «молнией» и втиснулся в говорливый поток, выходящий на квадратную, обсаженную серебристыми елями площадь.

Грег свернул налево и быстрым шагом припустил к стоянке такси. Открыв дверцу, швырнул чемоданчик на обтянутое искусственной кожей заднее сиденье, плюхнулся рядом, сказал шоферу адрес и, распахнув дождевик, блаженно развалился, расслабив тело.

Машина тронулась, сделала большой круг, выскочила на широкую автостраду и, подвывая мотором, понеслась к сияющему вдали огнями городу. По правую сторону обочины замелькали счетчики платных стоянок частных автомобилей, словно надетые на трубы перевернутые груши.

Грег положил локоть на пухлую пружинящую подставку и, подперев щеку, задремал.

Мысли сами собой перенеслись к Джин. Как это он мог жить без нее — уму непостижимо, ни на секунду не забывал о ней, страшно скучал и терзался вынужденной разлукой...

Такси развернулось на подобном лепестку клевера разъезде шоссе и поехало по гладкой серой бетонке, разделенной на две половинки ровным рядом низкорослых платанов. Облетевшие листья мягко шуршали под колесами.

Через десять минут машина остановилась у небольшого четырехэтажного дома, окрашенного поштукатурке коричневой краской. Грег так и не сменил квартиру. Большую часть времени он проводил в конторе, разъездах или у О'Нейли. Они договорились с Джин: как только поженятся — это было запланировано на Новый

год,—сейчас же подыщут другое жилье, просторное и комфортабельное, но и не очень дорогое.

Фрэнк вылез из такси, расправил помявшийся плащ, расплатился, подхватил чемодан и побежал к подъезду. Он был рад, что сейчас увидит своего названного отца. В последние месяцы, закрутившись с работой, он редко навещал Кребса, и теперь какая-то подсознательная вина тяготила его.

Прыгая через одну ступеньку, он взбежал по крутой лестнице. Дверь была открыта, значит, Кребс опередил его. Фрэнк ворвался в квартиру и с восторженным возгласом бросился к сидящему на диване человеку. Тот поднялся навстречу и протянул руки. Грег на миг замер. До чего же изменился Кребс! Голова стала совершенно белой. Похудел. На лбу резче обозначились складки. Глаза потускнели, он выглядел больным или смертельно усталым. Даже в одежде появилась пока еще слабая, но дающая себя знать неряшливость или небрежность. Воротничок помят, галстук завязан неаккуратно и слегка съехал набок. Они обнялись. Фрэнк чувствовал, как в нем вместе с острой жалостью всколыхнулась благодарность к этому большому и выглядевшему сейчас столь беззащитно человеку. Он потерся щекой о его щеку и с удивлением обнаружил, что она выбрита не так чисто, как раньше.

— Да что с вами? — вкладывая в вопрос все наблюдения, даже забыв поздороваться, спросил Фрэнк. — Ради бога, объясните, пожалуйста, что происходит, на вас лица нет.

— Плохо, мальчик, плохо. — Кребс положил большие руки ему на плечи. — Очень плохо. Давай присядем. Прошу тебя, не суетись и отключи телефон — разговор предстоит долгий и весьма серьезный для меня. Давай сядем, мне и на самом деле не по себе.

— Хорошо. Присаживайтесь. Я приготовлю кофе, и, по-моему, где-то у меня завалялась бутылка коньяка, купил год назад для Джин. Сейчас разыщем.

Грег бросился на кухню. Хлопая крышками шкафчиков и гремя посудой, нашел бутылку, включил газ, поставил на плиту кофейник.

Все это время Кребс нахохлившись, уперев ладони в колени, молча сидел в кресле.

Наконец появился Фрэнк, в руках на подносе коньяк, рюмка, кофейник с сахарницей и две чашки.

— Ну, теперь спокойно побеседуем.— Он выдернул из розетки штепсель телефона.— Так будет лучше. Если хотите, сбросьте китель и ботинки, сейчас принесу шлепанцы.

Кребс снял мундир, сунул ноги в подставленные Фрэнком тапочки, постукивая горлышком бутылки о край рюмки, налил коньяк, выпил, облизнул губы и, отхлебнув из чашки горячий кофе, поставил ее на столик.

— Разговор, как я уже говорил, предстоит долгий. Постарайся не перебивать, иначе я собоюсь. Мне понадобилась твоя помощь. Помощь криминалиста, сыщика, детектива и человека, которому я полностью могу доверять. Да, да, не удивляйся, пожалуйста. Если уж я, бывший комиссар, один из лучших когда-то комиссаров, пришел за помощью, значит, действительно дело дрянь. Мне известно — ты в отпуске не читаешь газет, тем более находясь далеко за океаном. Поэтому слушай.

Все началось дней десять назад, в субботу. Если мне не изменяет память, сейчас это было бы неудивительно, ты как раз только что улетел на Гавайи.

— Совершенно точно,— подтвердил Фрэнк.— Я проводил Джин и днем уже порхал в воздухе.

— Так вот. Я сидел, как обычно, дома, собирались с женой ехать к невестке в лечебницу, нас предупредили: состояние ее ухудшилось и она долго не протянет — вопрос нескольких дней. Мы не знали, с кем оставить ребенка, и решили взять его с собой. Я уже оделся, когда позвонил дежурный и передал приказ немедленно прибыть к собору Благодарения, ибо там, как он выразился, творится что-то неопишемое. Служебный автомобиль он

выслал. На мои вопросы ответить что-либо путное не смог. Ничего не оставалось, как выполнять приказание. Жена отправилась одна — малыша поручили соседям.

Приближаясь к собору, я увидел огромную возбуденную толпу. Нет, не демонстрация, сборище хулиганов или что-либо подобное. Никаких флагов, плакатов, камней и пустых бутылок. Толпа зевак — лучше не назывешь. У подъезда впритык стояли полицейские и санитарные машины. Повсюду буквально кишели наши ребята — в форме и штатском. Как только я выскочил из автомобиля, ко мне подбежал младший инспектор Брайс. Если бы ты его видел! Этот безусловно храбрый человек был бел как молоко, трясся и заикался. Да, да, заикался. Ты представляешь заикающегося гиганта Брайса? Сбиваясь, доложил следующее: в церкви состоялось бракосочетание известного мультимиллионера, короля химической промышленности знаменитого Дика Робинсона и Кристины Хупер. Все было подготовлено по самому высшему классу — еще бы, такое событие, свадьба денежного мешка. Среди друзей и знакомых, почтивших присутствием столь важную церемонию, находилось много весьма влиятельных особ города, десятки журналистов, фото- и кинорепортеров, радио и телевидения. И вот когда наступил самый торжественный момент, в храме погас свет. Правда, он почти тотчас вспыхнул снова. Но по мне лучше бы он и не зажигался вовсе. — Кребс взял бутылку и налил коньяк, горлышко, предательски выдавая дрожь пальцев, стучало по рюмке. — Лишь стало светло, ты даже не вообразишь, что там творилось. Боже мой, господи.

— И что же там было? — спросил Фрэнк.

— Ни-че-го, — отчеканил Кребс и опустил на миг веки.

— То есть как ничего? — оторопел Грег.

— Представь себе: на них не было ничего. На женихе, невесте, гостях и остальных присутствующих. Они

стояли, вернее, метались, голые, в чем мать родила, совершенно голые, будто не в церкви, а в бане, не хватало разве мочалок. Это смахивало на вавилонское столпотворение, разница разве в том, что люди горланили на одном языке. Кто-то раздел их дочиста за те мгновения, куда было темно.

— Но этого не может быть! — вскричал Фрэнк и вскочил.

— Сиди, сиди. Вот как раз это-то я тоже сказал комиссару. Но, к сожалению, случилось именно так. Я видел, как в машину сажали истошно орущую даму лет сорока, она была белая, без одежды, как вынутая из перчатки рука, лишь на шее и запястьях болталась какая-то бижутерия. — Кребс залпом опрокинул рюмку, поставил ее на стол и продолжал: — В церкви началась паника, некоторых в суматохе изрядно помяли, а иных и совсем задавили. Царил настоящий бедлам. Орали люди, орали полицейские, орали журналисты. Занимались своим делом фотографы и операторы ТВ, они-то погрели на этом руки. С огромным трудом удалось навести относительный порядок.

На следующий день газеты пестрели броскими заголовками и пикантными, если можно так сказать, снимками. Такого скандала еще не видывал город. Оппозиция захлебнулась от восторга — уж этот шанс перед баллотировкой упустить нельзя. И главный их козырь, старый и испытанный, набивший оскомину, — куда смотрит полиция при нынешнем правительстве, если преступники обнаглели до того, что обворовывают честных, уважаемых всем городом да и страной людей даже в божьем храме. Тиражи газет подскочили вдвое, к церкви ринулись толпы любопытных, и, уж конечно, этим воспользовались карманники и прочая дрянь. В суматохе вспыхнули грабежи и насилия. Короче, если когда-нибудь и произойдет конец света, то выглядеть он будет таким, каким были те суббота и воскресенье. Вот так-то, дорогой мой.

— Уму непостижимо,— протянул Фрэнк — Ведь у самого Робинсона существует собственная охрана — они-то куда смотрели?..

Несколько минут длилось молчание. Затем Кребс опять потянулся к бутылке и тихо, почти шепотом произнес:

— Но, черт побери, на этом не кончилось. Как бы не так. Спустя два дня все повторилось на выставке декоративных цветов, организованной этой самой Хупер, теперь уже миссис Робинсон. В павильоне экзотических растений одиннадцать человек — среди них восемь женщин — снова расстались со своей одеждой. Фланирующие бездельники и прочий сброд ворвались в оранжереи, поломали растения и мебель, побили стекла, а заодно и двух полисменов. И опять пострадали самые богатые люди — цвет общества.

— Ну, это-то понятно,— в раздумье произнес Фрэнк,— с бедняка снимать нечего. Расчет естественный — удивляться не стоит.

— Пресса визжала от восторга. Прилавки киосков заполнили специальные выпуски и фотоприложения. Оппозиция, наверное, ставила сотни свечей этим гангстерам, столь удачно и своевременно пришедшим им на помощь.

— Подождите, а не могли они сами подстроить это, кто-то из тех, что претендуют на посты в новом правительстве?

— Я тоже сначала подумал так,— ответил Кребс.— Это было бы вполне закономерно, в политике хороши любые средства. Но одно обстоятельство смешало мне карты. Если о двух предыдущих происшествиях я информирован через других лиц, то третьему оказался свидетелем лично. Да, да, настоящим очевидцем с начала и до конца.— Он осушил одним махом рюмку и, вытерев губы ладонью, сказал: — Позавчера. В театре-варьете «Голубые грезы». Излишне напоминать — всю полицию после этих событий поставили на ноги, шпики, филеров, освеще-

домителсей, тайных и явных. Даже вызвали несколько воинских подразделений. Инспекторов разослали в наиболее оживленные места, где обычно коротают досуг сливки общества и богатеи. Я очутился в варьете. Был в штатском, сидел в ложе осветителей, справа от сцены. Представление шло как обычно — все было нормально. Наигрывал джаз. На сцене три десятка девчонок исполняли бойкий, но вполне пристойный танец. Я уже сейчас не помню его названия. Опять погас свет. Правда, это никого не встревожило и не насторожило — так и должно было следовать по ходу действия, — в эту паузу соплячки влопыхах сбрасывают юбочки и лифчики и остаются нагишом.

Вспыхнул свет.

Я смотрел на сцену — ты знаешь, я не одобряю подобных зрелищ, здесь наблюдал по долгу службы. Боже мой, что там было. Музыка гремела, а девахи не плясали. Да, мой милый. Они подошли голенькие к самой рампе и захлебывались от смеха. Гоготали во всю глотку, буквально ломались пополам, хватались за животики и тыкали пальчиками в зал. Я взглянул туда, обомлел и тоже захохотал, хотя, поверь, уж мне-то было не до смеха. Все смахивало на то, что зрители и актеры поменялись ролями. Первые два ряда — самые дорогие места — были сплошь заполнены голыми людьми. Они дергались, визжали, лезли под кресла, пытались чем возможно прикрыться. Это, я тебе скажу, была небывалая картина.

— Но почему же именно этот случай, как вы говорили, смешал ваши карты и отвел обвинение от оппозиции? — спросил Фрэнк. — Мне думается, он их лишь укрепил.

— Да потому, что среди пострадавших находилась половина тех самых оппозиционеров и их лидер. Извини, конечно, в политике для достижения цели и все средства сойдут, однако выставляться на всеобщее обозрение в столь непотребном виде, тем более на смех, вряд ли решится даже самый оголтелый карьерист. Да на чье по-

смеяние, господа, девчонок, которые добывают кусок хлеба публичным показом женских прелестей. Нет, простите, на это не пойдет никто. А следовательно, оппозиция здесь ни при чем — к этим историям приложил руки кто-то другой.

— Случай действительно беспрецедентный,— задумчиво протянул Грег.

— Вчера меня пригласил шеф полиции и очень вразумительно заявил: если в течение недели преступников не обнаружат, меня уволят, вернее, просто выбросят со службы без выходного пособия, пенсии, до которой всего год, но зато с волчьим билетом.

В моем положении, в моем возрасте это не нищета, а гибель. Самая настоящая смерть. Я хочу попросить тебя помочь. Скажу откровенно — это последняя и, думается, единственная надежда. Никаких иллюзий у меня нет и быть не может.— Кребс вновь потянулся за бутылкой, в которой уже оставалось на самом доньшке. Он наполнил рюмку, вылил последние капли и тут же опрокинул в рот.

Грег заметил — Кребс, почти не употреблявший алкоголя, опьянел. Лицо побагровело, седые пряди прилипли к потному лбу, глаза затагнула мутная пелена.

— Вот такие дела.— Он потер ладони и взглянул на Фрэнка.— Что ты ответишь?

— Станный вопрос, отец. Сейчас же начну расследование. Дело необычное, но то, что творят одни, разоблачают другие. В различного рода сверхъестество и дьявольщину я не верю. Ты можешь поподробнее сообщить о происшедшем?

— В этом нет необходимости. Завтра утром я пришло с надежным человеком копии всех материалов по этому проклятому делу. Абсолютно все.— Он встал.— Сейчас мне надо идти домой. Сегодня придет жена из больницы и сообщит, как там с невесткой. Малышок опять сидит у соседей.

— Я провожу вас,— Грег тоже поднялся,— мы пройдемся пешком, проветримся, а потом возьмем такси, ма-

шину я отдал мисс О'Нейли, она гостит у родственников.

— Я и раньше редко пользовался такси, Фрэнк, а теперь отъездился окончательно.— Инспектор, покачиваясь, направился к двери.— Да, отъездился.

— Господи, как я сразу не сообразил, простите меня ради бога. У вас же нет денег. Я дам вам. Сколько вы хотите, пожалуйста?

— Нисколько. Я и так весь в долгах и одалживаться еще не желаю.

— О каком одолжении речь? Вы с ума сошли, у меня есть деньги, и я их вам дам, нужно сейчас же расплатиться хотя бы с самыми настырными кредиторами.— Грег полез в карман за бумажником.

— Перестань,— жестко произнес Кребс.— Я не возьму ни цента, ты меня знаешь. И не стоит больше об этом. И провожать не следует, сам доберусь, мне необходимо побыть одному. Завтра тебе передадут все материалы. Но времени очень мало, мой дорогой, всего неделя. До свидания, Фрэнк.— Он надел фуражку и направился к выходу.

Как сквозь вату в ушах, до Грега донеслись звуки шагов по лестнице, хлопок входной двери. Он медленно повернулся и побрел в комнату, на душе было пусто и тоскливо, как на похоронах или после посещения лечебницы, в которой находится близкий тебе, неизлечимо больной человек.

В комнате пахло коньяком, табачным дымом и чем-то, как миндаль, горьким...

ГЛАВА VIII

В ЛОГОВЕ МАЙКА-ЧЕРЕПА

Оставшись один, Фрэнк долго в глубоком раздумье сидел в кресле. Что же это за банда, избравшая себе столь оригинальное амплу массового раздевания, ору-

дующая с таким блеском и такая неуловимая? Сопоставляя события, так и тянуло свалить все на какую-то сверхъестественную силу, а еще больше на модных сейчас парапсихологов, телепатов и пришельцев из космоса. Среди иллюзионистов, фокусников и факиров есть великие мастера, но они оперируют с предметами, а не с одеждой. А если это массовый гипноз? Чуть — он не может быть столь избирательным. Раз исчезли вещи, значит, есть тот, кто их снял. Да, их кто-то снял, и он, несомненно, реален и осязаем, из плоти и крови. Фрэнк потянулся к письменному столу, из крайнего ящика, из самого дальнего угла вынул маленькую картонную коробочку, в таких обычно обывательницы хранят недорогие безделушки. В ней лежал серебряный доллар. Монета почти ничем не отличалась от миллионов себе подобных, если бы не небольшая деталь: в том месте, где стояла цифра, обозначающая номинал, виднелись три глубоких, длиной в два-четыре миллиметра бороздки. Грег подбросил монету на ладони. Он вспомнил тот злополучный день, когда она попала к нему.

Это случилось весной, после суда над бандой Майка-черепа. Суд этот, как палка о двух концах, с одной стороны, обернулся для Грега моральным триумфом, а с другой — крахом всех надежд и успехов на поприще государственной службы. После оглашения приговора знаменитый Майк к своему несказанному удивлению вместо ада, а ему, несомненно, предназначалась дорога именно туда, направился благодаря Грегу в тюрьму на весьма незначительный срок. В вестибюле к Фрэнку протиснулся ничем не примечательный человек, скорее даже, как говорят, человечек. Чернявый, худосочный, с серым болезненным лицом, скромно одетый. Фрэнку даже показалось, что он его где-то видел или кого-то он ему напоминал. Незнакомец представился — брат Майка. И протянул, заискивающе улыбаясь тогда еще полицейскому, серебряный доллар, сказав при этом: мы ваши вечные должники, будет худо, поможем — монета про-

пуск всюду, где известно наше имя. Грег от души потешался над этой историей и даже шутливо говорил Кребсу: вот-де и он удосужился заполучить взятку. Но монета осталась у него. Сейчас он подумал: не настал ли час воспользоваться ею, в таком положении не стоит терять время — нужно попробовать, тем более что он уже давно не полицейский.

Грег еще раз подбросил доллар на ладони. Как он уцелел? Ведь тогда в трагическую ночь в казино он мог его истратить, ибо твердо решил никогда не прибегать к услугам уголовников. А вот, поди ж ты, теперь он пригодился. Ради Кребса можно поступиться принципами, если бы понадобилось, он готов был бы обратиться к самому дьяволу и заложить ему бrenную и грешную душу.

Фрэнк опустил монету в карман пиджака. В спальне вынул из тумбочки пистолет, сунул его в задний карман брюк, надел плащ, захлопнул за собой дверь и сбежал по лестнице.

Выйдя на улицу, он направился к пересекающей город прямой как стрела магистрали. Вдали показался далекий огонек такси. Грег поднял руку. Машина резко вильнула к обочине и остановилась. Он сел рядом с шофером и назвал адрес. Водитель внимательно осмотрел пассажира с головы до ног — уж больно непрезентабельным был район, куда хотел попасть этот вполне порядочный по виду молодой человек. Немного поколебавшись, будто решая, стоит ли ехать, включил мотор.

Автомобиль понесся по бетонному шоссе, словно финишные ленточки, разрезая желтые полосы света от фонарей. Миновав центр, развернулись и осторожно въехали в узкий переулок между двумя стенами высоких темных домов. По мере того как машина продвигалась вперед, становилось темнее и малолюднее. Наконец перед небольшой аркой Фрэнк сделал знак притормозить. Он расплатился и вышел, автомобиль тотчас, рывком двигателем, тронулся с места и исчез за углом.

Кругом полная тишь и темень, из нее несет сыростью, помойкой и тревогой. Окна нижних этажей затягивали металлические гофрированные жалюзи, на стеклах верхних кое-где вспыхивал пятнами отраженный лунный свет. Грег огляделся. На мгновение ему стало жутко. Пересилив себя, он неторопливым шагом направился к темной глубокой, как огромная труба, арке. Пройдя ее, очутился в квадратном каменном дворе-колодце. Фрэнк опять осмотрелся. Ни души. Он пересек двор по диагонали и остановился против ниши в стене, в конце ее была небольшая, но массивная дверь, на ней висел плоский синий почтовый ящик. Отодвинув его в сторону, он нажал на маленькую пуговку звонка, утопленную в круглом, размером с банку из-под гуталина вырезе. Подождал ровно минуту и нажал еще три раза подряд. За дверью послышалась возня. Прошелестел отодвигаемый засов, щелкнул ключ, и дверь приоткрылась. В щели показалась голова человека. Фрэнк молча протянул монету. Открывший пристально окинул его цепким взглядом и посторонился, пропуская внутрь.

Фрэнк вошел. Дверь закрылась, человек задвинул засов, сейчас же в узком коридорчике вспыхнул свет. За спиной, почти вплотную, Грег чувствовал дыхание стоящего сзади. Прямо перед ним, загораживая проход, возвышалась фигура второго. Оба молчали. Грег опять показал доллар. Верзила взял его, повертел, поднес к самому лицу, точно нюхал. Затем шагнул вперед и немного хриловатым, но сравнительно приятным, не гармонирующим с внешностью голосом произнес:

— Поднимите, пожалуйста, руки, мистер.

Фрэнк поднял руки. Незнакомец тщательно обшарил его сверху вниз. Ловко вытащил из кармана пистолет и положил в ящик стола. Грег заметил, что там уже было штук десять револьверов самых различных систем, в том числе два таких же, как у него. «люгера».

— Кого из боссов желаете видеть? — всжливо спросил высокий.

— Майка.

— Следуйте за мной.— Он, немного сутулясь, чуть не задевая широкими плечами стен, пошел по узкому коридору.

Они миновали еще одну дверь, у которой стоял прислонившийся к притолоке человек в темном костюме и галстук-бабочке. Свернули налево. Сопровождающий раздвинул в разные стороны створки следующей двери. В помещении не очень громко играла музыка, раздавались голоса, смех, витал запах духов, табака, виски, жареных бифштексов и румянившихся на гриле цыплят. В круглом зале, погруженном в красноватый полумрак от прикрепленных к стенам задрапированных фонариков, сидело за столиками человек десять. В углу поблескивала бутылками и никелем кофеварки стойка бара, за ней белел китель бармена, сбивающего коктейль. Это был негр, и в полумраке создавалось впечатление, что китель сам по себе витает в воздухе, размахивает руками, качается в такт мелодии — на фоне черных стен лица и рук бармена не было заметно.

Фрэнку приходилось бывать в воровских притонах, но сейчас его поразила чопорность и строгость заведения — никаких непристойных изображений на стенах, обрюзгших пьяниц, горланящих похабные песни, вульгарно размалеванных полуодетых девиц, дрыгающих на столах ногами. Ничего подобного. То, что он увидел, скорее напоминало кастовый респектабельный клуб, чем гангстерский вертеп. Ни на кого не обращая внимания, человек провел Грега дальше и отстранил рукой защелкавшую, как кастаньетами, портьеру из бамбуковых палочек, нанизанных на длинные нити. Они очутились перед дверью с небольшим окошком. Человек легонько постучал костяшками пальцев, сказал что-то в приоткрывшееся оконце, передал монету, повернулся к Грегу, извинился и проговорил:

— Придется немного подождать, мистер.

Минуты через две дверь распахнулась, и Грега ввели

в маленькую, как приемная средней руки учреждения, комнату. Из-за стола поднялась стройная молодая девушка, одетая в белую с ручной вышивкой батистовую блузку и гладкую лиловую юбку, с длинными разрезами по бокам.

— Будьте любезны пройти за мной.— Она подождала, когда Фрэнк приблизится, и, повернувшись, повела его к высокой, обтянутой черной блестящей кожей двери. Открыв ее, легонько под локоть втолкнула его внутрь.

Кабинет был просторным, почти квадратной формы, без окон. По стенам мягкие, темно-зеленого цвета кресла. В углу телевизор и небольшой бар с холодильником. Справа полированный коричневый столик, на нем телефон, а в кресле тщедушный брэнет с бледным до синевы лицом, с резко выпирающими скулами и провалившимися щеками. Неподалеку на низеньком диванчике сидели двое в строгих черных костюмах и белых рубашках с галстуками. Чернявый поднялся навстречу Грегу и протянул вперед костлявые руки.

— Вот это сюрприз.— Он как-то тихо-тихо засмеялся, словно прошелестели тонкие страницы книги.— Откровенно говоря, не ожидал, что вы когда-нибудь пожалуете к нам, мистер Грег, щепетильность и принципиальность лезли из вас, как клубничное суфле из вазочки.

Это и был знаменитый Майк-череп. Фрэнк отметил, что он почти не изменился, разве стал чуть-чуть полнее — раньше вообще был худ, как скелет.

— Здравствуйте, Майк.— Грег пожал протянутую руку.

— Присаживайтесь. На остальных не обращайтесь внимания, считайте — их нет.

Но Фрэнк обратил.

Второй, тот, что сидел ближе к боссу, был не кто иной, как Дылда. Он обрюзг, под глазами нависли отечные мешки, оттопырилась нижняя губа, еще больше вылезли и без того редкие волосы. Его было трудно узнать,

но Грег запомнил негодя на всю жизнь. На миг он пожалел, что пришел, но взял себя в руки, дело того требовало, и черт с ним, с этим подонком, лишь бы удалось выведать что-либо полезное для Кребса.

Несомненно, Дылда не помнил Фрэнка, он равнодушно окинул его взглядом и даже зевнул, прикрыв ладонью рот.

Как наяву перед Грегом промелькнул бросившийся на бандита Косой, зажавшая выколотый глаз ручонкой девочка. Будто резанул по ушам ее жалобный вскрик и иступленный вопль Косого.

Фрэнк сел. Майк обошел столик и словно утонул в мягком четырехугольнике кресла.

— Я слышал, Хитрый Опоссум отдал концы, и вы у руля конторы «Гуппи». Ползете вверх, старина. Поздравляю. Мы противники, но я откровенно рад вашим успехам, ибо как-никак обязан вам.

— Спасибо, Майк.— Фрэнк поклонился и положил ладони на колени.

— Не предлагаю sprysнуть встречу. Вы же не пьете,— опять зашелестел смехом Майк.— Что привело вас ко мне?

— Самые недавние события. Вы читали газеты? Присшествия последних дней и заинтересовали меня. Уж вам-то должно быть известно, что происходит — это же ваши владения. Мне необходимо, жизненно необходимо выяснить, кто так виртуозно ухитряется освобождать людей от их одеяний?

— Пять минут назад мы беседовали на эту тему.— Майк сделал жест в сторону застывших, как манекены, людей.— Мы бы сами щедро заплатили тому, кто объяснил бы нам, властелинам округа, что творится в нашей же вотчине.— Глаза Майка стали злыми, оскалились крупные желтые зубы, он уже не улыбался.— Если мы найдем этих каналов, не сомневайтесь — им не поздоровится. Но, к великому сожалению, для нас это как гром среди ясного неба. Я абсолютно откровенен. Это не наши.

Единственно, чем мы поживились,— драгоценностями: так, разными колье, брошками, кулончиками, но не раздевали и не взяли ни одной шмотки, даже носового платка. Скажу больше, я связывался с коллегами из других районов, они в полном неведении. Скажу еще больше, я помню, что вы сделали для меня, наши трюкачи заявляют: сделать это простому смертному нельзя, невозможно, если он не какой-то уникальный тип или человек-невидимка.— Он встал и прошелся, шаркая подошвами, по густому, во весь кабинет зеленому ковру.— Да, нельзя. Я знаю, все юристы, во всяком случае, такие, как вы, верят фактам. Что ж, постараюсь вас убедить, выслушаем мнение специалиста.— Он нажал справа от столешницы маленькую кнопку.

В дверях появилась секретарша, что привела Грега.

— Рита, сколько времени потребуется человеку, чтобы самостоятельно и добровольно раздеться?

— Мужчине, женщине? Полностью или частично?

— Допустим, женщине, полностью.

— В специальном костюме пятнадцать секунд. В обычном летом — пятьдесят секунд, зимой — полторы минуты,— ответила, смущенно потупив глаза, секретарша.

— Вы слышали? — Майк повернулся к Грегу.— И это, я подчеркиваю, по собственной воле.— Он снова бросил взгляд на девушку.— Рита, а если принудительно, да еще в общественном месте, но не прибегая к аппарату К.

— Без насилия и телесных повреждений? — спросила она.

Майк вопросительно взглянул на Фрэнка.

— Разумеется,— кивнул Грег.

— Вообще невозможно.

— Молодец, малютка, спасибо, ступайте.— Он остался против кресла Фрэнка, покачиваясь с носков на каблуки лакированных туфель.— Можете не сомневаться в ее компетентности, она на этом съела не одну, а всех собак вместе со щенками, и не только нашего города.

Я повторяю — это не деяние рук людских. Нет. Возможности смертного ограничены, они имеют предел. Выше собственного носа не прыгнешь — будь ты трижды талантлив в своем ремесле. Во всяком случае, такие мастера еще не производились на свет обычными бабами.

— Уж не вдарились ли вы в магию или религию? — скептически усмехнулся Фрэнк.

— Что вы, Грег, упаси меня бог, я столько нагрешил, что даже римский папа не в состоянии выписать мне индульгенцию на отпущение грехов, а поэтому в моих же интересах не верить ни в бога, ни в загробную жизнь — это слишком хлопотно. И тем не менее я повторяю: люди, обычные наши обдиралы, мы их так называем, сделать этого не в силах. Так-то. — Он прошел за столик и сел слева. — Даже используя аппарат К, но в газетах о нем не упоминалось. Да и мои друзья свое участие полностью отрицают, а уж вы-то знаете, как мы умеем наказывать за обман. Не в пример вашему юридическому и полицейскому аппарату в нашей системе свято соблюдается принцип неотвратимости наказания. Куда бы ни скрылся провинившийся, мы его обязательно разыщем и он понесет заслуженную кару. Наш девиз: строгость, справедливость и неотвратимость.

— А что это за аппарат К, о котором вы упомянули? — недоуменно спросил Грег.

— Извините, я упустил из виду, что вы уже не занимаетесь подобными делами. Хотя даже самый паршивый полицейский знаком с этой штукой. — Он открыл ящик стола и вынул предмет, что-то вроде небольшой зажигалки. — Вот он. Видите, длинный, телескопический, наподобие антенны медный штырек. Если им прикоснуться к голове человека и нажать кнопку, он получит удар тока и рухнет на землю в шоке. Не беспокойтесь — это не смертельно и не вредит здоровью. Очухается минут через сорок, разумеется, выглядеть он будет как ошипанный цыпленок, то есть полностью лишенный личной собственности, а заодно и меченный на всю жизнь. Этот меха-

низм впервые применила, кстати, полиция при разгоне демонстрантов. Очень удобно — раз, возмутитель спокойствия падает, и его без суеты волокут в фургон. И самое главное — можно бить, не получая сдачи. Мы это оценили и внедрили у себя.

— Что вы имели в виду, когда сказали: человек становится меченым? — поинтересовался Фрэнк. — После действия аппарата остается шрам, ожог или клеймо?

— Да, именно клеймо. — Глаза Майка зловеще и лихорадочно заблестели. — Клеймо до конца его дней. Не прикидывайтесь наивным. — Он немного помолчал. — Прошу прощения, я все время забываю — вы же покинули полицейское ведомство пять лет назад, а это сатанинское изобретение они ввели совсем недавно под грифом «сверхсекретно».

— Я действительно не в курсе, — удивился Фрэнк. — Объясните, пожалуйста.

— Радиоактивный висмут-100. Как видите, научно-техническая революция вторглась в область и воров и полицейских.

— При чем здесь висмут? — Грег вскинул брови.

— Его впрыскивают в кровь тем, кто вторично предстает пред ослепшими очами богини правосудия. Считают — первый раз случайность, а если второй, то уж наверняка потенциальный бандит. После эгой манипуляции человек становится отверженным — дорога назад, как вы говорите, в честную жизнь, ему отрезана. Счетчик Гейгера любого полицейского или кадровика в фирме частной или государственной тотчас покажет — перед вами уголовник. И не бывший, таких по вашим понятиям не бывает, а настоящий, следовательно, первые будут его хватать и снова сажать в кутузку, даже если парень ничем не провинился, а вторые, наоборот, гнать и не давать работы. Глупцы — этим-то они оказывают нам, шефам, неоценимую услугу, пополняя наши ряды.

— Но это чудовищно! — крикнул Грег и вскочил.

— Чудовищно? Они считают, что в борьбе с преступностью это радикально, так же как поголовное дактилоскопирование и стерилизация рецидивистов. Дудки. Мы тоже не лыком шиты. На нас трудятся и химики и физики, а иногда и целые концерны. Применяв аппарат К, наши обдиралы впрыскивают своим подопечным, ничего не подозревающим и вполне благополучным обывателям, висмут-100, когда те находятся без сознания. Попробуй теперь разберись, где уголовник, а где добропорядочный налогоплательщик. Ловко? — Майк засмеялся своим странным смехом и, нажав руками на плечи, опустил Фрэнка в кресло.

Несколько минут Грег сидел пораженный, не в состоянии произнести ни слова. До того сграшно было то, что он услышал от этого респектабельного бандита. Словно издалека до него донесся голос Майка.

— И делается это весьма просто. Смотрите.— Он достал маленький тюбик, в каких обычно продают масляные краски, отвинтил колпачок и показал короткую тонкую иглу.— Укол. Нажим.— Из кончика блестящей иглы брызнула тонюсенькая, как стеклянная нитка, струйка.— Не надо никаких шприцев — человек, выражаясь нашим языком, окольцован и навечно, до тележки крематория.

Грег вынул из кармана носовой платок и вытер вспотевшее лицо и ладони.

— Вы ужасные люди, Майк,— тихо произнес он.— Страшные тем, что безжалостно губите ни в чем не повинных людей.

Майк вскинул голову, на бледном лице проступили круглые розоватые тени.

— Мы лишь увеличиваем число своих. Когда такого добропорядочного отовсюду повыгоняют и семья начнет подыхать с голоду, он припожалуется к нам. У него же только два пути: или к нам, или в гроб. Но умирать людям не хочется, уж так они устроены: все, что угодно, но не смерть. И будьте уверены: мы-то его не оттолкнем,

что-что, а пропитание он получит, а мы — нового исполнительного и преданного солдата. Да, да, преданного. Ему же деваться-то некуда. — Майк замолчал и опустил-ся, тяжело дыша, в кресло. Потом повернулся и небрежно бросил своим: — Вы можете идти. Через полчаса ты, Дылда, — Фрэнк отметил: бывшее прозвище главаря так и прилипло к нему, — пойдешь, куда мы условились. Я встречусь с тобой позже.

Двое поднялись и покинули кабинет.

Майк подождал, когда закрылась дверь, встал и приблизился к Грегу.

Фрэнк удивился, как быстро менялся этот человек. Вспышка гнева прошла мгновенно, и теперь перед детективом был снова тот же, что и раньше, спокойный, даже слегка унылый Майк-череп. Посмотрев на него, Грег поймал себя на том, что лицо гангстера оправдывало кличку, очень напоминало череп, если на него натянуть парик битлов.

— То, о чем я вам сейчас поведаю, сразу забудьте. Не стану повторяться — мои люди, мои коллеги к этой истории с раздеванием не имеют никакого отношения. Но я брошу вам небольшую, совсем крохотную зацепочку. Правда, у меня нет полной уверенности, но внутренний голос подсказывает: ниточку стоит потянуть. Потяните осторожно, ибо это смертельно опасно. Повторяю — смертельно. Так вот, постарайтесь покопаться в делишках Дика Робинсона. Нюхом чую — именно в его алхимию ведут все стежки-дорожки. Понятно?

— Спасибо, Майк, — сказал, вставая, Грег. — Можете на меня надеяться, я не проболтаюсь и в то же время последую вашему совету. Благодарю вас.

— Послушайте, Грег. — Майк в раздумье потер себе пальцами кончик носа. — Вам никогда не приходилось встречаться с одним из тех, кто был здесь, когда вы пришли?

— Кого вы имеете в виду, тут находились двое. — Фрэнк насторожился.

— Вот этого.— Гангстер нажал кнопку у телефона.

То, что произошло дальше, заставило Грега в изумлении вскочить. От неожиданности его бросило в пот. На стене возник круг, похожий на корабельный иллюминатор, только со слегка размытыми краями. За ним Фрэнк отчетливо, как будто преграды вообще не существовало, увидел бар, его он миновал, идя в кабинет, а там за столиком в окружении каких-то людей Дылду. Стена сделалась абсолютно прозрачной, как хорошо промытое стекло, даже скорее это напоминало просто отверстие в другое помещение.

— Не узнаете его? — Голос Майка прозвучал глухо.

— Которого, их там несколько?

— самого длинного, его зовут Дылда.

— Нет. Никто из тех, кто сидит за столиком, мне незнаком,— ответил твердо Фрэнк, он уже пришел в себя от изумления, вызванного демонстрацией этого необычного явления.

— Ладно.— Майк хмыкнул, словно был недоволен ответом.— А здорово у вас глаза полезли на лоб при виде этой штуки?

— Не скрою, вы меня просто ошарашили,— подтвердил он.

— Нам это приобретение влетело в кругленькую сумму. Мы возлагали на него огромные надежды.— Он сделал паузу.— И просчитались. Действует лишь сквозь одну преграду, с очень маленького расстояния, да и требует подключения к электросети да еще и с повышающим трансформатором. Громоздко. Вот если бы работало от батарейки карманного фонаря — другое дело. А так,— он махнул рукой,— забава. На серьезное дело с оборудованием в полтонны не пойдешь. Годится разве для шантажа — через эту дыру можно снимать. С той стороны ничего не заметно, стена становится как поляризованное стекло. А если подключить магнитофон, можно сварганить пикантный кинофильм.

— Да-а,— протянул со вздохом Грег, вытер платком лоб и ладони.— Куда же теперь деваться благопристойному обывателю? — И словно сам себе ответил: — Некуда ему деться. Благодарю вас, Майк, за все, что вы для меня сделали.

— Не за что. Дайте монету!

Фрэнк протянул доллар. Майк изящным перочинным ножиком с перламутровой инкрустацией на рукоятке зачеркнул крестиком одну зарубку.

— У нас, как в детской сказке о трех желаниях,— смеялся он.— Монета с тремя надрезами — высшая награда. У вас осталось еще два. Будет плохо — приходите, всегда помогу.— Он легонько похлопал Грега по плечу и подтолкнул к двери.— Ступайте, Грег. До свидания.

— Прощайте, Майк.

Девушка провела его до выхода, ему вернули оружие и выпустили на улицу.

Он немного постоял, словно пытаясь остыть, отдышаться, и прийти в себя от того, что он только что увидел, затем поднял воротник, глубоко засунул руки в карманы и направился к арке. Шаги его гулко отдавались в темном каменном колодце двора, вверху из-за горбатых крыш показалась латунная луна. Изломанные тени кромсали асфальт пустынного двора. Нигде ни огонька, ни шороха, ни каких-либо других звуков, будто он шел по мертвому, покинутому людьми городу. А ведь за каменными толстыми и мрачными стенами жили люди, сотни семей со своими радостями и печальями, на что-то надеющиеся, чего-то ждущие.

Проход соединял двор с переулком и напоминал длинный, темный и узкий туннель. В правой стене чернела выдолбленная неглубокая ниша, в таких обычно устанавливают трансформаторы или распределительные коробки кабелей. Сейчас в ней лежал перевернутый вверх дном помятый мусорный бак с оторванной крышкой, стояла метла и валялась груда тряпья.

Грег помнил: Майк приказал Дылде куда-то отправиться спустя полчаса. Но будет ли тот один или еще с кем? Пойдет этой дорогой или другим путем? А если разговор касался вообще встречи в помещении? Ему ничего не было известно, но он решил подождать.

Фрэнк огляделся вокруг, пожалуй, лучше места для нападения трудно придумать, тем более входящий под арку, пока глаза не привыкнут, будет слегка ослеплен — снаружи значительно светлее. Он отодвинул носком ботинка крышку бачка, протиснулся в нишу и прижался спиной к стене, пахнувшей цементом и еще чем-то тухлым.

Ждать пришлось недолго. Где-то недалеко хлопнула дверь, кто-то чертыхнулся, очевидно, споткнувшись, затем раздались уверенные и твердые шаги, несомненно, мужские.

Фрэнк осторожно, затаив дыхание, выглянул из своего укрытия.

На сером фоне проема он увидел четкий силуэт долгой фигуры. Это был Дылда. На его голове все так же лопухами оттопыривались уши. Слегка покачиваясь, он двигался по самой середине, что-то тихо насвистывая, шел быстро, видимо, торопился к ожидавшей на улице машине.

Грег выругал себя, что не догадался в спешке осмотреть прилегающие переулки.

Дылда проскочил от него в каких-нибудь двух-трех метрах. Пахнуло запахом крепкого мужского одеколона и табака. Фрэнк перешагнул через бак, выхватил пистолет и навскидку выстрелил в затылок бандита.

Грохнуло очень громко. Грег, вздрогнув, присел и пожалел, что забыл навинтить на ствол глушитель. Звук заматался в каменном туннеле, слегка заложило уши, от запаха пороха запершило в горле, защекотало в носу. Он чихнул.

Дылда, даже не вскрикнув, рухнул лицом вниз.

Фрэнк подбежал и наклонился над гангстером. Пуля крупного калибра снесла часть черепа — человек был

мертв, зубы оскалились, на лице застыла гримаса боли. Вокруг головы расплывалось черное пятно, слышалось тихое журчание — это текла кровь.

Грег, не выпуская оружия из рук, опрометью бросился из-под арки. На улице никого. Ни автомобилей, ни прохожих. Скорее всего в логове не услышали выстрела. Фрэнк, еле сдерживая желание побежать, перешел на противоположную сторону и, стараясь не оглядываться, направился к центру. Его удивило, что, убив человека, он не испытывает ни раскаяния, ни каких-то иных чувств: нервного потрясения, жалости, сожаления, о которых читал в книгах. Нет. Ничего подобного. Правда, не ощущалось и сладостного удовлетворения местью от того, что наконец-то он рассчитался за гибель друга и надругательство над малышкой. Он был удивительно спокоен — это даже насторожило: неужели настолько очерствел и, лишив жизни, пусть негодая, подонка, но все же человека, не ощущает никаких эмоций.

А ведь, помнится, совсем недавно, возвращаясь из пригорода, торопясь побыстрее добраться до квартиры О'Нейли, он наехал на перебегающего дорогу козленка и чуть-чуть не заревел от жалости. Теперь же было полное безразличие, словно он не совершил самое настоящее убийство, а походя швырнул в урну окурки.

Сзади показался желтый свет фар, с надрывом заурчал мотор. Грег юркнул в парадное и затаился. Автомобиль — развозящий хлеб фургон — прогрохотал мимо. Фрэнк покинул подъезд, распахнул плащ и неторопливо побрел по тротуару.

ГЛАВА IX

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Домой Фрэнк возвратился поздно. Настроение было препротивное, но совет, данный Майком, — покопаться в делишках Робинсона — вселил надежду, среди мрака,

окутавшего загадочное происшествие, засветился, словно светлячок в дремучем лесу, крошечный огонек, к которому он, Фрэнк, и собрался продираться сквозь шипы и непролазные завалы. Он сразу позвонил Джин. Не дождавшись ответа, повесил трубку, отключил телефон, прошлепал босыми ногами в ванную и встал под душ. Грег любил перед сном поплескаться под упругими освежающими струями, включая автомат, чередующий подачу то холодной, то горячей воды, что всегда благотворно действовало на нервную систему. Выскочив на резиновый коврик, насухо растерся мохнатым полотенцем, проглотил пару патентованных таблеток снотворного и завалялся спать.

Когда Фрэнк открыл глаза, сквозь неплотно задернутые шторы пробивались яркие лучи солнца, в них, золотясь в воздухе, реяли пылинки. «Видно, хозяйка в мое отсутствие не утруждала себя уборкой», — подумал он и, покосившись на будильник, обнаружил, что уже девять. Грег быстро, по заведенной еще во время жития у Кребсов привычке сделал зарядку, принял душ, наскоро прожевал бутерброд с ветчиной, запив его чашкой кофе с молоком, захватил «Поляроид» — автоматический фотоаппарат и выбежал на улицу.

Он намеревался побывать на местах происшествий: в церкви, помещении выставки цветов и театре. Осмотреться в обстановке, опросить очевидцев, а если уж очень повезет, обнаружить что-либо, проливающее свет на события предыдущей недели.

Фрэнк возвратился, не чувствуя ног от усталости, после полудня. Как он и ожидал, осмотр и беседа с несколькими на редкость бестолковыми и болтливыми свидетелями дали очень мало, но все же кое-что узнать удалось. Большинство очевидцев — это были самые разные люди по характеру и общественному положению — в результате сводили весь разговор к деяниям каких-то сверхъестественных сил. А методистка с выставки — средних лет экспансивная особа в очках, кото-

рые закрывали пол-лица, так и заявила: перед событием она видела какие-то бесплотные тени, и вели они себя очень подозрительно. Как Грег ни бился, пытаясь выяснить, в чем же заключалась эта подозрительность, путевого ответа не получил.

Грег никогда не анализировал материал по частям, вернее, не делал никаких выводов в процессе следствия. Он, как его учил Хитрый Опоссум, старался сначала собрать побольше, не разделяя сведения на важные и второстепенные, и, когда, по его мнению, накапливалось достаточно, уединялся, отрешаясь от всех связей с внешним миром, и приступал скрупулезно раскладывать «по полочкам и кучкам» все, что у него имелось.

Вот и сейчас заполненный записями блокнот и вынутые из бокса фотоаппарата уже обработанные снимки он сложил в большой бумажный конверт и, написав на нем: «Церковь, выставка, варьете», запер в ящик стола. Да, набегался он сегодня, словно спортсмен-марафонец.

На кухне, вытащив из холодильника расфасованные припасы, он быстренько приготовил еду. Из пакета с замороженным овощным супом, пары готовых нежно-розовых бифштексов и банки пива получился неплохой обед.

Когда он закладывал грязную посуду в мойку, в передней раздался звонок. Фрэнк положил тарелки на кухонный столик, вытер руки полотенцем и побежал открывать.

На пороге стоял полицейский с большим серым паке-том, перетянутым шпагатом и опечатанным сургучными печатями. Увидев Грега, он, почтительно откашлявшись, спросил:

— Мистер Грег?

— Да, это я,— ответил Фрэнк.

— Простите пожалуйста, удостоверение, если не затруднит.

Фрэнк вернулся в комнату, вынул из кармана пиджа-

ка, висевшего на спинке стула, визитную карточку и показал полицейскому.

— Все правильно,— полисмен протянул пакет,— от инспектора Кребса. Извините еще раз. Всего вам доброго.

— До свидания.— Фрэнк захлопнул дверь, прошел в комнату и поместил пакет туда же, где лежал конверт. Затем он полистал записную книжку, отыскивал нужный номер и, усевшись с ногами в кресло, позвонил.

Длинные нудные гудки в трубке навевали сон. Он уже начал терять терпение, когда где-то далеко низкий, чуть заспанный мужской голос недовольно произнес:

— Я слушаю.

— Извините, Кинг, я, наверное, разбудил вас, это Грег.

— Разбудили, ну да ладно, все равно пора вставать. Слушаю вас, шеф.— Голос постепенно зазвучал бодрее.

— Необходимо немедленно досье на Дика Робинсона.

— Химика?

— Да. Причем меня не интересуют отдельные темные места или компрометирующие документы. Важно все: жизнеописание, окружение и желательно поподробнее. Дело весьма срочное.

— Детей у него нет?

— По-моему, нет.— Фрэнку было известно, что Кинг не сообщит никаких сведений на человека, если у него есть дети до шестнадцати лет.

— Вам навечно или временно?

— Конечно, временно — дней на семь-десять, не больше.

На другом конце провода молчали.

— Вы меня слышите, Кинг? — спросил Фрэнк.

— Да, шеф, слышу. Я обдумываю, что именно вам представить и сколько с вас запросить?

— Давайте все, что есть, в цене, надеюсь, сойдемся. Я не жадный, идет?

— Хорошо, шеф.
— Когда я смогу получить документы?
— Сегодня вечером. Доставить их вам в контору?
— Нет, домой, и желательно так, чтобы ни одна душа не пронюхала.

— Договорились, мистер Грег, все будет сделано.
— Тогда до встречи.— Фрэнк повесил трубку и, развалившись в кресле, вытянул ноги. Он очень устал. После сытной еды клонило ко сну, хотелось полежать, отдохнуть, отключиться и ни о чем не думать.

За окном на облезлой акации дрались воробьи. Снизу, по коричневому морщинистому стволу, прильнув к нему пушистым белым брюхом, приоткрыв красную зубастую пасть, крался пятнистый котик.

Грег видел, как кот, когда грозило, что беззаботно чирикающие пичуги его увидят, замирал и закрывал глаза. «Вот хитрая шельма»,— подумал он.

Несмотря поднявшись, Фрэнк направился в спальню, сбросил одежду и, укрывшись мягким и легким одеялом из верблюжьей шерсти, в блаженстве растянулся на постели. Несколько минут спустя он уже крепко спал, обняв руками большую и плоскую подушку.

Проснулся Грег от непонятного дребезжанья, точно в серванте звенела посуда, когда по мостовой проносится грузовик. Он сел и, словно пытаясь стряхнуть сон, завертел головой. В комнате плавали тени, на потолке высвечивались большие оранжевые квадраты — уличные фонари отражали оконный переплет. Дребезжанье смолкло, но несколько секунд спустя настойчиво повторилось. Фрэнк вскочил и лишь теперь сообразил — звонят в прихожей.

Он сунул ноги в домашние туфли, зашлепал в коридор и распахнул дверь.

Вошел высокого роста, кряжистый, почти квадратный мужчина в темном плаще, очках и берете.

— Добрый вечер, шеф. Я принес то, что обещал.

— Привет, Кинг. Вы, как всегда, обязательны. Набросьте пять процентов за пунктуальность,— засмеялся Грег.

— Ловлю вас на слове, у меня не заржавеет.— Он протянул плоскую черную папку на «молнии».— Здесь все, что нужно. Мне кажется, подробнее о себе не расскажет на исповеди всевышнему и сам мистер Робинсон, кость ему в гортань.

— Спасибо. Выпишите счет и подайте мисс О'Нейли.

— Благодарю вас, шеф. Я больше не нужен?

— Нет, Кинг, спасибо. До свидания.

— Всего доброго.— Человек повернулся и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

* * *

Очень странным человеком был тот, кого называли Кингом — настоящего имени его никто не знал.

Еще в начале работы Грега в «Гуппи» в одной из бесед, когда дело коснулось обстоятельств, связанных с информацией о весьма влиятельном лице, Бартлет объяснил, что лучшим поставщиком подобных сведений является старающийся всегда оставаться «за кадром» некто Кинг, и поведал его историю.

Казалось, на планете не существовало никого добрее этого полного, веселого и жизнерадостного учителя начальной школы. Больше всего на свете он любил детей вообще и своих двух дочек-близнецов, в частности, увлекался фотографией и радио. Вот уж кого поистине можно было назвать отрешенным от всего житейского, кроме мира малышей, и это картавое племя платило ему бескорыстной и преданной признательностью. Не чаял он души и в своей миловидной, застенчивой и не в пример ему хрупкой супруге. Жили они подобно многим мелким служащим: копили на домик, покупали в кредит, рассчитывая каждый цент, никогда не роптали, надеясь на лучшее.

Во время кризиса учитель, как и тысячи прочих, потерял работу — школа закрылась. Что только не делал Кинг, пытаясь найти хоть какое-нибудь место! С рассветом он уходил из дома и до наступления темноты обивал пороги десятков учреждений, контор и фирм. Тщетно. Один за другим являлись судебные исполнители, приобретенное в рассрочку уплывало, как если бы река потекла вспять. Аннулировались взносы, увозились вещи, нависла угроза выселения из квартиры. Для того чтобы извернуться и содержать семью, бывший учитель готов был пойти на все, вплоть до заклада, если бы это было возможно, души дьяволу. И он ухитрился заложить се — злая доля превратила Кинга, а он обладал недюжинной физической силой, в вышибалы дома свиданий. Легче, пожалуй, можно бы было вообразить слона, танцующего адажио, чем Кинга в роли зубодробителя челюстей подгулявших сластолюбцев. Но ничего иного не оставалось — долги, и весьма большие, не только имелись, но и росли, словно грибы после теплого летнего дождя. Проституция официально запрещалась — на открытие домов терпимости патентов не давали, однако предприимчивым «мадамам» никто не препятствовал вести свое дело под вывесками финских бань, косметических салонов, ночных клубов и других «безобидных» заведений.

В одном из них за грошовое жалованье по иронии судьбы и очутился бывший воспитатель детишек. Дальнейшие события развивались как в слезливой бульварной мелодраме, описанной на разный манер в сотнях фривольных повествований.

Фрэнк поначалу отнесся к рассказу Бартлета скептически, ему показалось, что он его сотни раз слышал в различных вариантах с иными героями и действующими лицами.

Однажды — на третий или четвертый день работы — среди посетительниц — тривиальная история — Кинг увидел свою жену, которая направлялась в кабинет с клиентом. Однако дальше все происходило не так, как того

требовал закон подобного жанра: не было ни душераздирающих сцен, ни благородно-трагических монологов, ни тем более леденящих кровь убийств.

Кинг, захватив близнецов, исчез.

Где он пропадал несколько лет, никто не ведал, да и какое дело обывателям до несчастного неудачника. Он вернулся так же неожиданно, как и исчез, разница лишь в том, что, бежав от кредиторов без гроша, возвратился с деньгами и, болтали, с немалыми. Кинг разыскал жену, расплатился с долгами, и семья поселилась в собственном маленьком коттедже.

Когда Бартлет встретился с ним, это был абсолютно другой человек, куда девалось все прежнее — перед ним сидел мрачный, неразговорчивый и злобный циник. Из конфиденциальной беседы шеф узнал: стезей тот выбрал своего рода коллекционирование человеческих пороков, слабостей и грешков более-менее знаменитых или известных людей, совершенно не важно, премьер-министр это или модная певичка из кабаре, находящаяся на содержании у финансового воротилы, важным считалось лишь то — могли ли они платить за сокрытие своих «погрешностей» деньги и быть бездетными, вернее, не иметь детей моложе шестнадцати. Досье Кинга располагало внушительным количеством материалов, и в делах фирмы он сделался человеком пужным, более того — необходимым.

Надо отдать должное: сам Кинг шантажом никогда не занимался, предоставляя за солидную плату делать это отвратительное дело другим, совершенно не интересуясь, что за этим последует: семейная трагедия, крах карьеры или самоубийство.

Он быстро богател, подобная продукция имела бойкий спрос, да и пищи для пополнения экспозиции было предостаточно. Чем больше рос счет в банке, тем, казалось, скупее и безжалостней становился Кинг. Он ничего не жалел для семьи, ограничивая лично себя даже в самом необходимом. Такое поведение удивляло многих,

но Хитрый Опоссум пронюхал — у бывшего учителя была идефикс: он мечтал накопить столько денег, сколько потребовалось бы на покупку небольшого, в пять-шесть квадратных миль, острова где-нибудь в Скандинавии или южных морях, куда бы он мог отправиться с женой и детьми подальше от грязи и мерзостей человеческой цивилизации. Это стало его целью в жизни, и он шел к ней, не считаясь ни с чем, через все преграды, жестоко мстя людям за поруганную любовь, за страдания и унижения, полученные когда-то самим.

Грег всегда поражался, как в этом человеке уживались рядом такие несовместимые понятия, как любовь к детям и ненависть к взрослым, доброта и злоба, щедрость и жадность, честность и порядочность со столь постыдными делами, которые ему приходилось совершать для осуществления своей химеры. Это не укладывалось в голову, и, подобно большинству, он решил — Кинг просто-напросто свихнулся, явно не в своем уме и его одержимость не что иное, как психическое расстройство.

Вот каким человеком был тот, кто доставил досье Дика Робинсона.

«Теперь можно заняться сортировкой документов», — подумал Фрэнк и отнес папку в комнату.

Одевшись, он выпил кофе, зажег лампу, разложил на столе собранные материалы и углубился в их изучение, время от времени делая записи в блокнот.

Работал Грег до глубокой ночи, пока не почувствовал, что окончательно отупел, в глазах замелькали розоватые искорки и зашумело в ушах. Хватит. Фрэнк отложил шариковую ручку, провел ладонями по лицу и потянулся в кресле, выгнув спину так, что затрещали позвонки. Теперь он мог привести все свои и чужие наблюдения в более-менее стройную систему и, хотя бы эскизно, в первом приближении, определить направление дальнейших поисков.

Кое-что вырисовывалось весьма отчетливо.

Майк был прав, советуя обратить внимание на химического магната. Получалось: Дик Робинсон действительно изрядно «нахимичил» за свою весьма короткую жизнь, и если не самую разгадку преступления, то уж причины его, без сомнения, искать надо именно здесь. События, о которых рассказывал Кребс, тесно связаны с именем Дика Робинсона.

Пошатываясь от усталости, Фрэнк проковылял в спальню и рухнул на кровать.

Едва первые лучи солнца высветили комнату Грега, он уже был на ногах. Плотнo задернул шторы, в рубашке, спортивных брюках и тапочках на босу ногу уселся за стол.

Итак, оставалось подвести итог проделанной работе.

По его заметкам в блокноте получалось: во всех случаях со странным раздеванием обязательно присутствовал или Дик Робинсон, или его молодая и, по отзывам прессы, очаровательная супруга. Не говоря уже о происшествии в храме, где им обоим отводилась главная роль, они были и на выставке экзотических растений, и в вальсе на обозрении под интригующим названием «Небесные русалки». Из этого само собой напрашивался вывод: это не просто совпадение, а закономерность, кому-то, пока неизвестному, нужны были именно они, а следовательно, и искать таинственных злоумышленников следует среди лиц, окружающих химического воротилу.

Грег снова придвинул черную папку-досье и перевернул первую страничку.

* * *

Дональд Робинсон, родные и особенно близкие звали его Дик, родился на юге в очень богатой семье. Единственный сын владельца нескольких заводов по производству химических удобрений. Рос, как и все дети его круга, не зная ни в чем отказа. Мотоциклы, а затем и

машины, моторные лодки и яхты, пикники и путешествия были для него так же обычны, как мелкие дополнения к костюму для простых людей. Однако ни в каких неблагоприятных проступках или скандалах, столь свойственных «золотой молодежи», подпадающих под статьи закона, не замечен. Больше того, отличался трезвостью суждений, в характере, несомненно, рациональное превалировало над эмоциями. Однако не слыл пуританином — имел несколько связей с замужними женщинами и девицами легкого поведения. Ни близких друзей, ни подруги или каких бы то ни было привязанностей. Скорее замкнутый, чем общительный. Не отличался расточительством или склонностью к мотовству.

В восемнадцать лет поступил в университет, одно из привилегированных учебных заведений, где занимался на химико-физическом факультете. Успехами похвастаться не мог. Здесь сблизился, а впоследствии и подружился с сыном одного из профессоров медицины — Робертом Смайлсом, которого все звали Роем, одногодком Дика, серьезным, вдумчивым и талантливым студентом, единственным, кто получал особую стипендию. В этом месте Фрэнк сделал пометку в блокноте — уточнить, не тот ли это Р. Смайлс, статьями которого о генной инженерии, работе над «запрограммированными людьми», совместимости тканей и телепатии восторгался когда-то Бартлет.

Трудно сказать, кто на кого больше влиял, скорее всего это было обоюдно, так как в дальнейшем и у того и у другого произошло постепенное «сглаживание углов»: Дик начал отходить от обычных студенческих проделок и «шалостей», а Рой приобщаться к ним. Скоро молодые люди стали неразлучны, появилось что-то похожее на дружбу, несмотря на явное, резко бросающееся в глаза различие характеров. В конце концов в оригинальных студенческих работах Смайлса все чаще и чаще стало появляться имя Робинсона, сначала в роли помощника или ассистента, а затем и соавтора. Огмечалось: Смайлс

параллельно с основным посещал биологический и медицинский факультеты, где тоже проявил отменные способности.

К пятому году обучения оба стали завсегдатаями уже не баров, кафе и ресторанов, а университетской и городской библиотек. В одной из них они и познакомились с первокурсницей Кристиной Хупер, шведкой по национальности, дочь средней руки судовладельца, вице-президента Скандинавской морской компании.

С этого момента они начали появляться втроем, однако юная Кристи отдавала предпочтение Рою, а к окончанию учебы — он защитил сразу три диплома — их официально считали женихом и невестой.

Грег отодвинул папку и из небольшого фиолетового, с синими разводами водяных знаков конверта вытряхнул на стол несколько фотографий.

Снимки были сделаны, когда мужчинам едва исполнилось по двадцать два, двадцать три года, то есть перед их выпуском.

У Роя вытянутое треугольное, немного скуластое лицо, узкие, но не маленькие глаза, прямой нос, небольшой рот с тонкими губами, небольшие залысины на высоком и гладком лбу. В выражении лица что-то мягкое, лирическое, меланхоличное.

Внешность Дика в корне отличалась от внешности друга. Лицо почти прямоугольное, брови вытянутые в одну линию, сходящиеся у переносицы. На лбу две резкие вертикальные складки. Упрямый, слегка тяжеловатый подбородок. Короткие жесткие, стоящие ежиком, волосы. Чувствовалось даже по снимку — этот человек напорист и целеустремлен и уж, будьте уверены, добьется своего во что бы то ни стало и сумеет постоять за себя.

Кристина Хупер выглядела обыкновенной милой и хорошенькой девушкой, с точеным, слегка обсыпанным веснушками носиком, с пушистой, растрепанной мальчишеской прической. Очевидно, легкого, веселого и озорного нрава. На фотографии ее красивого рисунка губы

тронула улыбка, на щеках обозначились ямочки, глаза излучали еле-еле сдерживаемый задор, однако что-то в них было настороженное или подозрительное. Грег замечал: обычно такое выражение бывает у людей с еще не устоявшимся, но в изначалии своим твердым характером. На снимке ее безупречную спортивную фигуру облегал белый теннисный костюмчик. Она стояла, облокотившись на стойку сетки, прижимая к груди ракетку.

Грег вложил фото в конверт и снова приступил к досье.

За несколько дней до защиты диплома Робинсон-старший утонул на отдыхе на островах, где ему принадлежала не только собственная вилла, но и личный пляж. Мать Дика умерла, когда ребенку не исполнилось и года, от рака желудка.

Робинсон-младший, узнав о несчастье с родителем, прервал учебу и вылетел на похороны. Защиту диплома он так и не завершил — пришлось возглавить огромное дело.

Само собой разумеется, после окончания университета Дик пригласил Роя работать к себе — он реконструировал производство, и теперь удобрения занимали в нем самое незначительное место, основной продукцией стали пластики, пластмассы и оборудование для химической промышленности. Для Смайлса создали специальную лабораторию.

С первых шагов самостоятельной деятельности оба значительно преуспели: один на административно-коммерческом поприще, другой — на научном. Однако тут в сведениях чувствовался пробел — не было ясно, над какими же проблемами трудился Смайлс.

Вскоре кончилась учеба и молодой шведки. Опять же само собой разумеется, она приехала к ним и поселилась в квартире жениха. Однако интимной близости между ними не отмечено.

Спустя неделю после ее прибытия стены предприятия

потрясли весьма неприятные события, они сразу выплеснулись не только за высокую ограду концерна, но и на страницы местной и центральной прессы. При монтаже уникальной лазерной установки, которую konstruировал Рой, обнаружили хищение крупных алмазов; кто-то ловко заменил их обыкновенным хрусталем. Дело приняло такой оборот, что Смайлс предстал перед лицом правосудия с обвинением в краже драгоценных камней большой стоимости.

Дик развил бурную деятельность по реабилитации приятеля. Нанял самых дорогих и модных адвокатов, снял иск предприятия к Смайлсу, внес огромный залог и взял его на поруки. В конце концов дело прикрыли, а вернее, замаяли, но работать здесь Рой уже не мог.

Через месяц, оставив квартиру невесте, он уехал в Египет в археологическую экспедицию знаменитого знатока древностей профессора Эдвина. Далее следовал опять пробел, ибо трудно понять, чем же мог заниматься медик-химик-биолог в лаборатории археологов и палеонтологов.

Находясь на раскопках, он редко писал своей любимой — она работала в той же лаборатории, где он трудился раньше.

Не прошло и года, как из Александрии прибыло скорбное сообщение: во время обвала свода одной из гробниц Рой Смайлс погиб, и указывалось место захоронения.

Минуло около двух лет.

Дик и Кристина объявили о своей помолвке в разделе светской хроники городской газеты — пожелтевшая вырезка прилагалась, — а ровно через год состоялось бракосочетание, во время которого и приключилась эта история.

Вот и все.

Материала вроде бы и много, но никаких подходов, связей, зацепок или ниточек Грег пока не видел. И казалось, вообще все обрубается, как удар топора по ка-

нату идущей на буксире баржи,— единственный человек, который мог в какой-то мере пролить свет на происшедшее или хоть бы косвенно навести на след — в этом Фрэнк ни на минуту не сомневался — был мертв.

Все остальные люди, имеющие деловые или иные связи, контакты с Диком Робинсоном или его женой, не представляли почти никакого интереса.

Последним документом были несколько вырванных из журнала страниц. Перед Грегом лежала статья «Проблемы генной инженерии». Прочитав ее, он понял — это одна из упоминаемых Бартлетом работ. Роберт Смайлс поднимал в ней вопросы, связанные с «выращиванием» людей, наделенных суммой уникальных качеств.

Больше в досье ничего не было.

Грег досадливым движением захлопнул папку. Можно ставить на этом деле жирную и безнадежную точку, но сделать это не поднималась рука. Подсознательно, интуитивно, не отдавая себе отчета почему, он смутно скорее ощущал, чем догадывался: использованы еще не все возможности. В частности, он ничего не знает о периоде почти в три года, когда Рой работал и скончался где-то у черта на куличках в экспедиции; о темах его исследований у Робинсона. А ведь везде вокруг были люди, он жил, общался с ними, разговаривал. Наконец, могли сохраниться какие-то записи, дневники или еще что-либо. Пусть сам Рой погиб, но другие живы. Даже если Грег и ничего не узнает, то не использовать эту возможность было бы несерьезно.

А поэтому и напрашивается решение: не медля ни минуты, мчаться в аэропорт и вылетать в резиденцию профессора Эдвина.

Фрэнк позвонил в бюро транспортного сервиса, заказал билет на ближайший самолет, заодно дал заявку забронировать одноместный номер с ванной в гостинице в Александрии и начал собираться в дорогу...

ПРОФЕССОР ЭДВИН

Грегу приходилось летать часто — в фирме незыблемо соблюдался девиз: самый большой капитал — время. Он привык наблюдать обычную картину: самолет отрывался от летного поля, круто набирал высоту, пробивал полог облаков и парил над ними, словно над бесконечными снежными равнинами Ледовитого океана. Сейчас все выглядело по-другому. Облаков не было вообще, и серебристая машина маленькой черточкой зависла между белесым небом, с почти белым шаром солнца и плоской, каменисто-твердой поверхностью...

Когда Фрэнк ступил на верхнюю площадку трапа, сго со всех сторон, словно в сауне, облепил зной. Зудящая струйка поползла между лопатками к поясу. Он снял и сунул в портфель галстук, расстегнул ворот рубашки и водрузил на нос темные очки. Следовало торопиться, сегодня истекал уже пятый день расследования, он прекрасно помнил: в активе осталось всего двое суток, поэтому, не засажая в гостиницу, Грег решил наведаться к профессору домой. Ему было известно — ну как не вспомнить с благодарностью сервис-бюро: Эдвин сейчас здесь и перед следующей экспедицией отдыхает.

Достать автомобиль не составило труда — десятки припудренных пылью машин томились на залитой солнцем стоянке.

Не прошло и получаса, как такси — разбитый, дребезжащий, словно схваченная на живую нитку проволокой арба, допотопный «форд» — остановилось перед стоящим за невысокой, точно сделанной из алебаstra решеткой двухэтажным домиком, похожим на кусочек пилевого рафинада, что подают к кофе. Фрэнк расплатился с носатым и нагловатым, все время болтающим шофером и направился к дому. От изгороди к двери вела хорошо утрамбованная дорожка из битого кирпича, обсаженная

по краям стройными, низкорослыми кипарисами. Над входом уныло провисла бело-голубая полосатая маркиза. Грег поднялся по каменным ступенькам и позвонил.

В доме несколько раз громко и басовито гавкнула собака. Фрэнк еще раз нажал на кнопку — никакого результата, но появилось неприятное впечатление, что по всей его фигуре скользит чей-то пристальный, давящий взгляд. Он огляделся — нигде никого, даже улица в этот жаркий час пустынна в оба конца и тиха, да и сам воздух, струящийся над шоссе, казалось, не способен пропустить никаких звуков. Грег отошел влево и поднял голову вверх.

Из окна второго этажа сквозь пластик жалюзи на него смотрели глаза. Именно одни широко расставленные глаза-угли, которые, казалось, просто висят в пространстве отдельно от прочих человеческих атрибутов. Фрэнку стало не по себе. Он, будто пытаясь спастись от этого гипнотизирующего взгляда, юркнул под маркизу и снова долго позвонил.

В доме раздались тяжелые размеренные шаги, скрип половиц, и глухой бас пророкотал:

— Входите! Не заперто. Дверь открывается наружу. Звонок не работает.

Грег осторожно потянул на себя изогнутую, наподобие змеи, ручку. Сразу на него пахнуло прохладой и каким-то неповторимым запахом — так летом пахнет в полутемных залах исторических музеев.

За дверью был холл, в нем несколько сплетенных из рисовой соломы кресел. Пол устилала золотистая папирусовая циновка. Справа спиралью на второй этаж вела широкая лестница с массивными деревянными перилами. На ее верхней площадке стоял высокий роста и могучего сложения человек в защитного цвета рубашке с короткими рукавами и распахнутым воротом и шортах. Взглянув на него, Грег попятился и, зацепившись за порог, чуть не свалился на пол.

Голый череп и лишенное какого-либо выражения лицо незнакомца поразительно напоминали маску Фантомаса, только не мертвенно-белую, как в одноименном приключенческом фильме, а бронзовую. На ней выделялись словно подсвеченные изнутри глаза. На вид ему было лет сорок пять—пятьдесят, не больше. У ног гиганта, обутых в римские сандалии, по обеим сторонам стояли, готовые к прыжку, два огромных черных дога. С точно такими же, как у хозяина, глазами в красноватых глазницах. Из разинутых клыкастых пастей свисали длинные синие языки, на них, как яд на зубах кобры, висели прозрачные капельки слюны.

— Кто вы такой? — рявкнул человек. Это было сказано так властно и громко, что по холлу прокатилось эхо. Фрэнк даже присел. — Что вам надо?

— Я владелец частной детективной конторы «Гуппи», — заикаясь, начал Грег, и ему стало противно за свой заискивающий тон.

— Ну и что? — громыхнул гигант.

— Мне нужно видеть профессора Эдвина.

— Зачем?

— Я хочу задать ему несколько вопросов — это ненадолго, не бойтесь.

— Мне? Бояться? Ха-ха-ха!

Это звучало скорее как ух-ух-ух, ибо уловить, откуда неслись звуки, было невозможно. Создавалось впечатление — они возникли в углах комнаты и столкнулись в пространстве, в ее середине.

У Грега засосало под ложечкой, так эта жуткая сцена напоминала кадры из того дурацкого фильма. Он прикрыл глаза и снова открыл, чтобы убедиться, действительно ли это, а не в кошмарном сне.

— Да стоит тебе, сморчок, жалкий лягавый, — гремел голос, — хотя бы шевельнуть твоими сволочными руками, — так Грег впервые услышал этот эпитет, — как Рекс и Джерри отхватят их по локоть.

— Я не полицейский, а частный детектив, — все еще

подобострастно пролепетал Фрэнк.— Если вы отзовете собак, я предъявлю свою карточку.

— Ха! Карточку? Впрочем, валяй — это становится забавно. Рекс! Джерри! Место!

Собаки одновременно сели и с лязгом захлопнули рты.

— Ну? — Человек улыбнулся, и мгновенно произошла удивительная метаморфоза — Фантомас исчез, появился добродушный, с лукавинкой, фермер с кукурузных плантаций.— Я Эдвин, выкладывайте, что у вас. Прошу прощения за небольшой спектакль — это мое хобби — проверять повичков, да и скучно без работы. Можете пройти и сесть в любое кресло.

«Ничего себе шуточки»,— подумал Грег, смахнул со лба испарину, боком, вдоль стены прошмыгнул в холл и опустился в кресло у легкого столика из круглых деревянных палочек с фанерной столешницей. Однако после того как с профессором случилось столь любопытное перевоплощение, он сразу почувствовал себя легко и свободно.

Эдвин, неторопливо передвигая крепкие ноги, спустился вниз и тоже сел. Кресло жалобно, будто вот-вот развалится, заскрежетало под его грузной фигурой. Собаки наверху тоже собрались последовать за хозяином, но он так взглянул на них, что псы тотчас улеглись, положив на вытянутые лапы квадратные морды.

— Что же привело вас в такую даль? Уж не любовь ли к фараонам и их гробницам? Позволю заметить: я не консультирую сыщиков. Я специалист по археологии, палеонтологии. Могу добавить, неплохо разбираюсь в астрономии и геологии.

— Извините, профессор, но года три назад у вас в экспедиции работал некто по имени Роберт Смайлс.

— Никогда у меня не числилось такого сотрудника,— отрезал Эдвин.

— Этого не может быть — он погиб во время обвала при одной из раскопок. Припомните, пожалуйста.

— Если у меня не было такого субъекта, то, естественно, он не мог погибнуть. Это же ясно, как дважды два, тем более, увидев раз человека, я запоминаю его надолго. Разумеется, в нашем деле не обходится без несчастных случаев, но Роберт Смайлс у меня не только не занимался раскопками, но и не погибал. Это абсолютно точно.

— Одну минуточку.— Грег открыл портфель и вынул из конверта фотографию.— Вам никогда не приходилось видеть раньше это лицо?

— Дайте взглянуть! — Эдвин взял снимок, пристально посмотрел на него и небрежно бросил на стол.— Не морочьте мне голову своим Робертом Смайлсом или как там его. Здесь изображен Чарлз Смит. Человек, которого к археологии нельзя подпускать на пушечный выстрел. Более никчемного сотрудника мне не приходилось встречать за все мои шестьдесят лет скитаний.

— За сколько? — привстал Фрэнк.

— За шестьдесят. Не удивляйтесь, сейчас мне восемьдесят три. Но продолжим об интересующем вас индивидууме. Вместо того чтобы заниматься делом, он возился дни и ночи напролет с какими-то сволочными вонючими пробирками, сволочными жидкостями и непонятными приборами. Да и погиб-то по-сволочному — не как все, а по собственной халатности, за каким-то бесом забравшись туда, где ему и делать-то было нечего, ибо, как мы говорим, он был настолько невежествен, что путал Геру с гетерой, а гетеру с гитарой.— Профессор заразительно засмеялся, по-детски запрокидывая голову.

— Вы говорите, имя этого человека Чарлз Смит? — переспросил Грег.

— А вы что, глухой? Я никогда не повторяю дважды то, что уже сказал. Хотите холодного пива? — неожиданно предложил он.

— С удовольствием, если вас не затруднит.

— Да не расшаркивайтесь вы, ведите себя спокойно.

Я же не так страшен, как кажусь.— Он снова улыбнулся, поднялся, подошел к стоящему у стены, отделанному полированным деревом холодильнику и вынул две банки пива.— За стаканами лень подниматься, пейте так — это даже гигиеничнее.

— Благодарю вас.— Фрэнк вскрыл банку и с блаженством приник к ее краю.

— Признаться, сначала я подумал, что вы из стаи этих оголтелых шелкоперов, которые осаждали меня целый месяц по поводу моей отповеди сволочному шарлатану от науки Берту.

— А чем вызвал ваш гнев английский ученый?

— Он такой же ученый, как я Марк Аврелий. Этот тип, желая прославиться, подобно Герострату, ударился в авантюру, но не стал поджигать храм Артемиды, а выдумал систему тестов, они якобы определяют врожденный характер умственных способностей. Начал он еще в двадцатых годах — пытался доказать, прохвост, что социальная среда практически не играет никакой роли в формировании интеллекта у индивида.

— И что же он все-таки натворил?

— Занимался подлогом. За это я его и отчитал в статье. Ссылаясь на сомнительные авторитеты, работал на руку расистам, поддерживая их сволочные измышления о неполноценности рас. Но это так, между делом, вернемся к вашему вопросу.

Профессор тоже отхлебнул несколько глотков, поставил банку на стол, вытер ладонью губы и произнес:

— Смит работал у меня около года. Скромный, незаметный, беззащитный, совершенно неприспособленный к нашей кочевой и суровой жизни парень. Он ни с кем не дружил. Не пил и не заводил любовных интрижек. Был замкнутым, но не озлобленно надменным. Нет. Скорее его тяготили, словно идефикс, не вполне еще объяснимые и навязчивые мысли. Создавалось впечатление, что он мучается какими-то, только одному ему известными

ми и доступными проблемами. Как я уже рассказывал, он постоянно торчал у себя и колдовал над какими-то аппаратами, колбочками и баночками. Как ни странно, в небольшом коллективе все на виду, но о нем, о его прошлом никто ничего не ведал, да, по правде сказать, этим и не интересовались — своих забот хватает.

Скажу откровенно, иногда я ловил себя на том, что он читал мои мысли. Особенно когда Смит включал свои аппараты. Уж очень неприятный у него появлялся взгляд — все знаю, все мне подвластно.

Погиб он действительно не по-людски. Мы раскопали свод усыпальницы Рамзеса II, как предполагали, не разграбленный кочевниками. Его поставили на сортировку находок. Нашли тогда много интересного, представляющего исключительную научную ценность. Да, это как раз случилось после того, когда кто-то выломал алмазы из глаз статуэтки жены фараона.

— Вы говорите, у вас тоже пропали алмазы? — восторнулся Грег.

— Почему тоже? Древние в глаза скульптур вставляли драгоценные камни. И мы обнаружили несколько таких изваяний. Правда, никто с точностью не мог сказать, украли алмазы или они вывалились сами. Но у четырех глаз не хватало, образно говоря — зрачков. Если вы намерены заподозрить в этом покойника, то зря. Его, насколько я знаю, интересовали в основном химия, какие-то непонятные поля и одежда.

— Одежда? — Фрэнк даже подскочил.

— Да, именно она: одеяние мумий, материал пеленаний, покрывала и тому подобное. Над ними-то, мне думается, в последнее время он и колдовал со своими ядовитыми реактивами, склянками и транзисторами.

Диву даешься превратности людских устремлений. Имея несомненное призвание к физике, химии и тряпкам — прямая дорога стать владельцем химчистки, а нет, его потянуло не к сальным пятнам на фраках и смо-

кингах, а к «белым пятнам» в археологии. Нонсенс или перст божий?

— А какого вы вероисповедания, профессор?

— Я атеист, но сторонник учения Николая Казанского.

— Извините, кто это?

— Теолог и философ позднего средневековья. В центре его доктрины диалектическая идея о равнозначности противоположностей. Это осуществляется в божестве, понятом как бесконечная сфера, центр коей повсюду, а поверхность нигде. Короче, все народы исповедуют единую веру, но под видом разных культов. Выражаясь по-нашему: «Всяк сходит с ума по-своему».

— А как произошел обвал? — оборвал мысль профессора Грег. — Вы не можете рассказать поподробнее?

— Отчего же. Я это прекрасно помню. — Профессор отхлебнул глоток пива и продолжил: — Меня разбудили под утро — всю ночь хлестал ливень — и сообщили: рухнул свод, ведущий в усыпальницу. На месте события собрались все члены экспедиции, кроме Смита. Так мы впервые обнаружили, что его нет. Когда же убрали завал, нашли изуродованный труп, по одежде и цвету волос опознали в нем Чарлза. В его сумке лежало несколько писем с адресом какой-то женщины, ей-то и отправили извещение о гибели.

— Вы не помните ее имя?

— Нет.

— Не Кристина Хупер?

— Не берусь утверждать. У меня хорошая память лишь на лица. Желаете еще пива? А может быть, коньяк?

— Благодарю, я не пью крепких напитков.

— Похвально, среди современной молодежи это редкость, сейчас даже девицы хлещут, словно сволочные менады Диониса.

— Вы не замечали за Смитом каких-нибудь отклонений от нормального поведения в людском, обывательском, что ли, понимании?

— Нет. К тому, что я уже сказал, добавить нечего. Весь его уклад мне казался сплошным отклонением, сплошной несуразностью и ненормальностью. Но, простите меня, часто люди считают других не в своем уме потому, что те выходят за границы принятых в их кругу стандартов, выглядят чужаками в силу обстоятельств. Скажу короче — в археологии он был, несомненно, белой вороной, но не исключая, что, скажем, в другой отрасли мог стать орлом. Как сказал мудрый старик Эйнштейн, все в мире относительно. Кстати, вы не обратили внимания на левую переднюю лапу Рекса?

— Нет, а что?

— Ему ее напрочь отхватил бульдозер. А Смит смог пришить, и не собачью, а от красного волка. И ничего: бегают и даже не хромают.

А дело было так. Рекс погнался за красным волком, здесь их пропасть. В пылу они и угодили под работающую машину. Хищник испустил дух, а псу расплющило в лепешку два дюйма лапы. Явился Смит, забрал собаку и волка и унес к себе в склеп — он там работал со своими сволочными механизмами, да и жил там же. Никого туда не пускал, даже меня. Хотя, по правде сказать, мне и дела не было до всех его сволочных фокусов. Недели эдак через три-четыре привел ко мне Рекса, сказал, что лапу-де пришил от того самого волка. И соврал, паршивец.

— То есть как?

— Труп того пресловутого волка я видел собственными глазами на другой день после события за барханами. Видно, его плохо зарыли, и ветер сдул песок. Все лапы были на месте. Да. Все четыре, я это прекрасно помню. А кроме того...— Профессор посмотрел на лестничную площадку, где лежали собаки и крикнул: — Рекс! Ко мне!

Пес, цокая когтями по полу, подбежал и сел против хозяина.

— Дай лапу!

В глазах дога мелькнула растерянность.

— Левую!

Собака подала лапу.

— Ну? Где шов? — Эдвин повертел лапу в руках. — Нету шва, ясно. Что же, она снова выросла? Когда была раздроблена и размочалена. А потом, что я, не отличу лапу волка от этой? Так-то вот. Что хотите, то и думайте.

— Поразительно, — удивился Грег. — Но этого же не может быть!

— Раз есть, значит, может. У нас тут и не такое бывало, я за свой век насмотрелся на разные сволочные чудеса да страсти, на несколько жизней хватит. Взять хотя бы те же пирамиды. Полстолетия вожусь с ними, а они остаются загадкой, как улыбка Джоконды. Я не говорю о разных там мифах да легендах, нет. Но ведь многое повидал сам, был свидетелем или слышал от таких моих коллег, которые не станут ни выдумывать, ни обманывать.

— И что же в них загадочного, в этих пирамидах? — с интересом спросил Грег.

— Представляете, в некоторых из них находили трупы грабителей. Казалось бы, так и надо — не кошунствуй. Но дело-то не в том. На них не было никаких признаков насилия. Ни внутренних, ни внешних. Ран, следов отравления. Словно прилегли поспать да и не проснулись. Конечно же, сразу ответ — кара божья. Но ведь мы-то с вами знаем, что никакой этой кары нет.

— А если их просто засыпало и они задохнулись?

— Исключено. Проверяли. Правда, истины ради, отметить стоит: воздух там действительно порой как в лесу после грозы, а иногда такой плотный, словно продираешься сквозь него, как через воск.

Профессор помолчал немного, будто вспоминая что-то, потом продолжил:

— Были случаи, когда вдруг ни с того ни с сего среди исследователей, проникших внутрь усыпальницы, начиналась какая-то паника, словно все с ума посходили

или наркотиков наглотались. Бегут, мечутся, орут. Столпотворение вавилонское. Потом ничего, проходило. А сколько раз мы находили буквально рассыпавшееся чуть ли не на атомы золото, а рядом какую-нибудь тряпку древнюю, которую приходилось отрубить зубилом. Однажды нашего боя-арабчонка тяпнула уэпару.

— Простите, профессор, а кто это?

— Змейка. Не приведи господь. Маленькая, но уж очень сволочная, яд ее в несколько раз сильнее, чем у королевской кобры. Выползла, дрянь, из-под саркофага — мы были в пирамиде — и цапнула. Мальчуган рухнул как подкошенный. А этот ваш Смит схватил его, потащил по полу и положил в центре.— Эдвин замолчал.

— Умер мальчик?

— Как бы не так. Минут через пять встал и пошел. Я при этом присутствовал, иначе бы ни за что не поверил, так как несколько раз был свидетелем смерти людей от укуса уэпару даже тогда, когда им почти тотчас вводили противозмеиную сыворотку.— Профессор встал и неторопливо прошелся по комнате.

Грег замер, не в силах скрыть изумления.

Эдвин остановился напротив, заложив руки за спину, медленно, словно в раздумье, произнес:

— Вы никогда не интересовались, почему с лика земного в свое время исчезли динозавры?

— Динозавры? — переспросил Фрэнк и, не подумав, добавил: — Даже здесь причастны пирамиды?

— Никоим образом,— улыбнулся Эдвин.— Их воздвигли, мягко выражаясь, чуть-чуть позже. Просто на этом явлении я бы хотел проиллюстрировать сложность современного поиска истины в науке. Вы ведь тоже ее ищете?

— В самом прямом смысле,— подтвердил Грег.

— Вы представляете себе этих милых зверюшек?

— Видел на картинках в музеях и в учебниках.

— Видеть на картинках — одно, а представить в жизни — другое. Разгуливает эдакое чудище двадцатиняти-

метровой длины, в восемьдесят тонн весом и с любопытством заглядывает в окно вашей квартиры на четвертом этаже. Именно останки таких гигантов откопали в пустыне Колорадо, у подножия Атласских гор, в Монголии. Некоторые мои коллеги утверждают — это не предел, в мезозойскую эру по планете бродили исполины в сто тонн. Динозавры господствовали на земле 150 миллионов лет. От Арктики до Антарктики ими кишели теплые болота размерами с океаны. Одни из них пощипывали травку, другие, с зубами, подобными ятаганам, раздирали своих сородичей. И вдруг 65 миллионов лет тому назад исчезли. В пластах последующих периодов истории планеты их следов нет. Напрашивается вывод — произошел какой-то сверхмасштабный катаклизм. И как из рога изобилия, хлынули гипотезы.

— По-нашему, версии,— вставил Фрэнк.

— Похоже,— согласился профессор.— Но вам надо определить, где, кто, что, зачем, когда совершил преступление, ну допустим, неделю, месяц, год назад. Так?

— В основном да.

— А если прошли миллионы веков?

— Трудновато.

— Именно. За это время мир претерпел глобальные изменения, причем всесторонние. И причины событий порой могут оказаться прерогативой наук, казалось бы, далеких от сути самого вопроса. Например, гибель динозавров и кольца Сатурна.

— Уж не они ли задушили рептилий? — с сомнением спросил Грег.

— Они навели на некоторые размышления. Христиан Гюйгенс, голландский математик и физик,— он открыл их в середине семнадцатого века,— не мог и представить, каким божьим событием сие событие. В 1977 году увидели кольца у Урана, затем два года спустя у Юпитера. По прототипу родилась гипотеза — десятки и сотни миллионов лет назад аналогичные кольца имела и наша Земля. Они состояли из тектитов — шариков в грамм ве-

сом, стеклянных оплавленных образований. Их находят сейчас на поверхности земли и морском дне. Кольца вокруг нашей планеты могли образоваться из пыли после удара о Луну крупного астероида. В лунном грунте тектиты тоже обнаружены. Кольца стали барьером для солнечных лучей. Произошло резкое понижение температуры и как результат гибель звероящеров.

— А почему же погибли не все животные, а как-то избирательно? — поинтересовался Френк.

— Логичный вопрос, но на него я отвечу несколько позже. Космические гипотезы понравились, и их начали разрабатывать. А вдруг в Землю врезался крупный метеорит? По теории вероятностей такое может случиться каждые 30—40 миллионов лет. Невероятная огромная энергия превращает его в тучи пыли. А если он был из иридия? Металл этот у нас редкость, а на метеоритах сколько угодно. Вся фауна им отравлена. Тем более в глинистых отложениях Италии, Новой Зеландии, Испании, Бразилии, Дании в пластах периода гибели гигантов иридия обнаружили в 25 раз больше, чем ниже и выше.

Но ученые очень ревнивы. Поэтому стали возникать и другие предположения. Французы заявили — на планету упал не метеорит, а хлынул дождь из жестких ультрафиолетовых лучей. Он возник в результате взрыва сверхновой звезды. Ящеров, как наиболее заметных и чувствительных к излучениям, убила радиация. Однако геохимики опровергли гипотезу, они не нашли обилия изотопов на грани мелового и третичного периода. Тем более швейцарцы высказались, что Земля-де встретилась с кометой. Та взорвалась в океане, где в первую очередь прикончила ихтиозавров, плезиозавров и прочих «моряков», а их сухопутные собратья задохнулись в облаке кометных газов. А вот теперь о вашем вопросе. Как же после столь грандиозных катастроф уцелели другие формы жизни?

— Да, именно это я хотел узнать, — подтвердил Грег.

— На него попытались ответить американцы. Они

считают: взрыв, значительно сильнее атомного, поднял такое облако пыли, которое несколько десятков лет не пропускало лучей Солнца. Стало темно и холодно. Резюме — это и явилось причиной смерти зубастых чудовищ, избалованных теплом и светом. А когда пыль осела и развеялась, все вроде бы началось сначала: растения возродились из семян, а разная затанвшаяся в трудные времена мелочь повылезала из-под слоя пыли и размножилась.

Мне думается, гипотезы — это атомы, из которых складывается молекула истины. Бывает, один атом выбивает другой, но сам в задуманное нами сочетание не входит. Синтез истины — дело хитрое. Например, астрофизик Луис Альварес заявляет: падение гигантского астероида вызвало ночь и динозавры замерзли. А геолог Сезар Эмилиани говорит, что от встречи планеты с колоссальным болидом произошло резкое потепление и звероящеры ушли в мир иной от жары. Совершенно с другого конца подошли ирландцы. Свою гипотезу они подкрепили даже экспериментом. Разумеется, для опыта динозавров не нашли и ограничились их «близкими родственниками» — аллигаторами. В отличие от большинства животных, у которых пол особи определяется генетически при оплодотворении, у крокодилов он зависит от температуры, при которой яйцо выдерживается в песке во время инкубации. Если она до 30 градусов Цельсия — вылупятся самки, а если выше — самцы. Потепление и привело к появлению одних «мужчин», что и вызвало исчезновение рода.

— А ваше мнение по этому поводу и как археолога, и как палеонтолога? — спросил Фрэнк.

— Мне лично больше по душе гипотеза профессора Форезе Карло Везеля. Он провел массу самых разнообразных исследований, проанализировал большинство предположений и сделал заключение: динозавры вымирали не 10, а 35 миллионов лет. Их постепенное исчезновение следует объяснить закономерным остыванием Зем-

ли, уменьшением площади океанов. Будучи холоднокровными, они не смогли перенести глобальных погодных изменений. Было все: пыль, темнота, взрывы астероидов, газы, кометы и жара. Но это лишь эпизоды, а главная причина кроется в сочетании изменений окружающей среды.

«Господи, ну а нам-то что до каких-то динозавров, своих забот мало?» — подумал Грег.

Словно уловив его мысленный вопрос, профессор сказал:

— Изучение этой проблемы принесло науке огромную пользу. Появились новые аналитические методики, приборы, расширился кругозор, возникли оригинальные предположения. Некоторые специалисты сейчас считают, что современные птицы произошли не от мелких ползающих, а от крупных прыгающих ящеров. То есть и канарейка, усаждающая в клетке вас пением, и курица на гриле гурмана — бывшие динозавры. Я уже не говорю о том, что, изучая далекое прошлое, мы пытаемся заглянуть в будущее. Вы, наверное, подумали: и чего разболтался старик?

— Ну что вы, — запротестовал Фрэнк. — Мне было не только интересно слушать, но и полезно. Может показаться странным, но я сделал определенные выводы в области своей профессии.

— Вы обратили внимание, в этой проблеме затронуты астрономия, палеонтология, геология, все физики, математика, химия и еще целый ряд наук. Ученому сейчас весьма тяжело. Его голова распухает от знаний и информации. Его уже не устраивает старый принцип: «Знать все о немногом и немного обо всем». Теперь требуется знать все обо всем. Этого наш теперешний мозг выполнить не в силах. Думается, и настало время усовершенствовать его самым решительным образом: повысить усвояемость, емкость информации, сообразительность, память, быстроту снятия усталости и другое. Утомил вас?

— Нисколько. А ваши выводы помогут сделать некоторые заключения о работах Роберта Смайлса или, если желаете, Чарлза Смита.

— Дался он вам. Хотя и я по-иному взглянул на некоторые его качества. В частности, вспомнил его поразительную наблюдательность — он часто замечал то, на что мы не обращали внимания. Обладал аналитическим складом ума, прекрасной памятью, способностью мгновенно менять методику поиска, интуитивно угадывать путь, ведущий в тупик. Иногда, идя от частного к общему, он вдруг молниеносно переключался на направление от общего к частному, а ведь как раз все эти перечисленные качества и должны быть присущи настоящему, большому ученому. — Он помолчал, затем неожиданно хмыкнул, хитровато улыбнулся и сказал: — А вот еще один его, вашего Смита, выкрутас. — Эдвин приблизился к тумбочке и достал из нее обычный никелированный карманный фонарик. — Взгляните. — Он протянул его Фрэнку.

Грег повертел фонарик в руках. Включил. Выключил. Недоуменно взглянул на профессора.

— Ничего не замечаете?

— Ничего. Разве светит очень ярко и лампочка от автомобильной фары.

— Правильно, — кивнул Эдвин. — И если еще добавить, что на одной батарейке работает, а я им пользуюсь весьма часто, почти три года, тогда все верно.

— Сколько? — переспросил Грег.

— Почти три года, — с ехидцей в голосе повторил профессор. — Откройте его и загляните внутрь.

Фрэнк отвинтил колпачок и вынул завернутую в бумагу батарейку величиной с маленький желудь, похожую по форме на миниатюрную пирамиду с крошечным винтиком на вершине. Он хотел повернуть его.

— Стойте, стойте! — крикнул Эдвин. — Не трогайте ради бога, вставьте обратно от греха подальше.

— А что случится? — удивился Фрэнк.

— Я тоже полюбобытствовал как-то. Смита уже не было в живых.— Он потер лоб ладонью и, почему-то перейдя на шепот, закончил: — Трахнуло так, словно сунул палец в розетку с напряжением в 220 вольт. Еле очухался. Думаю, и спасло-то меня то, что стоял на резиновом коврике да руки были сухие. Вот какая она, эта, как вы говорите, обычная сволочная батарейка.

Грег с каким-то странным чувством испуга и уважения посмотрел на фонарик. И решил, что настало самое время распрощаться, если он не хочет ночью метаться в кошмарных снах.

— Большое спасибо, профессор. Очень рад был побеседовать с вами. До свидания.— Грег поднялся и протянул руку.

— До свидания. Мне тоже понравилась наша беседа. Пойдемте, я провожу вас. Вы сейчас в гостиницу?

— Нет, сразу на аэродром, мне сегодня же необходимо лететь домой.

— Самолет будет только поздно ночью. Если хотите, оставайтесь — вместе пообедаем, уже вечер.

— Благодарю вас, но у меня еще есть кое-какие дела. Мне надо идти. До свидания. Большое спасибо.

— Всего доброго.— Эдвин крепко пожал Фрэнку руку и проводил до двери.

— Вы знаете, сейчас я припоминаю,— он остановился на пороге и, прищурившись, покосился на Грега,— год назад я приезжал в ваш город, и на 33-й улице, мне показалось, в толпе мелькнул человек, исключительно похожий на Чарлза Смита. С уверенностью не скажу, что это был сам покойник, но его двойник или родственник, вне сомнения...

* * *

Когда Грег сказал профессору, что у него есть дела, он не грешил против истины. Он собирался до отлета посидеть в номере, обдумать и проанализировать то, что

узнал от этого странного, сурового на вид, но, по-видимому, очень доброго, благородного и даже веселого, обладающего чувством юмора, человека.

Фрэнк взял такси, приехал в гостиницу и снял на сутки очень дорогой номер — люкс с кондиционером и ванной — дешевле не нашлось.

Поднявшись к себе, сбросил одежду, принял душ, облачился в пижаму, разобрал бумаги и уселся за стол.

Была глубокая ночь, когда робкий стук, даже не стук, а что-то похожее на царапанье, заставило его поднять голову, насторожиться и прислушаться.

Звук повторился — стучали к нему.

Грег чертыхнулся, оторвался от дел, как был босиком, вышел в прихожую и приоткрыл дверь.

На пороге стоял маленький, полный, кругленький господин в мятном белом чесучовом костюме и красной, с черной кисточкой феске. На лоснящейся от жира физиономии торчали, как пучки сухой жесткой травы, сивые усы, а выше носа-редиски черными горошинами поблескивали глаза.

— Всем ли доволен, мистер? — Толстяк расплылся в улыбке, показав из-за мясистых красных губ желтоватые зубы.

— Благодарю вас, всем, — ответил Фрэнк, приняв его за администратора отеля.

— Не желаете ли поразвлечься?

— Че-его? — оторопел Грег.

Решив, что богатый постоялец, обладатель столь шикарных апартаментов, колеблется и ему нельзя давать передышку, чтобы прийти в себя, человек прижал растопыренные пальцы к лацканам пиджака и затараторил:

— Имеем на любой вкус.

До Фрэнка только сейчас дошло, с каким предложением пожаловал этот старикашка.

Грег с яростью, так что зазвенели рюмки в настенном баре, захлопнул дверь, в бешенстве плюнул на персидский ковер и пнул ногой мягкий пуфик.

— Везде одно и то же скотство,— прорычал он.— Все опоганили, мерзавцы. Даже среди древнейшей культуры ухитрились бардак открыть.

Работа уже не кленлась.

Плюнув еще раз на пол, он отправился в спальню, по пути отфутболив атласную подушку, и бросился на огромную, как трон, кровать под шелковым балдахинном на резных столбиках.

Полежав немного, он успокоился, протянул руку к кнопкам у изголовья и выключил свет. Тотчас в углу у огромного окна появилось, словно возникшее ниоткуда, какое-то зеленоватое бесплотное сияние.

Грег вскочил и подошел ближе.

Это была искусно выполненная голограмма одного из участков пустыни. Слегка помигивающие звезды, Млечный Путь, планеты на черно-синей сфере неба. Пирамиды, сфинкс на переднем плане — все залито холодным лунным светом. Слева, в тени от гробницы, по серебристому песку скакали на верховых длинношеих одногорбых верблюдах — драмодерах — «синие» люди-туареги, в одеждах цвета индиго, с длинноствольными ружьями в руках. На плосковатом лице сфинкса, изуродованном артиллеристами Наполеона, застыла его знаменитая загадочная улыбка-grimаса. От всей этой мастерски выполненной панорамы веяло чем-то беспредельно таинственным, древним и в то же время каким-то сверхдалеким будущим, находящимся за пределами человеческой фантазии.

Наверху сначала арабской вязью, а затем по-английски начертаны какие-то слова-строчки.

Грег нагнулся и прочитал изречение: «Когда люди постигнут законы движения звезд, сфинкс рассмеется и все полетит в тартарары».

Фрэнк машинально перевел взгляд на лицо сфинкса и, вздрогнув, отшатнулся — каменная маска смеялась...

ГРЕГ И О'НЕЙЛИ

В ушах еще стоял надсадный гул турбин. Вероятно, от резкой перемены климата покалывало в висках, во рту сушило и горчило, словно он лизал пыльные полынные метелки.

Когда Фрэнк появился в свою квартиру, он в полном смысле падал от усталости. Слегка поташнивало, совсем не хотелось есть, очевидно, сказались две последние бессонные ночи, руки дрожали. В коридорчике он взглянул в висящее на стене большое овальное зеркало, и ему стало еще хуже. Из затененной мутной глубины на него смотрело чужое бледное, похудевшее лицо. Глаза глубоко запали и лихорадочно блестели. Волосы будто внезапно поределли и висели, как взъерошенная пакля, резко обозначились носогубные складки, полуоткрытый рот со свистом втягивал воздух, губы потрескались.

Грег, волоча ноги, поплелся в комнату, плюхнулся в кресло и замер, пытаясь собраться с мыслями. Ничего не получалось, мозг до предела насытился информацией, и его предохранительные центры торможения отказывались не только принимать, но и перерабатывать ее. Он физически ощущал, как от шеи на плечи и далее по всему телу разливается вязкая тяжесть.

Так больше нельзя, подумал он, надорвешься. Надо отдохнуть, выспаться. Все равно продолжать работу нет сил, а следовательно, если он и заставит себя неимоверным напряжением воли сесть за стол, толку не будет — лишь измотается и издергается и в результате потеряет столь дорогие сейчас часы. Живо в постель.

Фрэнк еле-еле добрал до кровати, непослушными, вялыми руками стянул одежду, не разбирая постель, свалился на покрывало и тотчас словно провалился в беспокойную глубину. Ночью он несколько раз просыпался,

ворочался, затем снова забывался больным и сторожким сном.

В отрывках сновидений калейдоскопом мелькали: оскаленные пасти псов профессора, гадкая харя гостиничного сутенера, исполняющие канкан грудные младенцы и зловещая гримаса сфинкса. Однако, когда он открыл глаза, то чувствовал себя почти бодрым. Было желание понежиться еще, но в это мгновение как током ударила мысль — время. Точно распрямившаяся пружина, он соскочил с кровати и побежал в ванную.

Грег прыгал под душем, когда услышал, как жалобно и тягуче заскрипела входная дверь. «Кто бы это в такую рань? Хотя, что я — уж полдень». Он быстро натянул трусы и, шлепая мокрыми ногами по полу, выскочил в коридор, оставляя на паркете четкие отпечатки ступней.

На пороге стояла Джин. Увидев его, мокрого, с взлохмаченными волосами, небритого, с припухшими после сна глазами, она всплеснула руками, согнулась и громко захохотала.

— Ну и видик, господи! — задыхалась от смеха девушка. — Явление потасканного и влажного от слез раскаяния Христа народу. Что с тобой? — Она перешагнула порог и бросилась к нему в объятия. — Боже, ну и образина.

— Джинни, родная, — Фрэнк рванулся вперед, схватил ее в охапку и закружил так, что она поджатыми ногами задевала стены.

— Отпусти, сумасшедший! — Девушка уперлась руками ему в плечи. Волосы ее растрепались, с ног соскочили туфли. — Ты меня всю замочил. Задушишь же!

— Задуш, — задыхался от радости и нежности Грег. Наконец он поставил ее на пол и, зажав ладонями лицо, несколько раз крепко поцеловал.

— Когда ты приехала? Я так скучал. И здорово поилинял, шляясь среди гробниц, пирамид и... фараонов в красных фесках. — Он обнял ее за плечи и повел в ком-

нату.— Времени у меня в обрез, но выкрою полчаса и все-все расскажу.

Девушка остановилась посередине и огляделась.

— Да-а,— протянула она, вертя головой,— оставлять тебя одного нельзя — ты дичаешь, и если, как утверждали философы, когда-то труд сделал обезьяну человеком, то у тебя вопреки Дарвину эволюция идет в обратном порядке: чем больше работаешь, тем больше начинаешь смахивать на нашего волосатого пращура. Ну и ералаш. А что там? — Она заглянула в спальню.— Ты валялся, не расстелив постели? Ну знаешь — это уже полная деградация личности. Что наконец произошло? Я оборвала телефон, но никто не отвечал.

— Телефон отключен. У меня много работы, я сейчас объясню. Мне так тебя не хватало.

— Потом, потом, Фрэнк. Я тоже безумно скучала.— Она обвила его шею руками и прижала голову к груди.

— Но это очень важно, родная,— начал он.— Ты только представь, Кребс в весьма тяжелом положении...

— Самое важное, я здесь и очень тебя люблю.— Она отстранилась и взъерошила его волосы.— Чудовище, поговорим после.

— Джинни, с отцом несчастье, он попал в большую беду. Я надеялся сегодня как раз и сообщить ему кое-что обнадеживающее, чтобы он попытался получить у своих сатрапов отсрочку хотя бы денька на два-три.

— Значит, ты так и не приступал к делам фирмы?

— Нет.

— А ведь еще до начала отъезда накопилось много папок с цифрой 1. Ты подумал, что клиенты могут поднять шум, а то и расторгнуть контракты?

— Нет, не подумал. Мне было не до них. Ты же понимаешь, дело идет о судьбе моего приемного отца.

— Понимаю. Но не следует забывать и о главном, о репутации конторы. Еще не случалось, чтобы кто-нибудь разорвал договор с нами или был неудовлетворен нашей деятельностью. Уж не воображаешь ли ты, что

они придут в восторг от этой волокиты и, захлебываясь от альтруизма, повысят нам гонорар? Мы же сейчас в самом расцвете. Ведем много выгодных дел, и мне кажется неосмотрительным, оставив их, броситься, очертя голову, в какую-то мистическую и сомнительную авантюру.

— Какая же умненькая и разумненькая будет у меня женушка. Иногда я просто удивляюсь, кажусь сам себе ребенком, которого ты баюкаешь у груди. Как это ты до сих пор не села в мое кресло, клянусь, порядка было бы больше.

— О нет, мой дорогой, каждый хорош там, где он есть, кроме того — я женщина.

— Ну и что?

— А то, любимый, что позволено Юпитеру, не дозволено быку, или, если тебе угодно...

— Каждому свое?

— Вот именно, моя радость. Ты собираешься приступить к делам бюро или продолжишь легкомысленную погоню за какими-то таинственными эфемерными призраками?

— Но ведь речь идет о Кребсе и его семье. Я обязан помочь. — Фрэнк удивленно поднял брови. — Дело архисерьезное, ему грозят большие неприятности.

— Не фарисействуй, пожалуйста. Ты никому и ничем не обязан. А если будешь вести себя как мальчишка, то последуют неприятности ничуть не меньшие, — ответила она сухо.

— Джин, любимая, ну как ты не поймешь! Мы рискуем потерять часть доходов, а отец и его близкие окажутся на грани нищеты, в безвыходном положении, они же и теперь по горло в долгах.

— Это, конечно, печально, ты поможешь им, но не забывай и о фирме, вот что я хотела сказать. Впрочем, хватит, завтра утром на свежую голову все обсудим.

— Но мне надо поработать сегодня, я должен сообщить Кребсу результаты исследований, а мне думает-

ся, они весьма обнадеживающие. Если он отправится к начальству и, ссылаясь на мои выводы, выхлопочет, скажем, дней пять форы, то, я уверен, все кончится благополучно.

— Ты ничего и никому не должен. Сегодня мы будем наслаждаться жизнью. Я позвоню и сделаю заказ в ресторан, чтобы нам доставили сюда шикарный ужин, шампанского и виски мне, а тебе плебейское пиво. Согласен?

— Согласен, — безнадежно протянул Фрэнк...

Сквозь неплотно задернутые шторы, отбрасывая колеблющиеся лучи через всю спальню, пробивалось солнце. Грег лежал, заложив за голову руки, и смотрел в потолок на люстру-фонарь. Его переполняло расслабленное блаженство.

В ванной комнате слышалось журчанье воды и голос Джин. Она весело и фальшиво напевала модный шлягер.

«Это, очевидно, и есть счастье, — улыбаясь самому себе, думал Фрэнк, — вот такая блаженная, радостная беззаботность и любовь женщины, необыкновенная, сотканная из доброты, ласки и нежности. Когда сам ты здоров, молод и нет надобности думать о том, как бы ухитриться прожить грядущий день».

Закутанная в полосатую простыню, впорхнула Джин.

— Проснулся? Извини, родной, ты так славно спал, что я не решилась будить. — Она присела на край кровати и, нагнувшись, чмокнула его в щеку. — Но мне нужно бежать. Есть одно весьма срочное дело, не ревнуй и прости меня. Ничего тут не трогай — приберу сама.

— Отбрось ты наконец дела. — Фрэнк снова хотел обнять ее.

— Не могу. Извини, пожалуйста. — Джин пересела в кресло и стала быстро одеваться. — Потом, ведь мы договорились сегодня быть вместе. Я приеду часика через два, а то и раньше.

— Хорошо, малышка. Я жду, не задерживайся.

— Ну вот и чудненько. — Джин коснулась губами его

лба и выскочила в коридор.— Я скоро вернусь, не скучай. Помни — люблю!

Хлопнула дверь.

Грег поднялся и направился в ванную, но взгляд его скользнул по письменному столу.

— Черт возьми! — досадливо воскликнул он и схватился за голову.— Джин забыла включить телефон!

Фрэнк бросился к аппарату, путаясь в шнуре, отыскал вилку, сунул ее в розетку и торопливо набрал номер квартиры Кребса. Ответил низкий мужской голос — он узнал комиссара Фокса.

— Мистер Фокс? — удивился Фрэнк.— Как вы оказались там?

В трубке помолчали, потом комиссар, чеканя слова, произнес:

— Сегодня ночью, мистер Грег, точнее, в пять часов утра, инспектор Кребс покончил с собой...

— Он мертв?

— Мертвей не бывает.

У Фрэнка потемнело в глазах, горло перехватила спазма, вывалившаяся из рук трубка брякнула об стол, ноги стали ватными, и он опустился на пол...

* * *

— Как же это случилось? — еле шевеля губами, спросил Фрэнк.

Вдова Кребса сидела, невидящими сухими глазами уставившись в пространство, беспомощно положив на колени худые руки, с бугорками голубоватых вен. Из-под черной прозрачной косынки выбились спутанные седые пряди. Стив-младший еще не понимал, но чувствовал беду, притулился в уголке на маленьком стульчике, притих, как мышонок, и, каждую секунду готовый разразиться плачем, испуганными глазенками, часто моргая, смотрел на бабушку.

— Вы же знаете наше положение,— тихо проговорил

ла она.— Невестка умерла три дня назад. За содержание и похороны счет составил две тысячи, да накопилось еще пять долгу. Просрочены взносы за квартиру, нас и теперь могут вытурить на улицу хоть сейчас. Позавчера там у них — она неопределенно кивнула — опять что-то произошло, я не знаю, он никогда не делился со мной служебными событиями. Вчера поздно вечером его вызвали к начальству, долго ругали, а потом объявили об увольнении без выходного пособия и пенсии.— Она поднесла платок к глазам.— То есть выбросили как старый сапог — это мне сообщил сам мистер Фокс. А куда он пойдет, ведь ему пятьдесят девять? Я ни о чем не догадывалась, он возвратился на рассвете, я не спала, еще спросила: подогреть ли ужин? Он ответил — не стоит. Подошел к кровати Стива, долго стоял молча, гладил его по головке, потом нагнулся, поцеловал, повернулся ко мне, сказал — береги малыша и ушел к себе. Спустя несколько минут, — она поднесла платок к лицу, из глаз хлынули слезы, — раздался выстрел, громкий-громкий, боже мой.

— Успокойтесь, — Грег обнял ее вздрагивающие плечи. — Не плачьте.

Глядя на бабушку, Стив заревел, подбежал к ней и уткнулся в колени.

Фрэнк чувствовал, его бьет мелкий противный озноб. Дрожали колени. Он не мог дышать. Мышцы лица сводила судорога, стучали, клацая, зубы.

«Какой же я негодяй, господи, какой подонок. В то время когда отцу было так тяжело и одиноко, я развлекался. Господи, какой же я подлец, безвольная гнусная тряпка, дрянь. Не настоял на своем, не позвонил и, отложив все, не поспешил на помощь». Грегу хотелось рухнуть на пол, кататься по нему, разрывать рот, кусая пальцы, и выть, истощенно кричать.

Он налил воды и протянул вдове стакан. Она, отпив немного, поставила его на стол.

— Как теперь быть, не представляю? Моя жизнь про-

жита, но как быть с ним? — Она нежно погладила малыша по волосам. — Как мог Джеймс забыть об этом? Как он мог, боже мой!

Грег приблизительно прикинул, сколько денег на счете фирмы. «Кажется, тысяча тридцать», — подумал он.

— Вот что сделаем. — Фрэнк полез в карман и достал чековую книжку. — Я выпишу чек. Вы получите деньги, заплатите все долги, внесете за похороны, а там решим, как быть дальше. Не стоит отчаиваться, надо жить хотя бы ради него. — Он взял мальчика на руки, и тот доверчиво обхватил его шею. — Положитесь на меня. — В голове мелькнула непрошенная мысль. «Один положился на тебя, мерзавца, а теперь лежит в ледяном морге с простреленной головой». Фрэнк опустил малыша на пол. Ноги подгибались, глаза застилал туман. Он подошел к столу, расплывчатыми буквами проставил в графе «к выплате» — «двадцать пять тысяч долларов» и положил чек перед миссис Кребс. — Простите меня, мама. Я пойду.

Грег сидел в машине, опустив лоб на руль, и плакал, плакал горькими слезами, проклиная себя, растравляя душу воспоминаниями. Вспомнился вечер, когда Кребс пришел к нему. Как он приободрился, уходил почти спокойным, уверенным, что ему помогут. Да. А он оказался подлой и неблагодарной сволочью, пожертвовавшей жизнью своего названного отца, которому был всем обязан, ради своих утех. Фрэнк чувствовал — вместе с презрением к себе у него появляется неосознанная ярость против Джин. «Ладно, надо взять себя в руки, так можно и с ума сойти, при чем девочка — она многого не знала, делала все, чтобы мне было хорошо, она любит меня и, вполне естественно, хотела после долгой разлуки побыть со мной, доставить мне удовольствие».

Грег поднял голову, достал платок и вытер глаза. Вместе с платком, что-то, звякнув, упало на коврик. Фрэнк нагнулся — в темноте поблескивал серебряный доллар с тремя зарубками. Тотчас его словно подброси-

ло. «Ну, сволочи, уж вас-то я найду, все брошу, не буду ни есть, ни спать, пока не отыщу эту банду — виновницу смерти Кребса. И что бы мне ни грозило, сам лично перестреляю всех до единого, уж меня не подкупите, не надейтесь. Заплатите сполна. Подохнете, как бешеные собаки».

Он сразу стал совершенно другим, будто ярость сняла с него все эмоции. Вновь был собранным, хладнокровным и рассудительным детективом. Руки на баранке руля обрели твердость. Дыхание сделалось ровным, мозг заработал ясно и четко.

«Так,— подумал он.— Дело почти закончено, необходимо разыскать Роя Смайlsa, а уж он приведет меня к исполнителям. Будем искать бывшего покойника». Грег включил зажигание и, дернув рычаг скоростей, рывком тронулся с места. Он ехал к Майку-черепу. Да, преследующий преступников обращался вновь за содействием к уголовникам.

* * *

Разговор с Майком получился неожиданно коротким. Грег показал ему фотографию Роя и попросил, ничего не предпринимая, сообщить лишь его местонахождение. Гангстер долго вертел снимок в руках, то приближая к глазам, то отдаляя, зачём-то перевернул, осмотрел обратную сторону. Затем швырнул на стол, открыл ящик и вынул оттуда точно такой же.

— Видите? — Он протянул фото Грегу. — Не один вы, оказывается, заинтересовались этим молодым человеком, нашлись люди, которым он тоже необходим. Они даже не поскупились на кругленькую сумму и, обратите внимание, не стали искать через полицию, а ведь это было бы проще и не столь накладно.

— Кто же они, если не секрет? — удивленно спросил Фрэнк.

— Конечно, секрет, но не для вас. Это молодчики

Дика Робинсона. Они обратились ко мне неделю назад. Я оказался прав, когда советовал вам взять под контроль этого типа — ей-богу не все там чисто, или, если не возражаете, все там нечисто.

— И как же вы поступите? — Грег с напряжением слегка приподнялся со стула и ждал ответа.

— Разумеется, по-джентльменски,— усмехнулся Майк, скривив губы,— выполню взятые на себя обязательства — денежки уже уплачены. Дик Робинсон получит этого Роя, я очень щепетилен в исполнении дел, за которые можно выручить пару тысяч монет.

— У меня нет таких денег, Майк, и я, конечно, не могу соперничать с миллионером,— начал Грег.

— Вам этого не потребуется,— перебил его гангстер,— я обещал парням Дика адрес — они его будут иметь,— он поднял вверх тонкий указательный палец, украшенный крупным перстнем, затем опустил и ткнул в грудь Фрэнку,— после вас. Правда, они мне тоже обещали кое в чем поспособствовать — кто-то пришил моего помощника Дылду,— Майк в упор посмотрел Фрэнку в глаза,— мне думается, эти парни в курсе дела, вот и получится — баш на баш, но после вас. Мы не договаривались с ними о точных сроках и о том, чтобы не давать адрес кому бы то ни было другому. Они хитрые бестии, но упустили эти условия. Отсюда вывод — я могу действовать со спокойной совестью.

— Спасибо, Майк. Я этого никогда не забуду.

— Да ладно уж. К чему счеты.— Он полез в ящик стола и, достав длинную узенькую бумажку, сказал Фрэнку.— Запишите: Семнадцатая улица, дом 9, квартира 19. Хозяйка миссис Клаузен. Живет он под именем Луиса Корда. И запомните, ровно через двадцать четыре часа, ни минутой раньше, ни минутой позже, аналогичный текст получит Робинсон. Советую поторопиться и избежать встречи с этими пройдохами — с них взятки гладки.

— Еще раз благодарю, Майк.— Грег встал.

— Подождите.— Майк зачеркнул ножичком вторую

бороздку на долларе и вернул его Фрэнку.— Нате. Напоминаю, я человек деловой, у вас остался еще один шанс, не продешевите его, не разменяйте на мелочь, как какой-то олух в популярной детской сказке. Мне сдается, что нам предстоит новая встреча.— Он опять очень пристально взглянул на Фрэнка.— Впрочем,— гангстер неожиданно захохотал,— после реализации всех трех у вас останется доллар — мы не отберем,— на который вы сможете купить рюмочку. До свидания, мистер Грег, и не забудьте о времени, оно движется, сейчас четырнадцать десять. Завтра в эти же часы Дик станет обладателем адреса Роя.

* * *

Перескакивая через ступеньку, запыхавшийся Грег вбежал в контору. Взглянув на него, Джин с удивлением вскочила со стула. Глаза ее широко распахнулись, щеки побледнели.

— Опять что-нибудь, Фрэнк? — Она бросилась ему навстречу.— На тебе лица нет. Что с тобой, милый?

Грег остановился, исподлобья взглянул на нее и жестко сказал:

— Когда мы веселились вчера, Кребс пустил себе пулю в голову.

— Боже мой! — Девушка прижала ладони к вискам, глаза ее сузились, губы задрожали.— Зачем он это сделал? Какое несчастье.— Она попятилась и опустилась на стул.— Боже мой! Господи!

— Об этом у него уже не спросишь,— сказал Грег мягче. Искреннее раскаяние девушки сразу растопило гнев против нее.— Вероятно, пережить то, как с ним незаслуженно расправились и поступили, было выше его сил.

Джин уронила голову на руки, плечи ее сотрясались от рыданий.

— Не плачь, родная, Кребса не вернешь, а вот отомстить за него я сумею. Да, я выписал чек вдове на двадцать пять тысяч с нашего счета в банке.

— Боже, боже! — невнятно бормотала девушка.

— Ты слышала, что я сказал? — Он повторил.

— Ты рехнулся! — Джин вскинула голову. — Это же почти весь наличный капитал. Как же вести дела? Папок с единицами накопилось около десятка. Предстоит масса расходов.

— Перебьемся.

— Но как?

— Пока я не найду этих негодяев, из-за которых отец совершил самоубийство, ни о каких делах не может быть и речи, — отрезал он.

— Фрэнк, родной мой. Ты слепнешь от злобы, она затмевает тебе рассудок, не думаешь, что творишь. Сегодня по единицам истекает срок. Клиенты потребуют неустойку, а у нас нет денег, ты же их отдал.

— Меня это не интересует. Найти убийц — мой долг, иначе я просто не смогу жить. Понимаешь? Не смогу.

— Опять долг? Когда наконец люди перестанут быть кому-либо должны! — Глаза девушки сузились и сделались лиловыми. — Я прошу тебя, дорогой, будь благодарен. Подумай, что станется с нами, ведь мы собирались осенью пожениться, после того, как ты закончишь дела и получишь гонорар. И немалый. Подумай трезво, умоляю тебя. Ты успеешь найти этих типов, но сначала разберись с делами. Заклинаю тебя, Фрэнк!

— Не надо, любимая, я решил твердо и сейчас же отправлюсь туда, где, как мне кажется, смогу папасть на след шайки. Не расстраивайся, Джинни. Все будет хорошо, как-нибудь выкрутимся.

— А я не хочу выкручиваться как-нибудь! — резко выкрикнула она. — Я хочу определенности. Требую, наконец. Ты поступаешь легкомысленно, как школьник. Ставишь на карту наше будущее из-за какой-то прихоти. Ведь ты же сам сказал — Кребса не вернешь. Зачем же

это ненужное самобичевание, а заодно и огромный риск. Если клиенты поднимутся на дыбы, мы разоримся.

— Я полагаюсь на тебя, моя малышка. Ты же умница.— Фрэнк нежно обнял ее и поцеловал в глаза.

— Милый, опомнись. Ты возбужден, приди в себя, умоляю, мы многим рискуем.— Она прижалась к его груди.— Ну прошу тебя, пожалуйста.

— Нет, Джинни, нет.— Он отстранил ее и бросился в свой кабинет.

На столе громоздилась стопка папок. Еще издали он увидел красные цифры 1 на белых глянцевых обложках. «Дьявол с ними, подождут»,— подумал он и, открыв сейф, вынул оттуда автоматический пистолет. Затем, достав из коробки длинный ребристый глушитель, навинтил его на ствол и спрятал оружие в карман куртки. Под нее он надел через плечо плоский портативный магнитофон и вышел.

Джин стояла на том же месте. Она прижала к груди сведенные вместе ладони и с мольбой смотрела на Фрэнка.

— Я поехал,— сказал он, стараясь избегать ее взгляда.— Прощу тебя, будут помогать клиенты, выдумай что-нибудь. Хорошо?

— Хорошо,— отрешенно прошептала девушка и опустила руки.

— До свидания.— Он губами коснулся ее щеки.— Я думаю — это не займет много времени. От силы неделю. Не расстраивайся. Я люблю тебя.

— Фрэнк, дорогой. Подумай еще.— Джин, словно очнувшись, рванулась к нему, схватила за плечи, пытаясь удержать.— Ты разрушаешь наше счастье собственными руками. Мы же так мечтали, надеялись, и теперь все легит кувырком. Опомнись, остынь, не торопись, умоляю тебя. Ты не понимаешь, что творишь, ты губишь нас, нашу любовь.

— Не падо, Джинни. Один раз я проявил слабость,

и видишь, что из этого вышло. Хватит, с меня достаточно, я хочу сам себя уважать, а не презирать.

— Значит, тебе наплевать на все, что между нами было. На наши чувства, любовь, будущее.

— Не говори так. Подлость не фундамент для счастья. Я люблю тебя, ты знаешь это. Ты мне бесконечно дорога. Не преувеличивай опасность, постараюсь управиться побыстрее.

— Ну, довольно! — Голос Джин звучал глухо. — В конце концов я сделала все, что в моих силах.

ГЛАВА XII

ОЖИВШИЕ ТЕНИ

Перед небольшой лавчонкой человек в синем дырявом халате и кепке с длинным козырьком вытаскивал из грузового мотороллера проволочные ящики с литровыми молочными бутылками.

Узкий проулок упирался в высокую грязновато-коричневую кирпичную стену, заляпанную засохшим цементом. Справа небольшой проход вел в мощный булыжником темноватый двор, образованный четырьмя мрачными, как тюремные постройки, серыми пятиэтажными домами. На галереях, вдоль окон, хлопало развешанное на веревке белье. В углу у сваленных в беспорядке чугунных с отколотыми краями труб с криком носились друг за другом несколько мальчишек. На расчерченном мелом асфальте прыгали голенастые девчонки. Пахло сыростью и помойкой.

Грег огляделся и направился к кривой облупленной двери, над которой висела табличка с номерами 1—20. «Значит, если на каждой площадке четыре квартиры, то он проживает на пятом этаже — высоко забрался», — подумал Фрэнк и вошел в короткий коридор, из которо-

го сразу потянуло плесенью. Лифт отсутствовал, и Грег не спеша стал подниматься по кое-где выкрошенным бетонным ступеням, держась за щербатые, расщепленные и изрезанные ножами деревянные перила. Стены, когда-то зеленые, были исцарапаны. Краска вспучилась, в некоторых местах осыпалась, обнажилась пористая штукатурка. Стекла на окнах лестничных площадок толстым слоем покрывала пыль, словно их не мыли с момента постройки дома. На полу валялись обрывки бумаг, окурки, шелуха земляных орехов.

Он остановился перед синей дверью с черной цифрой 19 на белой эмалированной треснутой табличке и позвонил. Никакого эффекта — звонок не действовал. Тогда он постучал. За дверью раздались шаги, кто-то, вероятно, рассматривал его в глазок. Потом, очевидно, решил, что пришелец достоин доверия, залязгали запоры, и дверь приоткрылась. Перед Фрэнком стояла пожилая полная растрепанная, неряшливо одетая женщина в очках, в неопределенного цвета то ли шали, то ли накидке-пончо и шлепанцах на босу ногу, из дыр на носках высывались большие пальцы.

— Это вы, доктор? — Она приподняла очки на лоб и близоруко прищурилась.

— Да, — не задумываясь соврал Фрэнк, — здесь живет мистер Луис Корд?

— Здесь. Это он вас вызвал? Входите, пожалуйста.

Грег шагнул в мрачную холодную переднюю. Из кухни несло запахом затхлой овсянки и свиного сала.

— Как пройти к нему?

— По коридору, последняя комната налево. Я провожу вас. — Женщина повернулась и зашлепала по облезшему линолеуму.

Коридор еле-еле освещала висящая на засиженном мухами шнуре слабая лампочка. Вдоль плинтуса валялась изношенная, запыленная обувь, набычился рогами руля лишенный колес велосипед.

— Сюда, пожалуйста.— Хозяйка постучала и громко крикнула. Она, кажется, была немного глуховата: — Мистер Корд, к вам пришли. Проходите,— обернулась она к Грегу.

Фрэнк потянул дверь и очутился в маленькой сумрачной комнате, в которой стоял спертый запах лскачества, пота и чего-то еще резковатого и кислого. Разделенное на мелкие квадраты рамой окно выходило во двор, упираясь в глухую стену соседнего дома. Обои отстали от сырости, местами висели клочьями. В углах громоздились покрытые пылью стопки книг. Кроме маленького столика и двух табуреток, никакой мебели. У стены, на постеленном прямо на полу матраце, лежал человек. Под спину он подложил две подушки в грязных синих наболочках.

Грег сразу узнал его — это был Смайлс. Вернее, то, что от него осталось. Худые, ввалившиеся щеки покрывала седоватая щетина, редкие волосы всклокочены, на лбу выступила испарина. Он тяжело дышал, наполовину прикрытые веками глаза затанула болезненная муγή, тонкие губы крепко сжаты.

— Здравствуйте,— сказал Грег,— это вы больной, мистер Корд? Что вас беспокоит?

— Добрый день,— еле пошевелил сухими губами Смайлс.— Вы ошиблись, я хоть и неважно себя чувствую, но не вызывал врача, платить нечем.

— А я и не доктор, не волнуйтесь.— Фрэнк закрыл дверь и присел на табурет.— С вашего разрешения, я сяду.

— Кто же вы тогда? — тихо произнес Смайлс.— Что вам угодно?

— Я детектив Грег из частной конторы «Гуппи».

— А-а-а,— безразлично протянул Рой и опустил веки.— Зачем я вам понадобился?

— Хочу, чтобы вы помогли мне, мистер Смайлс.

— Что? — Он вздрогнул и открыл глаза.— Какой Смайлс? Вы меня с кем-то путаете?

— Да, да. Я нуждаюсь в помощи, мистер Роберт Смайлс. Как видите, мне известно ваше настоящее имя и еще многое другое. Я даже знаю — прежде чем стать Луисом Кордом, вы успели побывать Чарли Смитом и уже однажды умерли, а потом воскресли. Я не собираюсь шантажировать, а прошу оказать содействие в одном деле.

— Кто прислал вас?

— Никто. Я пришел сам. Если хотите, по зову совести и долга.

— Даже так. Интересно.— Смайлс невесело усмехнулся.— В чем же ваш долг, объясните, пожалуйста. Хотя я абсолютно не вижу, чем могу быть полезен.

— Можете. Правда, у нас мало времени.— Фрэнк отвернул рукав и взглянул на циферблат.— Через двадцать часов с небольшим сюда явятся молодцы Дика Робинсона, их очень заинтересовала ваша персона.

— Ах вот что.— Глаза Смайлса сверкнули, лицо исказила презрительная гримаса.— Почему же они не пожаловали вместе с вами?

— Они получают адрес только через сутки. Ко мне эти субъекты не имеют никакого отношения, но, думается, их интересует то же, что и меня, во всяком случае, я так полагаю.

— А именно?

— Последние события с грабежом и раздеванием людей. Мне кажется, вам известны обстоятельства, способные пролить свет на эти происшествия, наконец, исполнители столь невероятных деяний и соучастники. Я буду предельно откровенен. Вы, как мне показалось, человек честный, должны помочь в этом. Погиб мой отец, полицейский инспектор, его вышвырнули со службы, а у него семья, маленький ребенок и куча долгов. Он застрелился.

— Негодяи,— хрипло протянул Рой.— Да, негодяи, но

не те, кто раздевал, а те, кто расправился с вашим отцом.

— С ним расправились из-за них,— крикнул Грег.

— Не горячитесь. И не путайте причину со следствием. Вы ослеплены чувством мести и лишены способности правильно оценивать события.

— Мне плевать. Я разыщу подлецов и, уж будьте уверены, не побегу в полицию — ее эти бандиты могут купить с потрохами, а сам приведу приговор в исполнение.

— Вы наивны. Но мне нравится ваша благородная жажда справедливого возмездия, которая, однако, направлена не в ту сторону. Так, значит, вы говорите, ищейки Дика идут по моим следам и скоро приплетутся в эту зловонную нору?

— Да, им дадут ваш адрес, к сожалению, помешать этому я не в силах. Они разыщут вас везде, куда бы вы ни спрятались. Раз они заплатили шайке Майка, то дело швах, хуже не придумаешь.

Смайлс долго лежал молча, прикрыв глаза худой, почти прозрачной ладонью. Потом пошарил под подушкой и достал небольшой стеклянный пузырек:

— Я приму лекарство, если не возражаете, у меня ужасная слабость.— Он ссыпал в дрожащую ладонь несколько красных таблеток и, бросив в рот, проглотил.

— Лекарство надо запивать.— Фрэнк окинул взглядом комнату.— Где у вас вода?

— Сойдет.— Смайлс сглотнул слюну и спросил:— Так сколько сейчас времени?

— Половина четвертого,— ответил Грег.

— Успею. Часа мне хватит. Вы, надеюсь, не торопитесь?

— Нет. В запасе столько же, сколько и у вас,— почти сутки. Если эти бродяги застанут меня здесь — * — тоже не поздоровится.

— Ну, я имею, положим, времени меньше.— Он хрипло засмеялся.— Вы, я вижу, хорошо информированы о моей жизни?

— Да. Знаю почти все с вашего рождения и до настоящего момента.

— Верю вам. Но вы знаете, как обычно говорят, со слов летописца, то есть человека, составляющего жизнеописание, или по-вашему — досье. А он пишет необъективно, чаще так, как оценивает события сам. Некоторые нюансы ускользают, а порой выглядят совершенно иначе, чем в действительности.

— Отчасти вы правы,— подтвердил Грег.— Но общая канва, главная линия остается верной.

— К сожалению, иногда роковыми бывают мелочи и детали, а не ваша пресловутая линия. Вы бегло изложите, что вам известно, а я буду поправлять при искажении истины. Так лучше, ибо самому рассказывать тяжело. Я болен. И положите, пожалуйста, ваши часы на табурет, чтобы я видел циферблат. Согласны? Только покороче, времени у нас гораздо меньше, чем вы предполагаете.

— Хорошо,— ответил Фрэнк, расстегнул браслет часов и положил их на табурет.

Незаметно он включил магнитофон и начал излагать содержание черной папки.

Смайлс, опустив веки, время от времени согласно кивал.

Он остановил Грега, как только тот упомянул о его отце — профессоре медицины.

— Это был большой специалист своего дела. Он совершил массу открытий, порой уникальных, исключительных, особенно в области генетики, генной инженерии, регенерации конечностей млекопитающих и человека, выращиванию органов в благодатной среде и так далее. Он разработал систему биостимуляции, начал исследования по удлинению человеческой жизни. Он соз-

дал крепкую и надежную научную теорию. Всему, что касается в моих работах медицины, я обязан ему. Мне оставалось найти немного — импульс, толчок, чтобы вся эта стройная система обрела практическое применение. То есть если отец доказал, что для того, чтобы избавиться от наследственных болезней, следует в корне изменить генетический код, может быть, стереть его в зародыше и заменить новым, составленным человеком или заставить хромосомы «вспомнить» то, что они забыли в процессе эволюции, то мне предстояло решить проблему, как это сделать. Образно говоря, отец изготовил замок к двери, распахнув которую, открывались невиданные, в полном смысле неисчерпаемые и непревзойденные возможности власти человека над собой, своим здоровьем, долголетием, а в конечном счете и природой. И я нашел этот ключ. Он решал все теоретические вопросы, разработанные отцом, позволял воплотить их в жизнь и, кстати, не только их, он стал также ключом к реализации множества других, далеких от медицины проблем, но не менее важных.

— Но почему же никому не известно о его трудах? — спросил Грег.— Извините, но я даже не слышал об ученом с таким именем, хотя ваши некоторые статьи читал.

— Отец был идеалистом, как бы теперь сказали — чудаком. Он никогда ничего не публиковал, складывал все в кубышку, надеясь, что проживет несколько веков, настолько поверил в свои теоретические выкладки. Он думал выступить тогда, когда узнает, как заставить работать созданную им машину. То есть, сотворив автомобиль, надеялся, что откроет и бензин. А это уже иная отрасль науки, в которой он был профаном. Он был выдающийся медик, а разгадка являлась прерогативой совершенно другой науки, вернее, целого комплекса наук и их ответвлений. Однако давайте продолжим.

Грег снова приступил к жизнеописанию.

Когда он коснулся отношений между Роем и Кристиной, Смайлс поднял вялую руку:

— Стоп. Крис меня не любила. Может быть, лишь вначале. Я ей был необходим, чтобы сблизиться с Диком. Она на редкость взбалмошная и свержестолюбивая женщина. Мне она нравилась, очень нравилась. Сначала и ее что-то влекло, но едва на горизонте замаячил Дик — фортуна повернулась ко мне задом.

— Но...— начал было Фрэнк.

— Давайте условимся: не тратить время на опровержения. Я же обещал говорить лишь правду, не клясться же мне на Библии. Продолжайте.

Грег продолжил.

— Минуточку,— прервал его Смайлс, едва Фрэнк коснулся исчезновения алмазов из лаборатории и судебного процесса.— Никакой кражи не было. Робинсон инсценировал ее, чтобы подвести меня под монастырь. Вместе с Крис, с ее вedomа, хотел дать ей моральное право порвать со мной — мы же помолвлены, и надо помочь развязать ей руки. Заодно и дискредитировать меня как ученого, а потом шантажировать. А привлечением лучших адвокатов обелить себя в глазах общественности. Кроме того, я категорически заявил ему — работу в области геной инженерии и некоторых аспектов медицины откладываю до поры до времени. Хотя я ее уже закончил.

— Его интересовали «запрограммированные» люди?

— Вы и об этом знаете? Тем лучше — не придется толковать, что это такое.

— Почему вы сказали ему, что отложили эти исследования?

— Для подобных существ нужна чистая и высоко-нравственная среда, у них нет защиты против нашей мерзости и грязи, они бы погибли от ужаса, соприкоснувшись с действительностью.

— Так вы бы привили им иммунитет, что вам стоило?

— Тогда бы они ничем не отличались от прочих умных, сильных и красивых негодяев.

— Значит, вот чего требовал от вас Робинсон?

— Совсем наоборот — ему-то нужны были сильные и пуштоловые биороботы.

— Но как же вы ухитрились сотворить умельцев действовать столь искусно? — попытался забросить наживку Грег.

— Я их не создавал, они остались в расчетах с другими материалами в гробнице, где я чуть не погиб. Лучше продолжим, мне трудно говорить.

— Понятно, — согласился Фрэнк, будто то, что услышал, разумелось само собой. — Мы еще вернемся к этому. — Он продолжил рассказ.

— Подождите, — остановил его Смайлс, когда разговор зашел о пропаже драгоценностей из гробницы. — Это моя работа. Признаюсь.

— Вы взяли алмазы? — удивился Грег. — Но зачем?

— Я взял, я. Они мне были необходимы, как воздух, для опытов, я и выковырял их из очей фараонш.

Смайлс снова прервал его, как только Грег упомянул о мнимой гибели Чарлза Смита.

— Видите ли, Дик Робинсон делец до мозга костей. Он все доводил до логического завершения. Он не мог спокойно спать, зная, что где-то, пусть за тридевять земель, это безразлично, живет человек, талантливый, почти гений, живой укор его грязным делишкам. Как люди без совести и чести, он подозревал остальных в тех качествах, которыми в избытке обладал сам. Он думал: рано или поздно, но я опять окажусь на его пути. И подослал соглядатая. Этот проходимец явился ночью во время проливного дождя, я собирался идти за оставленными в штольне образцами ткани — на ней я проводил эксперименты. Он сказал — его прислал профессор мне в помощники. Я одолжил ему сухой костюм, и мы отправились в гробницу. Работы в ней давно были закон-

чены, и я основал в одной из ниш свой научный уголок. В темноте он набросился на меня с кинжалом и хотел убить, сопротивляясь, я случайно выбил ногой опорную стойку, свод рухнул на бедолагу и засыпал. Я понял — его подослал Дик, а мне надо исчезать. Второго такого случая не представится. Так испарился Смит и появился Луис Корд. Мой костюм и одного цвета волосы облегчили задачу.

— Но в извещении стояло имя Роберта Смайлса, я сам читал бумагу.

— Правильно. Сделать это было трудновато. Я знал: профессор Эдвин отправит сообщение. Почта уходила раз в неделю. Трое суток я скрывался в барханах, спасаясь от змей и скорпионов, изнывая от зноя, жажды и голода. Когда проезжал почтальон, он не знал меня в лицо, выполз на дорогу, сказал, что заблудился и попросил подвезти. В городе помог донести ему сумку. Разумеется, извещение оказалось у меня в руках — снять химреактивом фамилию и поставить другую — пара пустяков. Получив эту бумагу, Дик и Крис облегченно вздохнули.

— Что же дальше? — спросил Грег.

— Я приехал в Италию, жил там. Врачи обнаружили у меня неизлечимый недуг, связанный с тяжелыми нервными потрясениями. Там же я пристрастился к наркотикам. Часть украденных камней продал: денег, полученных за них, хватало. Потом, когда понял — жить осталось не так много, да признаться, жить мне и не хотелось, прибыл сюда. Выходил по ночам, тщательно гримируюсь. Правда, один раз, второпях выскочив за гаражом, я нос к носу столкнулся, как мне показалось, с профессором, однако он, видимо, не обратил внимания на какого-то расхристанного полоумного человека.

Он бросил взгляд на часы.

— Те таблетки, которые я проглотил при вас, смертельный, но почти безболезненный яд, его действие шесть-

десять минут, через тридцать я покину эту брнную землю и кончатся мои страдания.

— Вы с ума сошли! — Грег вскочил и заметался по комнате. — Я сейчас вызову «Скорую помощь». — Он бросился к двери.

— Остановитесь! — собрав последние силы, крикнул Смайлс. — Это бесполезно, тем более я тот, кого вы ищете. Людей раздевал я. Да, да, я один. Что выпучились?

— Вы-ы? Вы-ы? — протянул Фрэнк. Глаза его загорелись, рука потянулась к карману. — Значит, это вы, подлец, стали причиной гибели Кребса, его убийцей. Я пристрелю вас, как бешеную собаку. — Его рука судорожно дергала пистолет, зацепившийся за подтяжки глушителем.

— И поступите нелогично. Во-первых, я и сам скоро последую в мир иной, что уже само по себе освободит вашу совесть от лишнего греха, а во-вторых, не я убил вашего отца, а те люди, коим нужен был козел отпущения. Я всегда противился насилию, никого и никогда не убивал. Бедняга в склепе умер не по моей вине. То, что я делал, шутка гения. Чепуха. Я мстил за загубленный талант, за поруганную любовь, за исковерканную жизнь и оплеванные высокие идеалы. Я мстил своеобразно, но бескровно. Сядьте и слушайте.

Грег послушно плюхнулся на табурет.

— Без лишней скромности скажу — я стал большим ученым в области химии, физики и математики. Еще в лаборатории Дика, закончив исследования в области генной инженерии, пересадки органов и совместимости тканей. Я начал работу с лучами типа лазеров. Взял от последних только принцип и добился, что они, выходя из линзы, рассыпались узким веером, сохраняя свои качества, самые разнообразные. Сфабрикованное Робинсоном дело остановило эксперименты, но все формулы уже прочно запечатлелись у меня в мозгу.

Толчком для создания «лазера» и для размышлений

на эту тему послужили факты столь древние, что на них никто не обращал внимания. В экспедиции мне довелось увидеть мумии трехтысячелетней давности, и мелькнула мысль: неужели эти египетские кудесники не могли достичь простого и желаемого результата — сохранить ткани, сделать их неподвластными времени. Ведь к этому они стремились, казалось бы. На это рассчитывали.

Потом догадался: материал рассыпался в прах вопреки желаниям и расчетам. Вы знаете, что такое квантовая механика?

— Да как вам сказать,— неуверенно начал Грег.— Видите ли...

— Не тяните. Не знаете. Тогда слушайте, постараюсь покороче и популярнее, иначе совершенно не поймете сути открытия. Вы, возможно, слышали о теории элементарных частиц, основанной на квантовой механике и теории относительности. Она соединила воедино такие понятия, как «поле» и «вещество». Оказалось: они даже могут превращаться друг в друга. То есть энергии соответствует определенная масса. Например, снаряд в казеннике пушки имеет меньшую массу, чем тот же в полете.

Следует оговориться — эти изменения, переходы вещества в поле и обратно заметны лишь тогда, когда скорости близки к световым, ибо только они характерны для микромира. Сложилось понятие: все объекты его обладают одновременно свойствами элементарных частиц и электромагнитных волн, своеобразных волновых колебаний. Двигаться электроны могут вокруг ядра атома лишь по тем орбитам, которые предопределены квантовой механикой. Вам понятно, о чем я говорю?

— Пока понятно,— вздохнул Фрэнк.— А дальше будет сложнее?

— Разумеется. Одно вытекает из другого, все идет от простого к сложному. В общем, получилась весьма

стройная модель строения атома и его ядра, оставалось объяснить, какие силы удерживают компоненты вместе. И начались поиски, я бы сказал, триумфальное шествие элементарных частиц. Открывались позитроны, нейтроно-мезоны, мю-мезоны, пи-мезоны, антипротоны, антинейтроны и так далее. Сейчас их уже более сотни или около этого, и ученые пытаются создать что-то наподобие Периодической системы Менделеева в химии, вывести закономерности, предвидеть те, что еще не открыты. Но это в виде вступления. Я же обратился к космическим лучам. Это тоже движущиеся с большой скоростью элементарные частицы, а иногда и целые ядра легких элементов. Самое замечательное в них — чудовищная энергия, иногда доходящая до 10 000 000 000 миллиардов электрон-вольт. Непонятная цифра? Расшифрую — этого хватило бы на действие карманного фонарика в течение двух секунд.

— Господи. Так мало. Вы же говорили — чудовищная энергия?

— Но это же всего от одной частицы. А в общем даже невозможно представить, цифр не хватит и названия чисел. Энергию частицы приобретают от ударной волны в момент взрыва «новых» звезд. Затем они разгоняются магнитными полями Галактики. Путешествуя по ней миллионы, а то и миллиарды лет, можно вообразить, какую энергию они накопят. На Земле ученые начали создавать уникальные приборы — ускорители потока частиц высоких энергий. Но ведь такие приборы, может, и не такие, но близкие по духу уже созданы тысячи лет назад. Это египетские пирамиды. Правда, они не ускоряют частицы, а вроде бы ловят их, концентрируют, причем в строго определенных точках. Эти точки я и рассчитал. — Он немного помолчал и продолжил: — Вам, конечно, известно: материал может существовать не только в виде вещества, но и поля? Или и этого не знаете?

— Знаю, — кивнул Грег.

— Слава богу. Так вот, и то и другое неразрывно связано. В решении проблем я, очевидно, чисто интуитивно вещества отринул, начал с полей. Но ни одно из полей — электромагнитное, гравитационное, ядерных сил — мне не подходило. Следовало искать какие-то другие, доселе не открытые.

Помог случай. Я бы и без него, несомненно, пришел рано или поздно к желаемому результату, но мне повезло. В патентном бюро, разбирая как-то одну из самых, как казалось, курьезных моделей «вечного двигателя», я поразился: двигатель, разумеется, не работал, что и явствовало из заключения весьма авторитетных экспертов. Но в том-то и дело, что по моим выкладкам он должен был действовать, ну если не вечно, то с коэффициентом, близким к 100 процентам. В чем же дело? Ошиблись эксперты? Нет. Просто они не знали того, что уже знал я. Мне стало ясно — он должен подпитываться каким-то пока еще загадочным полем, все рассуждения вели к этому. Я начал искать. И нашел. Незвестное поле фокусировали египетские пирамиды, а родоначальником его, если так можно выразиться, были космические лучи. Я не пытался обосновать его природу, у меня было мало времени, может быть, потом я бы этим и занялся. Требовалось в первую очередь найти практическое применение, ведь масса теоретических разработок у меня была. Я назвал это гипотетическое поле Т-полем, где буква Т означала — трение. Поле если и не уничтожало трение полностью — у меня не было возможности проверить действие в разных режимах и обстоятельствах, — то ослабляло почти до нуля. Действие его было исключительным, даже по тем объемам, которые открыл я в кустарных условиях. Оно раскачивало диполи и молекулы, разъединяло связи внутри них, рвало нити любого материала. Действовало на полимеры и разлагало их полностью. Это поле как бы расшатывало вещество, делало податливым, безвольным, нарушало структуру, заставляло атомы меняться местами, орбитами, свойст-

вами. Стремилось вещество сделать жидкостью, текучей, словно вода. Впоследствии я убедился: именно это поле может менять генетический код, начисто стирать его, заменять новым или из глубин миллионов лет возрождать признак, забытый и отринутый эволюцией как ненужный. Оно может манипулировать генами как угодно, как заблагорассудится человеку. То есть все проблемы современной генетики, о которых, во всяком случае, нам известно, решались окончательно. Но это была лишь первая стадия. То, что стало известно, вплотную подводило к реализации идей, но лишь подводило, а не разрешало.

— Вы хотите сказать, что надо было найти еще что-то? — спросил Грег. Он слушал ученого затаив дыхание. — Разве мало того, что вы уже обнаружили?

— Да. Мало. Последняя точка не была поставлена. Как это часто случается в науке, одно открытие ставило еще целый ряд неразрешимых пока проблем. Поле следовало сжать, сконцентрировать — оно очень быстро рассеивалось в пространстве. Не было также прибора для его обнаружения. Опять труд и бессонные ночи. Скоро прибор был готов. Теперь оставалось самое главное.

— Как, и на этом работа не закончилась? — удивился Фрэнк.

— Нужно было создать источник энергии. Конечно, Т-поле могло действовать и от существующих электростанций различного рода. Но это дорого и громоздко, кроме того, не исчерпывало проблему целиком, умаляло некоторые открытия, снижало их ценность. По самой сути проблема была решена, а вот по техническому оформлению, что ли, или по воплощению не доведена до конца. Как, скажем, добыча золота из морской воды. Получать его можно, но обойдется это дороже, чем сам конечный продукт. Тогда дело выглядело так: для решения всего круга вопросов необходимо Т-поле, оно есть.

Но для насыщения Т-поля необходим уникальный малогабаритный, дешевый и необыкновенно мощный источник энергии — вот его-то и нет. Тем более по важности еще трудно сказать, какая проблема более в настоящее время нужна: первая или вторая, если учесть энергетический голод на планете. Я запросил у компьютера всю информацию по малогабаритным аккумуляторам. Разумеется, ее оказывалось не так уж и много. Отыскать нужное не представляло труда. Это в основном материалы, статьи и записки советского ученого Иоффе. Я выяснил, что он, занимаясь кристаллами, вернее, их поляризацией и диэлектриками, столкнулся с необычным явлением: в тонкой пластинке кальцита наводился ток. Но когда он попытался сложить пластинки в пакет, рассчитывая, что и напряжение будет складываться, ничего не вышло, происходили пробои. Но у русского не было того, чем обладал я. Идея облучить пластинки Т-полем сверкнула как молния. И все встало на свои места. Каждая пластинка толщиной в один микрон покрывалась после облучения сверхтонкой планкой в размер одной молекулы. Тогда пакет всего в миллиметр давал напряжение в миллион вольт. Источник был найден — элемент величиной с таблетку аспирина вырабатывал столько энергии, сколько давала средняя электростанция. Круг замкнулся. Источник подпитывал Т-поле, а его излучения помогали разрешить все вопросы. — Смайлс прикрыл веки и на мгновение умолк.

— Ну а все остальное, другие аппараты? — спросил Грег.

— Все остальное: приборы, просвечивающие стены, раздвигающие негодяев — это игрушки. Достаточно импульса, равного доле секунды, чтобы вспышкой Т-поля вещество малой твердости рассыпалось в прах. Катализатором являлся снап ультразвуковых волн. Это было бескровное орудие возмездия. Я всегда не только ненавидел кровопролития, но, скажу откровенно, не переношу вида крови, презирал в просвещенный век всякое

физическое насилие, а тем более такое, как главное из безумств,— война.

Больше всего я опасался, как бы мои открытия и изобретения не послужили бы ей. Своим последним аппаратом я хотел, чтобы ненавидистые мне люди были выставлены на публичное осмеяние общества, ибо у кого-то из русских писателей прочел: смеха страшится даже тот, кто вообще ничего не боится. Но вскоре я понял другое: мои изобретения, даже моя шутка, попади она в руки военных маразматиков, станут действенным оружием. Представляете, по снегу или льду наступает цепь солдат. Одно движение рукой — и они голые, голые на лютom морозе. Не говоря о воздействии холода, они еще и теряют способность к сопротивлению в чисто психологическом аспекте: лишенные одежды, люди чувствуют себя беззащитными. Что же касается моих серьезных открытий, то, если бы до них добрался Дик, он бы не только купался в золоте, а строил из него небоскребы, а все люди были бы его рабами.— Он откинулся на подушки и несколько секунд лежал без движения.— Прибор там, в коробке из-под кукурузных хлопьев, на подоконнике, принесите его, пожалуйста.

Грег потянулся и взял небольшую картонную коробку. Он открыл ее и увидел похожий на портативный фотоаппарат прибор.

— Дайте мне и отойдите в сторону,— слабым голосом повторил Смайлс,— эту тайну я унесу...— Он не договорил, тело выгнулось судорогой. В последний миг он открыл глаза и попытался что-то сказать, видно, в чем-то предостеречь, но не успел и замертво свалился на подушки.

Грег бросился к Смайлсу и схватил его руку — сердце не билось.

Роберт Смайлс был мертв.

Фрэнк повертел прибор в руках и заметил сверху над объективом две кнопки, черную и красную. Он направил объектив на висящий на гвоздике, вбитом в стену, за-

ношенный пиджак Смайлса и нажал кнопку. Пиджак будто растворился, превратившись в серенькое облачко. Грег чихнул и тут же вспомнил: «Так вот, значит, почему они чихали». Да, это действительно гениальное изобретение. Он, задумавшись, машинально нажал красную кнопку.

Грянул взрыв.

Стены запрыгали перед глазами, окно полетело куда-то вниз. Пол заходил ходуном. На миг в распахнувшейся двери мелькнуло белое как мел лицо хозяйки с широко открытым ртом, поднятыми в ужасе руками, и все исчезло...

ГЛАВА XIII

КРАХ ФИРМЫ «ГУППИ»

Два месяца Грег пролежал в частной клинике. Ранения были серьезны. Врачи колдовали над ним как могли, но пришлось все-таки удалить правый глаз и ампутировать по локоть левую руку. Молодой и крепкий организм брал свое — здоровье восстанавливалось.

Иногда, когда он оставался один на один со своими мыслями, Фрэнк вспоминал отдельные разрозненные, как осколки вазы с замысловатым узором, эпизоды из того, что произошло в тот злополучный вечер в неприглядной комнатухе Роя Смайлса.

Когда он пришел в себя после взрыва, то лежал грудью на бездыханном теле ученого. Кровь заливала лицо, ручьем лилась на пол, вместо левой кисти какие-то красные лохмотья, словно в сжатом кулаке он держал вырубленный неумелым продавцом кусок мяса. Боли не было, вероятно, сгоряча он ее просто не ощущал. Он помнил, как стянул носовым платком с помощью зубов и здоровой руки предплечье. На пороге двери застыла хозяйка, в потемках белело ее лицо, в полуоткрытых гу-

бах замер крик. Фрэнк дернул плечом, снял магнитофон, протянул женщине и, сплевывая на пол кровь, сказал:

— Ради всего святого, спрячьте, никому не говорите об этом и не давайте. Если поправлюсь, приду за ним.— Почти тотчас нахлынула боль — пронзительная, резкая она рвала на части, ломала кости, проникала в мозг. И он опять потерял сознание.

Очнулся Фрэнк после многочасовой операции уже на больничной койке.

Все два месяца его никто не навещал. Во всяком случае, он этого не помнил. Фрэнк пытался через сестру милосердия связаться с О'Нейли, но после многочисленных попыток сестра передала: ни в фирме, ни на квартире секретарши к телефону не подходят. Однако кто-то аккуратно оплачивал счета за операцию, лечение, лекарства и содержание в госпитале. На его вопросы хирург, толстоватый флегматик, очень похожий на французского писателя Бальзака, ответил: не знает имя человека, кто платит, да это его и не интересует, деньги поступают исправно, а от кого — как он выразился, — это уже детали, в которых он, медик, разбираться не намерен.

Настал день выписки. Фрэнк сидел на кровати и ждал, когда принесут одежду. По стеклу царапали шершавыми листьями разросшиеся под окном кряжистые вязы. В дверях палаты появилась сестра-хозяйка, монашеского вида, неопределенного возраста женщина с вечно поджатыми губами. В руках она несла большой сверток, прижимая его к груди, как запеленатого младенца. Грег очень удивился, когда она аккуратно разложила на соседней пустующей кровати летний светло-серый костюм, льняную рубашку, туфли и все остальное. То, что было на Грее, когда его доставили в больницу, представляло изодранные осколками и заляпанные кровью тряпки. Платье, которое лежало перед Фрэнком сейчас, несомненно, принадлежало ему и хранилось на

его квартире — знала об этом лишь Джинн. И опять никто ничего не мог сообщить путного о том, чья это работа: передали, мол, сверток с рассылным на имя Грегга, и все.

Сестра помогла одеться и провела в кабинет доктора, еще сравнительно молодого, но уже предрасположенного к полноте, и вышла, оставив их наедине.

Врач указал Фрэнку на стул. Грэг сел и вопросительно взглянул на хирурга.

— Как пациент вы мне симпатичны, — начал врач и слегка коснулся пальцами усов. — Не капризничали, не пытались пыжиться и выдавать себя за крупную птицу. Не ставили себе диагнозов, не пытались учить меня, как вас лечить. Вы парень толковый, я люблю таких. Кстати, меня зовут Макс Эдерс.

— Спасибо, доктор, вы тоже пришлось мне по душе, — с благодарностью ответил Фрэнк.

— Меня несколько раз допрашивала полиция, — продолжал врач, — но я ничего не знаю, разве только вот это. — Он открыл ящик стола, вынул из него пистолет с глушителем, бумажник и магнитофон, которые Грег передал хозяйке. — Уж извините, но я поинтересовался содержанием вашего бумажника и убедился: вы не какой-нибудь проходимец, а частный детектив, ваше имя попадалось мне в газетах. Может быть, я и отдал бы все полицейским, но насторожило предвзятое отношение к вам, создалось впечатление: им необходимо что-то из вас вытянуть, здесь какая-то тайна, связанная с их нелюбимыми делишками. Трудно объяснить, что мной руководило — интуиция или симпатия, но я сказал: при вас ничего не было. Они, между прочим, несколько раз упоминали имя женщины, но я затрудняюсь вспомнить — просто пропустил мимо ушей.

— Вирджиния О'Нейли? — воскликнул Фрэнк.

— Кажется, да, но не утверждаю. Я сказал: ни о каких женщинах от вас ничего не слышал. Хотя з брелу

именно это имя, но ласкательно — Джин — вы произносили часто.

— Благодарю, доктор, вы поступили правильно. Не скрою, случай, в результате которого я стал калекой, некоторым образом связан с грязными махинациями — в них участвовали многие, в том числе и бандиты и полиция.

— Кстати, вы уж меня простите за болезненное любопытство — я, каюсь, прокрутил пленку. Этот ваш Смайлс, что ли, нормален психически?

— Что вы имеете в виду?

— Мне кажется, он городил страшную белиберду. Насчет разных там яучей, полей и прочих химическо-физических выкрутасов судить не берусь — я не специалист, а вот о трансплантации и совместимости тканей, извините, — это мой конек. Могу констатировать — он нес самую настоящую чепуху. Я и подумал, не плод ли это воспаленной фантазии сумасшедшего? Это бывает у шизофреников.

— Нет, доктор. — Фрэнк помолчал. — Я сам видел собаку, у которой этот, как вы говорите, умалишенный отрастил лапу, и пес даже не хромал. Так-то вот.

— Поразительно, но разрешите остаться все же при собственном мнении.

— Оставайтесь. — Фрэнк улыбнулся. — Спасибо за все, может быть, еще и встретимся, постараюсь быть вам полезным.

— Полноте. Забирайте свои «шпионские» атрибуты и выходите на волю. — В его глазах заплескали искорки смеха. — Вы здоровы и ничего не должны, все уплачено по счету владельцу клиники. Я на окладе и в полной экономической зависимости от хозяина. Такие пациенты нам выгодны.

— Кто платил за меня? — спросил Фрэнк.

— Этого я не ведаю, деньги поступали непосредственно в бухгалтерию.

— И много туда поступило?

— Могу дать точную справку.— Он полистал бумаги на столе и, найдя небольшой голубой листок, прочел.— Шесть тысяч триста двадцать долларов и семьдесят центов.

— Ого-го. Шесть тысяч? — удивился Грег.— Такие деньги?

— Представьте себе. Сумма большая, ничего не скажешь, но какой-то благодетель или благодетельница, как Санта Клаус или добрая фея, внесли ее. Платили исключительно пунктуально — наличными прямо в кассу. Ну а что касается их инкогнито, мне думается, они поступали разумно. Я человек наблюдательный и сразу заметил слежку. Разные подозрительные типы увивались вокруг, пытались проникнуть в палату и подкупить персонал. Так что, очевидно, ваши коллеги, те, кто финансировал вас, прекрасно разбирались в подобных делах.

— Странно, но я догадываюсь — это почерк очень близкого мне человека — моей невесты.— Грег поднялся.— Большое спасибо вам, доктор, за все.

— Не стоит. Постарайтесь больше не попадать к нам. Вы убедились — это накладно не только для здоровья, но и для вашего бюджета. Прощайте.

— Прощайте, доктор. Всего вам доброго.— Грег взял пакет с вещами и вышел из кабинета. Он не сомневался, что где-то совсем рядом его ждет Джин, умная, милая Джин.

Фрэнк миновал широкий коридор и по лестнице, покрытой нейлоновой дорожкой, спустился к высокой, отделанной под дуб входной двери.

Утопающий в зелени, тихий двор клиники заливало солнце. Среди разлапистых листьев и белых пирамидок цветов каштанов гомонили птицы. От прохладного и свежего, как вода в горном роднике, воздуха слегка закружилась голова. Грег немного постоял, обернулся, по-

смотрел на белое с большими окнами и лоджиями здание и медленно направился по покрытой брусчаткой аллее, обсаженной флоксами и душистым табаком, к выходу.

— Мистер Грег! Мистер Грег!

Фрэнк резко обернулся и увидел: около обочины тротуара стоит такси, а рядом, держась рукой за край открытой дверцы, какой-то высокий человек машет ему рукой.

Он подошел и узнал Мартина, слугу Бартлета.

— Это вы, Мартин? — оторопел Грег. — Как вы сюда попали? Кто вас прислал, мисс О'Нейли? Здравствуйте.

— Добрый день, мистер Грег. — Негр пожал протянутую руку. — Я приехал за вами, садитесь скорее, пожалуйста. Быстрее, очень прошу вас.

Грег влез в машину. Рядом устроился Мартин, назвал шоферу адрес, и автомобиль мягко тронулся с места.

— Объясните, пожалуйста, что все это значит? — Фрэнк вопросительно взглянул на бывшего садовника Бартлета.

— Скоро мы приедем домой, и я вам все расскажу. — Мартин бросил взгляд на шофера. — Потерпите немножко.

— Понятно. — Фрэнк замолчал и прикрыл глаза.

Минут десять машина неслась по центральным улицам, затем плавно скатилась к морю, проехала в сторону порта и свернула в улочку, застроенную одинаковыми коричневыми четырехэтажными домами, плотно прилегающими друг к другу. У одного из таких зданий она остановилась. Мартин помог Грегу вылезти из машины, расплатился с шофером, и они направились к арке, ведущей во двор. Под ногами хлюпали небрежно уложенные поперек канав с водой листы рифленого пластика. Во дворе росло несколько чахлах деревьев с рахитично свернувшимися веточками.

Миновав подъезд, они поднялись на второй этаж и попали в длинный мрачноватый коридор, с одной стороны которого были окна, с другой — ряд дверей, как в дешевой гостинице.

Мартин вынул ключ, отпер дверь и посторонился, пропуская вперед Фрэнка.

В прихожей из-за ситцевой в цветочках занавески виднелась часть угла, превращенного в кухню. Газовая плита, чугунная, ободранная раковина с медным краном, из носика которого дробинками с монотонным звуком скатывались капли. На стене посудная полка. Прямо арка-проем в большую квадратную комнату, очень скудно обставленную: диван, стол, несколько стульев, небольшой шкаф, телевизор, деревянная низкая кровать, покрытая сиреневым покрывалом.

— Располагайтесь, мистер Грег. Сейчас я приготовлю кофе. Я не предлагаю вам виски — вы же не употребляете? Может быть, пива?

— Нет, Мартин, лучше кофе. — Фрэнк швырнул на стул пакет и присел на диван. Он был еще слаб, и даже непродолжительная поездка утомила его. Грег уперся затылком в холодную, твердую стену, опустил веки и задумался. Куда же могла исчезнуть Вирджиния? Впрочем, от этих подонков — полиции и шалопаев Дика — можно ожидать чего угодно. В душе росла тревога. Неужели они расправились с ней, ухитрились запугать, а то и запрятать куда-либо, где и будут держать, требуя от него что-то взамен.

— Пожалуйста, мистер Грег. — Мартин поставил на стол кофейник, чашки и сахарницу. — Пейте, а я расскажу вам обо всем. Разуйтесь, пусть отдохнут ноги, вы отвыкли от такой обуви. Я дам вам домашние туфли.

— Не стоит, Мартин. Рассказывайте, прошу вас.

— Хорошо, мистер Грег.

— Да бросьте вы ко всем чертям этого мистера Грега. Меня зовут Фрэнк, вы же прекрасно знаете.

— Хорошо, мистер Фрэнк.

— О, боже! — Грег махнул рукой. — Ну ладно, раз не можете, пусть буду мистер. Что все-таки случилось? Что значит эта встреча и квартира? Почему вы не повезли меня в контору или домой? Где мисс О'Нейли?

Мартин словно не расслышал вопросов и начал тихим голосом:

— Я ходил за молоком, по дороге в лавку купил газету и прочел: знаменитый сыщик, там так и было написано, сыщик, владелец конторы «Гуппи» найден в подозрительной частной квартире, принадлежащей некой миссис Клаузен, без сознания, в луже крови и доставлен в клинику. Судя по дате, уже наступил следующий день. Я позвонил мисс О'Нейли, но, — Мартин замялся, поставил чашечку на блюдце, — мне никто не ответил. Тогда я поехал в госпиталь. Там долго не хотели пускать, но потом все же я прорвался к какому-то толстому с черной гривой волос доктору. Тот сообщил: вам должны делать операцию, но прежде владелец приказал связаться с «Гуппи» и установить ваши финансовые возможности.

— Черт знает что, человек вот-вот отправится к праотцам, а они интересуются, сможет ли он заплатить. А если нет? Сдыхай! — Грег плеснул в чашку кофе, рука слегка дрожала.

— У них такой порядок, — спокойно продолжал Мартин. — Я поинтересовался, сколько это стоит. Врач назвал солидную сумму. У меня имелись деньги, и я их внес.

— Вы? Вы внесли свои деньги? — Грег вскочил. — А мисс О'Нейли?

— Да, мистер Грег. Надо было торопиться — они же не приступили к лечению. А мисс О'Нейли я найти не мог.

— Позвонили бы домой, ну я не знаю, — начал Фрэнк.

— Ее не было там.

— Куда же она делась? — Грег удивленно вытаращил глаза. — Она ведь тоже, наверное, прочла газету? Неужели эти сволочи расправились с ней?

— Мне неизвестно. Правда, усатый доктор сообщил: звонила женщина и очень подробно, он сказал, введливо, расспрашивала, как вы там и чем это может кончиться.

— Что это?

— Ну ваше ранение.

— А что же доктор?

— Он ответил — в самом лучшем случае вы будете, извините меня, инвалидом. Он так сказал.

— Ах вот как. И тогда эта дама перестала звонить?

— Этого я не знаю.

— Все ясно, негодяи подсунули какую-то свою бабенку, чтобы выяснить положение вещей, а Вирджинию им удалось устранить. Ладно, рассказывайте дальше.

— После беседы с врачом я понял: в лечебнице вы пробудете долго. Денег, которые я заплатил, хватало на операцию и дней на пять пребывания в клинике. Я несколько раз пытался связаться с мисс О'Нейли, но опять безрезультатно. Приблизительно неделю спустя прочел объявление в газете: фирма «Гуппи» закрыта.

— Как закрыта? Почему? — воскликнул Грег.

— Там так сказано — она прекращает свою деятельность в связи с... — Мартин помолчал, будто подыскивая слова, — в связи с некредитоспособностью.

— Неужели? — начал Фрэнк, но тут же осекся. — Хотя ведь Джин действительно сидела без гроша, а клиенты, очевидно, потребовали неустойку.

— Точно, мистер Фрэнк, потом я узнал — неустойки были почти погашены стоимостью оборудования конторы и обстановки вашей квартиры.

— Как так? И квартиры тоже?

— Да, мистер Фрэнк, вся мебель и вещи пошли с молотка и еще остался долг в полторы тысячи.

Грег плюхнулся на диван, потрясенный услышанным. На лбу выступили капельки пота. Под ложечкой появилась нервная тошнота. Бедная малышка, подумал он о Джин, вот уж кому было трудно одной, можно только представить, как она изворачивалась, обороняясь от кучи стервятников-кредиторов, улаживая дела и спасая его имя от позора банкротства. Он почувствовал острую жалость и нежность к девушке.

— Конечно, мисс О'Нейли погасила долг?

— Нет, мистер Фрэнк.

— Вы хотите сказать — она не заплатила полторы тысячи?

— Да. Это намеревалась сделать миссис Кребс, но я опередил ее и внес деньги сам.

— Опять вы, Мартин? — Фрэнк снова вскочил. — Да кто вы, собственно, такой? Морган, Ротшильд, шейх из Кувейта, Иисус Христос? Откуда у вас такая сумма? — Грег уставился на негра.

— Я продал виллу и участок, который мне завещал мой хозяин мистер Бартлет.

— Господи! — вздохнул Грег и всплеснул руками. — Час от часу не легче! Вы сумасшедший, Мартин. Вы потеряли рассудок и не отдаете себе отчет в том, что творите?

— Мне не оставалось ничего другого. Деньги требовались срочно. Я продал дом, землю и обстановку. Вырученной суммы хватило, чтобы полностью рассчитаться с долгом, заплатить за лечение, снять эту квартиру и еще положить оставшиеся деньги под проценты в банк — нам идет сто долларов в месяц — с голоду не умрем, — просто ответил он.

— Кто не умрет? Что вы городите, Мартин?

— Мы с вами, мистер Фрэнк.

— Да с какой стати вы взвалили на себя такую

обузу, Мартин? Вы мне кто: кум, отец, мать, сват-брат?

— Вы много сделали для меня, освободив из тюрьмы и сняв подозрение. Вы всегда мне нравились. А кроме того, зачем одинокому старику такой большой дом и сад. У меня никого нет, кроме вас.

— Нет, Мартин, вы ненормальный. Выбрасываете кучу денег коту под хвост на калеку и нищего, который не только не сможет вам их вернуть, а сам не сегодня-завтра сдохнет в нечистотах под забором. Неужели вы не понимаете — моя песенка спета, я мертвец. Я даже никогда не обращаюсь к мисс О'Нейли. Молодой, здоровой и красивой. Она будет меня разыскивать, я знаю, она меня любит, но я постараюсь исчезнуть. В конце концов пройдет время, она оправится от потрясения, обретет свое счастье, я не стану ей помехой, хотя она моя невеста, почти жена. Но все же, Мартин, зачем вам-то этот слюнявый альтруизм? Ради чего вы это сделали?

— А ради чего вы когда-то помогли Майку, вдове и внушонку мистера Кребса, наконец, заплатили адвокату, чтобы выщарапать меня из кутузки?

— Я-а! — начал Грег и замолчал. Лицо вспыхнуло румянцем. Ему стало стыдно, ибо у него чуть не вырвалось, что он, Грег, совсем другое дело, он-де благородный, культурный и белый человек, способный совершить самые высокие поступки по велению его души и бескорыстного сердца. Ему стало стыдно, что в подсознании притаились подобные мысли — он не мог серьезно допустить: этот негр, вечный чей-то слуга, способен тоже на проявление возвышенных чувств, доброты и людской благодарности.

— Извините, Мартин. Я болтаю ерунду, простите, пожалуйста. — Он взглянул ему в глаза. — Все это свалилось как лавина, я несу чепуху. Продолжайте. Что там дальше?

— А дальше ничего, мистер Фрэнк. Я кончил. Если не считать, что, узнав, когда вы выписываетесь, заехал за вами.

— Ну а мисс О'Нейли? Она-то где? — Грег поднял брови. — Что с ней?

— Она ликвидировала дела в конторе и в вашей квартире и уехала.

— Как уехала? Куда? — вскричал Фрэнк.

— Этого никто не знает. — Он пожал плечами. — Она не оставила адреса, я наводил справки. Ее нет в городе, а может, и в стране.

— Это невероятно, Мартин. Она чудесная девушка, очень меня любит, мы намеревались осенью пожениться. Этого не может быть, Мартин. Ты говоришь неправду, ты обманываешь меня! — Фрэнк рухнул на диван, прижал ладонь к лицу.

Они долго молчали. Грег трясло, плечи дергались, по щекам лились слезы.

Мартин встал со стула, присел рядом, положил руку на голову Фрэнка и тихо, но твердо произнес:

— Надо мужаться, мистер Фрэнк. Она бросила вас. Кроме того, мисс О'Нейли была непорядочной, плохой женщиной. — Он помолчал и шепотом добавил: — В ту страшную ночь, когда умер хозяин, она была у него. Она изредка навещала его и оставалась до утра. Это началось давно, когда она поступила в контору. Потом хозяин категорически запретил ей, узнав про ваши отношения, но она все-таки снова пришла к нему, очевидно, надеясь на наследство. Мисс О'Нейли и похитила рукопись шефа.

— Ты врешь! — дико закричал Грег, лицо его перекосилось. — Врешь! Врешь! Врешь! — Он, теряя сознание, сполз на пол. Как сквозь плотную пелену до него донеслись слова:

— Мне нет смысла обманывать. От вас я видел лишь хорошее. Полиции я ничего не сказал. Не хотел, чтобы

имя мистера Бартлета и ваше трепали газеты. Вам я тоже не обмолвился ни словом — зачем лишнее страдание. Успокойтесь, как-нибудь проживем. Вы останетесь здесь, места хватит. И ради бога, не убивайтесь. Эта женщина не стоит того. Нет, не стоит...

ГЛАВА XIV

ОКОНЧАНИЕ ИСТОРИИ, РАССКАЗАННОЙ ГРЕГОМ ДОКТОРУ ЭДЕРСУ

Расставшись с доктором Эдерсом у выхода из кафе, Грег, покачиваясь, побрел по тротуару к центру. Мимо проносились шикарные лимузины, обдавая прохожих едким запахом выхлопных газов. На углах улиц торговали цветами. За зеркальными стеклами витрин сверкали самоцветы и золото, струящимся водопадом переливались дорогие меха, лежали горы одежды и деликатесов. Продавцы газет охрипшими голосами выкрикивали очередные сенсации огромной и богатой страны.

На пыльном и заплеванном тротуаре сидел, поджав босые грязные ноги, старик пуэрториканец. Сквозь прорехи в ветхом пончо проглядывало худое, давно не мытое тело. Заскорузлыми пальцами он выуживал из ржавой помятой жестянки гнилые помидоры с осклизлыми макаронами и отправлял их в рот. Впалые щеки, покрытые седой щетиной, были перепачканы томатом.

Из открытого настежь канализационного люка, как чертик из коробочки, выглянул круглоголовый кудрявый негритенок. Захлопал длинными ресницами, показал кому-то язык, состроил рожицу и исчез так же неожиданно, как и появился. Крохотная девчушка в розовом платьице, с бантиками в льняных волосах, размазывая кулачками слезы по румяным щечкам, горько плакала. У ее ножек расплывался на горячем асфальте стаканчик с мороженым...

«Сама природа,— думал Грег,— сотворила мир так, что все люди смеются и плачут одинаково. Всем им должна быть свойственна независимо от расы, национальности и места обитания одна и та же боль и радость. Но и сюда, казалось бы, в очень личную и сокровенную область, грубо вломился человек со своими новыми законами. И вот вопреки природе и смыслу одни люди стали смеяться над болью других. Несчастья одних стали у других вызывать радость и злорадство, что не их постигли эти беды. Падших начали унижать еще больше, споткнувшихся — безжалостно сшибать с ног, ослабевших — добивать окончательно, втоптывать в грязь самое великое творение природы — гомо сапиенса — с его пусть маленьким, но все же человеческим достоинством. Так о каком же боге и милосердии может идти речь в этом ужасном обществе взаимной вражды?»

«Эдерс прав,— подумал Грег.— Какое дело разжившим фирмам до обездоленных, добывающих пропитание в помойках и мусорных баках. Им начхать, что людям, гомо сапиенсам, нечего есть, негде приклонить голову, нечем прикрыться от холода. На всех открытиях Смайlsa придется поставить жирный черный крест. Пусть лежат до лучших времен там, где их и захоронил несчастный гений. Наше общество еще не доросло до того, чтобы по справедливости распорядиться их благами. Действительно, бедные становятся беднее, а богатые богаче. Так мне ли усугублять это? Миль пардон, как говорят французы, я умываю руки. Черта вам с рогами, господа сильные мира сего, копошитесь в своем золотом, но зловонном болоте одни. Загребайте деньги и болтайте о божьей благодати. Жалкие фарисеи и лицемеры».

Фрэнк остановился и посмотрел вверх, где пирамидам сходились в перспективе поблескивающие стеклом, алюминием и сталью гладкие стены небоскребов.

На голубом клочке неба белыми хлопьями, слов-

но пушистый снег, прочертил полосу реактивный самолет.

«Снег? Снег? Откуда это? — напряг память Грег. — Ах да, когда-то Стив читал мне чьи-то стихи в прозе: «Снег падал и не ведал, что он — следы. По этим следам один человек нашел любимую и был счастлив, а другой подкараулил недруга и убил его».

«Господи! Куда мы идем? Куда катится наш проклятый и жестокий мир? Ведь можно с ума сойти, повеситься!»

«И сходят... И вешаются». — Ему почудилось, что где-то внутри, в подсознании, тихо, как дуновение ветерка, прошелестел голос.

«Я бы мог облагодетельствовать миллионы людей...»

«Или сотни миллионов сделать еще более несчастными, — продолжал шелестеть голос, — если гениальные открытия попадут в алчные и грязные руки».

«Я всегда стремился быть справедливым и милосердным...»

«Когда ты заступался за слабого, пытался восстановить равенство всех перед законом, помогал вдове и сироте-ребенку, — голос зашелестел жестче, — тебя избивали до полусмерти, вышвыривали со службы, бросала любимая. За добрые дела приходилось платить болью, куском хлеба и любовью. Но тебе шли навстречу, если надо было обманывать, шантажировать или, замышляя убийство, разыскивать жертву...»

Фрэнк затряс головой.

Машинально он опустил руку в карман и, нащупав доллар Майка, достал его. Одна из трех бороздок была не зачеркнута. Фрэнк потер монету между пальцами и поднес к глазу.

«Хватит, — подумал он, — сколько можно сидеть на шее бедного и честного старика? Черт с ними, с благородными принципами. Я, Фрэнклин Грег, бывший полицейский инспектор, подающий большие надежды, быв-

ший владелец фирмы «Гуппи», способный детектив, бывший здоровый и красивый человек, бывший любимый очаровательной молодой девушки. Бывший, бывший, бывший...»

Грег истерически захохотал. Захохотал так, что из единственного глаза покатились слезы. Теперь он собирается отправиться на поклон к отпетому бандиту и головорезу за жалким подаванием. Абсурд! Нонсенс! Там получит какое-нибудь местечко в притоне или будет консультировать и натаскивать гангстеров, как лучше заметать следы, в обход закона обляпывать грязные и темные делишки. Станет солдатом-наемником, винтиком огромной и зловещей машины преступлений, из которой его когда-то вытащил добрый старина Кребс. А что остается делать? Как сказал Мартин: жить-то надо. Но как жить? Как?

Тыльной стороной ладони он смахнул слезу, сжал челюсти. На скулах и висках выступили и перекатились под кожей желваки, расправил поникшие плечи и поднял голову. В мозгу слабо и безвольно запульсировала мысль: «Может быть, разом пора покончить со всем этим кошмаром. Ведь там, в небытии, нет ни горя, ни забот, ни проблем...»

Он опять затряс головой, так что заныли позвонки шеи. Огляделся. Пересек улицу, вошел в бар и небрежно швырнул на стойку меченый доллар.

— Виски! Большую рюмку. И пусть все катится к дьяволу вверх тормашками — сфинкс засмеялся!

Бармен, слегка прищурившись, пристально следил за тем, как, словно юла, на мраморной стойке вертится монета. Затем осторожно, двумя пальцами, будто невесть какую ценность, взял и, сдвинув очки на лоб, поднес к глазам.

— Виски, говоришь? Да еще большую рюмочку? — Он беззвучно засмеялся, обнажив фарфоровые зубы.

— Разумеется, приятель.— Грег отвстил бесшабашно.

— Не получится, парень.

— Это почему же?

— Она фальшивая, милейший.— Он приставил ее к глазу, как монокль, словно сквозь металл хотел разглядеть Грега.— Двигай-ка, дорогой, подобра-поздорову, а это — бармен щелчком отбросил доллар к Грегу,— повесь себе на шею в память о моем благородстве и великодушии, что не свистнул полицейского, избавил тебя от сидения на казенном пансионе...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Бар «Гонолулу»	5
Глава II. Ноев ковчег	22
Глава III. Взлеты и падения	45
Глава IV. Детективное бюро «Гуппи»	70
Глава V. Эдуард Бартлет — шеф	81
Глава VI. Загадочная смерть	102
Глава VII. Инспектор полиции	122
Глава VIII. В логове Майка-черепа	140
Глава IX. Информация для размышлений	156
Глава X. Профессор Эдвин	171
Глава XI. Грег и О'Нейли	190
Глава XII. Ожившие тени	203
Глава XIII. Крах фирмы «Гуппи»	221
Глава XIV. Окончание истории, рассказанной Грегом доктору Эдерсу	233

Подколзин И. В.

П44 Когда засмеется сфинкс: Приключ.-фантаст. роман.—М.: Мол. гвардия, 1983.—238 с., ил.

80 коп. 100000 экз.

В приключенческо-фантастическом романе молодого прозаика Игоря Подколзина рассказывается о трагической судьбе Роберта Смэйлса, открывшего новый источник энергии.

П $\frac{4702010200-157}{078(02)-83}$ 148—83

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 3639

Игорь Васильевич Подколзин

КОГДА ЗАСМЕЕТСЯ СФИНКС

Редактор В. Родиков

Художник В. Плевин

Рецензент Ф. Алымов

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Г. Каплан

Корректоры В. Авдеева, И. Ларина

Сдано в набор 02.11.82. Подписано в печать 15.06.83. А00134. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная» Печать высокая. Условн печ. л. 10,5. Учетно-изд. л. 11,0 Тираж 100 000 экз. Цена 80 коп. Заказ № 1825.

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, Москва, М-54, Валовая, 28. Заказ 1203.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцьевская, 21

*библиотека
Беспалова*

СССР

80 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

